

МБУК «Централизованная библиотечная система №1»
Губкинского городского округа
Сектор информационно-библиографической работы

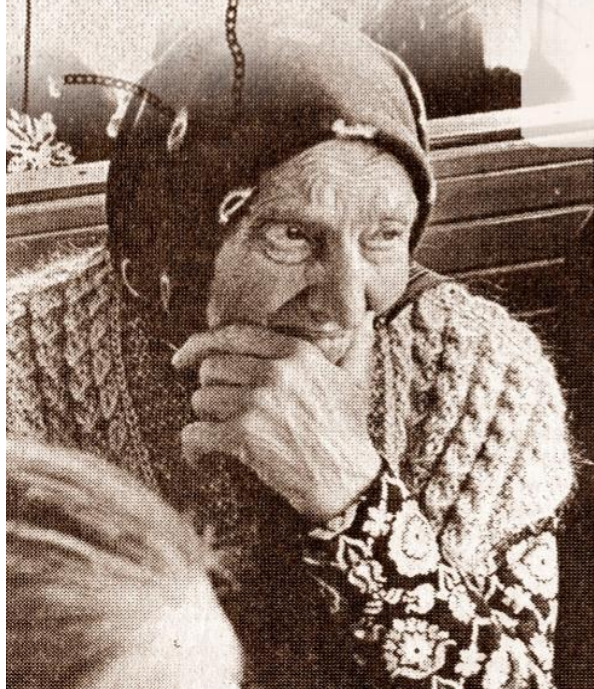
**ДОРОГА
МУЖЕСТВА**
Ст. Оскол — Рнява
95 км

ОВЕЯНА СЛАВОЙ ЗЕМЛЯ...

страницы прошлого листа

пресс-клиппинг

Губкин 2013

ББК 63. 3(Рос-4Бел)622,12
О 31

Ответственный за выпуск: Извекова Т.И. – директор МБУК «Централизованная библиотечная система №1» Губкинского городского округа

Составитель: Андреева Т.Л. – заведующая сектором информационно-библиографической работы МБУК «Централизованная библиотечная система №1» Губкинского городского округа

Компьютерный дизайн: Лыкова Л.В. – заведующая техническим сектором МБУК «Централизованная библиотечная система №1» Губкинского городского округа

О 31 Овеяна славой земля... : пресс-клиппинг / МБУК «ЦБС №1», Сектор информац.-библиограф. работы ; отв. за вып. Т. И. Извекова ; сост. Т. Л. Андреева ; комп. дизайн Л. В. Лыкова. – Старый Оскол : ООО «Ассистент плюс», 2013. – 94 с.

В издание вошли статьи, рассказывающие об оккупации и освобождении г. Губкина и Губкинского района от немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., которые были опубликованы на страницах местных газет «Новое время» («Знамя Ильича»), «Сельские просторы» («Ленинский путь»), «Эфир Губкина», «Горняк», «Рабочая трибуна».

ББК 63. 3(Рос-4Бел)622,12

© МБУК «ЦБС №1» Губкинского городского округа, 2013
© Оформление. ООО «Ассистент плюс», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГУБКИН В ГОДЫ ВОЙНЫ	6
И здесь полыхала земля...	6
В суровые годы	6
Последний бой у посёлка	9
Жаркое лето 41-го года...	10
Жили ожиданием красной армии	12
ЗВЕРСТВА НЕМЦЕВ НА ЗЕМЛЕ ГУБКИНСКОЙ	14
Они пали смертью храбрых	14
Руки матери	16
Завещание	19
СОПРОТИВЛЕНИЕ ГУБКИНЦЕВ	22
Таня из чапкино	22
Не склонили головы	23
Молодые подпольщики	24
Червоновка. 22 года спустя	25
Вдова солдата	28
ГОСПИТАЛИ	30
Им было всего лишь 17...	30
А память священна	31
Созвездие красного креста	32
Огненные версты боевых подруг	36
Вместо платья нарядного – шинель да сапоги кирзовые	37
Любви той свет сквозь годы не тускнеет	37
Храните память	38
Открыта мемориальная доска на здании бывшего эвакогоспиталя	39
ОСВОБОЖДЕНИЕ	41
И здесь полыхала земля...	41
Мужеству отцов поём мы славу	41
Последний бой у посёлка	43
В метельном феврале	43
В боях на губкинской земле...	45
Жили ожиданием красной армии	46
В наступлении	47
Цвела черемуха среди войны	48
ТРУД ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ	50
Шагнули девочки в войну	50
Есть женщины в русских селеньях	51
Этот день все приближали, как могли	52
СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ СТАРЫЙ ОСКОЛ-САРАЕВКА	54
Героические вёрсты	54
В суровые годы	64
С киркой и лопатой, а тоже – солдаты второй мировой	65
Моздокские девчата	66
Были и для нас цветы	67
Нам дорогу эту позабыть нельзя	68

ВОСПОМИНАНИЯ	70
Живут во мне воспоминания...	70
По шляху этому война прошла...	70
Кто знает имена героев?	71
ЗАПИСИ О ПРОШЛОМ	73
И доби́ли – песня в том порука!	73
Четверо его сыновей	74
МЕМОРИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ	76
Памятник «Вдове и матери солдата»	76
Памятник – мемориал «Строителям железной дороги Старый Оскол – Ржава»	79
Памятник горнякам-первопроходцам комбината «Кмаруда», погибшим на фронтах Великой Отечественной войны	82
Памятный знак в память о губкинцах – участниках Великой Отечественной войны	85
Монументальная композиция «Тыл – фронту»	87
Памятник воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны	89
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	90

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как много крови впитала в себя белгородская земля; так и кажется, что каждый камешек ее омыт солдатской кровью. Храните память о тех, кто отдал свою жизнь за то, чтобы вы не знали ужасов войны.

Т. Жиленкова, ветеран Великой Отечественной войны, бывшая учительница школы № 1.

5 февраля – памятный день в истории Губкинской территории. 70 лет назад наш город Губкин и район были освобождены от фашистской оккупации.

Семь месяцев, со 2 июля 1942 года по 5 февраля 1943 года, немецко-фашистские захватчики с помощью местных пособников наводили «новый порядок» на нашей земле. Однако мы знаем об этом лишь в общих чертах. К сожалению, за эти 70 лет не было написано книги, которая бы помогла ответить на вопросы: сколько солдат и офицеров отдали жизни за губкинскую землю и где они захоронены? Сколько госпиталей было в городе? Какие части освобождали нашу территорию? Где именно происходили кровопролитные бои? Особую ценность представляют воспоминания жителей нашей губкинской территории, которые своими глазами видели, как происходила оккупация района, а затем её освобождение.

К счастью местные газеты «Новое время», «Сельские просторы», «Горняк», «Эфир Губкина», в этом плане можно назвать летописцами героических лет. Именно на страницах этих газет губкинцы могут найти публикации, рассказывающие об исторических моментах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. на нашей территории. В фондах центральной городской библиотеки сохранились эти газеты, начиная с 1965 года и по 2013 год включительно.

Естественно, что газеты прошлых лет листать каждый не будет и в силу того, что они по истечении многих лет очень хрупки, и в силу того, что это кропотливая работа. Эту работу проделали библиотекари. Они отобрали наиболее важные, интересные в историческом плане публикации. Перевели их в электронный вид. Итогом проделанной работы стал пресс-клиппинг «Овеяна славой, земля...». В издание вошли полностью, или отрывки публикаций из вышеназванных периодических изданий. Статьи приводятся в том виде, в каком они представлены в газетах.

Знакомясь с настоящим изданием, многие обратят внимание на правописание отдельных населённых пунктов – Бабровы Дворы, Белгородщина и другие. Они приведены в том виде, в каком приводятся в статьях, хотя сегодня эти географические названия пишутся по-другому.

Материал в сборнике систематизирован по разделам: «Губкин в годы войны», «Зверства на губкинской земле», «Сопrotивление губкинцев», «Госпитали», «Освобождение», «Труд во время войны», «Строительство железной дороги Старый Оскол-Ржава», «Записи о прошлом», «Мемориальная память», «Список литературы».

Сотрудники библиотечной системы г. Губкина надеются, что пресс-клиппинг «Овеяна славой, земля...» будет интересен всем кто не равнодушен к истории своей малой Родины.

ГУБКИН В ГОДЫ ВОЙНЫ

И ЗДЕСЬ ПОЛЫХАЛА ЗЕМЛЯ...

В конце сентября 1941 года немецкие соединения вплотную приблизились к нашим местам. Враг уже захватал Белгород и Курск. Несмотря на пугающую неизбежность оккупации, комстроители самоотверженно продолжали трудиться, выполняя нормы на 180-200 процентов. А после работы на промышленных предприятиях проводились занятия по боевой, строевой, физической подготовке. Люди обучались владению оружием, методам защиты от поражения химическими отравляющими веществами. Маленький поселок Губкин готовился к обороне: и стар, и мал рыли окопы, запасались противопожарными средствами. Всё для фронта, всё для победы – губкинцы без сожаления перечисляли на военные нужды свои зарплаты, сбережения. Учителя, медработники, домохозяйки круглосуточно работали в госпитале, собирали и отправляли на фронт теплые вещи. Враг приближался.

Перед руководством шахты была поставлена задача – во что бы то ни стало спасти, сохранить горное оборудование, не дать ему попасть в руки немцев. Принимается решение о подъёме оборудования из шахты и вывозе его на восток, на Орско-Халиловский комбинат. В сентябре оно было погружено в эшелоны и вывезено, работы по его эвакуации возглавлял начальник «КМА-строля» В.М. Кислов. Оставшиеся без работы люди, те, кто ещё мог держать в руках оружие, записываются в народное ополчение.

2 июля 1942 года немцы заняли поселок. Оккупация его и близлежащих населенных пунктов продолжалась 7 месяцев. За это время в Старооскольском районе, в состав которого входил Губкин с окрестностями, было расстреляно и повешено более трехсот человек, в их числе – 107 женщин и 56 детей. На работу в Германию из родных мест насильно угнали около трех тысяч юношей и девушек.

3. Овсянникова, старший научный сотрудник Губкинского краеведческого музея.

Овсянникова З. И здесь полыхала земля.../ З.Овсянникова // Рабочая трибуна. – 1999. – 12 февр.

В СУРОВЫЕ ГОДЫ

Отрывок из третьего очерка, подготовленной к печати книги «Город Губкин»

В этот знойный воскресный полдень люди как будто не замечали жаркого диска солнца, не видели вокруг пышной зелени лета. Земля, такая прекрасная утром, днем, с тревожными словами, вырвавшимися из репродукторов, сразу стала какой-то серой, улыбающиеся люди – озабоченными. Таким пришел на нашу землю день 22 июня 1941 года.

На шахте в рабочем посёлке в Губкине спускали под землю электровоз. До богатой курской руды уже было совсем недалеко. Горняки жили ожиданием большого события вот-вот, скоро... И действительно, могло быть скоро. Если бы не война...

Механик шахты Петр Моисеевич Кострыкин, как только узнал тревожную весть, сразу вернулся на рабочее место. Трудно было поверить, что действительно кончилась мирная жизнь, что создаваемое здесь, на КМА, может быть разрушено. Люди не хотели верить. И в тот день работа не остановилась, хотя было воскресенье, все дома облетело слово «война». Работа продолжалась. Горняки еще упорней и настойчивей шли вперед – к руде, которой сейчас нужно было еще больше, которая очень нужна была для того, чтобы плавить металл, строить военную технику для отпора вероломно напавшего врага.

И так день за днём. Сводки Совинформбюро приносили тревожные вести. Красная Армия героически защищала каждую пядь советской земли. Но слишком всё было внезапно, слишком неравны оказались силы в этот первый, труднейший год войны.

К осени 1941 года немцы подошли вплотную к Белгородщине. И строителям первой на КМА шахты пришлось сделать то, во что так не хотелось верить и во что не верили все эти месяцы: приостановить работу и начать демонтаж оборудования. С запада уже явственно доносились звуки оружейной канонады.

Не одну нашу семью в те дни уже посетило горе. Приходили с фронта письма, которые нельзя было читать без слез, потому что в них говорилось о тех, кто уже никогда сам не напишет письма своим близким. Было много личного горя. И горняки, пережившие многие трудности, когда поднимали из шахты машины, чтобы увезти в тыл, не скрывали и не стеснялись слез.

Но иначе было нельзя. Так нужно. И снова, как и в самые первые дни, люди день и ночь проводили в шахте. Машинист насоса Степан Кострыкин неделю не поднимался наверх. Потому что подменить его было нечем – очень многие уже ушли на фронт. А когда поднялся из шахты, и ему принесли повестку из военкомата.

В осеннюю непогоду, в холодный дождь, в слякоть грузились эшелоны. Так же бережно, как и принимали когда-то, горняки грузили в вагоны оборудование, которое должно было служить делу победы над врагом уже не здесь, а на далеком Урале.

А через поселок проходили воинские части. На восток. На вопросы «Где немцы!» усталые красноармейцы хмуро отмалчивались.

Вскоре после начала ВОЙНЫ в Губкине был создан истребительный батальон. В помещение пожарной команды собрали все имеющееся охотничьи ружья, малокалиберные винтовки. Перед самым отходом наших войск на шахте сформировали бригаду, на которую возлагалась ответственность в случае необходимости взорвать шахтный ствол: Пётр Кострыкин, Евгений Скоробогатько, Алексей Ходеев, Василий Жданов.

Перед отправкой последнего эшелона руководство КМА-строя решало вопрос: взрывать или нет. Решили – повременить. Шахта уже была затоплена. Горняки знали и верили: уходят временно. Чувствовали, что вернутся всё равно назад и скоро.

Народное ополчение, в которое вошли многие горняки – электросварщик Калабухов, токарь Меченко, слесарь Тимофеев, машинист дизеля Коршиков и другие, – отправилось на линию фронта, которая уже совсем близко подошла к посёлку. Некоторые из них там и пали – в первом же бою. Другие – вступили в Красную Армию.

В феврале 1942 года в Красную Армию ушли уже почти все мужчины посёлка: председатель поселкового Совета Шквырин, проходчики Скоробогатько и Жданов. Петр Моисеевич Кострыкин был назначен председателем поссовета. В Старый Оскол из Курска переехали все областные организации.

К июлю 1942 года эвакуация была в основном закончена. С последним эшелоном на Орско-Халиловский карьер уехали руководители КМА-строя В.М. Кислов, Г.А. Захаров, Ф.Ф. Куликов и другие. Немцы были уже совсем близко. Дорога на Москву оказалась перерезанной врагом. Вернулись и прорывались через Валуйки. Не один раз эшелон попадал под бомбежку. Чувствуя безнаказанность, немецкие самолёты облетали состав на бреющем полёте, поливая его пулеметным огнём.

Линия фронта приблизилась к Тиму и Прохоровке. В бездорожье наши войска отходили на восток. Прямо по шпалам железной дороги на Старый Оскол шли машины, шли красноармейцы, жители окрестных сёл. Телефон ещё работал. 2 июля в Губкинский поселковый Совет позвонили из Старооскольского райкома партии.

– Пришлем товарища. Выдавайте повестки людям.

Ночью в колонны построились все оставшиеся еще здесь горняки. Часов в 6 утра позвонили ещё раз.

– Отправляйтесь на Старый Оскол.

Это был последний звонок. Связь прервалась.

В поссовет пришел начальник гарнизона, старший лейтенант Андреев:

– Немцы уже в Салтыково!

В этот последний час, затолкнув в пылающую печь последнюю кипу документов, Кострыкин снял с древка красное полотнище знамени поссовета и принёс домой. Жена его, Мария Егоровна, встретила мужа тревожным взглядом. Расспросы были излишни.

– Спрячь.

В последний раз окинул взглядом Кострыкин свой дом: придется ли вернуться снова.

Неподалёку грустно чернел силуэт копра шахты. «Так и не успели дойти до руды. Но дойдем, обязательно!». Как раз накануне войны Петр Моисеевич со своими товарищами ездил в Кривой Рог на шахты. С наиболее интересных и подходящих к условиям КМА машин были сделаны эскизы... И вот в затопленной шахте остался лишь троллейный провод. Компрессорная станция, подъемные установки, электровозы, насосы, дизели, скреперные лебёдки – все было эвакуировано на Урал.

– Вернусь, обязательно вернусь. Вернемся... – Это было сказано уверенно, совсем не для того, чтобы успокоить жену, оставшуюся с детьми в оккупации.

Семь месяцев хозяйничали в рабочем посёлке оккупанты. С первых же дней возле домов, где оставались семьи коммунистов, по ночам дежурили полицаи. Ждали – может быть, придут.

Мария Егоровна тоже ждала. Конечно, она не знала, что муж ее; пройдя сквозь хаос наступления, вышел к частям Красной Армии и вступил в её ряды.

Дома, в боковом валике дивана, было надёжно спрятано Красное знамя поссовета. Но вот однажды в дом зашли несколько немецких солдат с офицером. По его знаку они взялись за диван... И унесли его в соседский дом, где остановился гитлеровский офицер. Ему понабилась мебель...

Теперь уже не немцы столь бдительно следили за домом Кострыкиных. А они сами смотрели, как бы диван этот, ставший таким драгоценным, не перекочевал куда подальше. Однажды диван оказался во дворе дома. И пока вокруг не было ни души, ребяташки Марии Егоровны быстро притащили валик со знаменем домой. В тот же день оно было спрятано далеко и надёжно.

Сейчас трудно поверить, как выжили все эти черные дни женщины и дети, оставшиеся в поселке. Голод и холод посетили в это время каждую семью. Когда в освобожденный поселок вошли наши войска, в нём не осталось ни одного забора, ни одного плетня – все это ушло на топку печей. Зато просмоленный деревянный копёр шахты – поднеси к нему спичку, и он вспыхнул бы, как свеча, – остался цел. Люди верили, что шахта оживет снова, что рано или поздно в доменные печи страны пойдет руда Курской магнитной аномалии. (Начало в № 72, 73, 74).

Г. Лукоянов

Лукоянов Г. В Суровые годы // Ленинский путь. – 1970. – №72,73,74.

Вспоминает один из старейших горняков комбината «КМАруда» Н.М. Шумейко:

«Оставшиеся на шахте люди грузили наиболее ценное оборудование, отправляли его на Урал. Когда два состава ушли на Восток, пришлось взяться за дело, от которого, можно сказать, сердце кровью обливалось затапливать шахту. Но и оставить её врагу в работоспособном состоянии тоже было нельзя. Не приведи Господь кому-то ещё заниматься таким делом...

Хотя я имел бронь, в сентябре 1941 года всё же ушёл на фронт, причём попал сразу на защиту Москвы».

Шумейко Н.М., Почётный гражданин г.Губкина и Губкинского района

Шумейко Н.М. [Оставшиеся на шахте люди...] // Комбинат «КМАРУДА»: «Здесь жизнь каждого остается в истории. – Белгород, 2001. – Гл. Наверстывая упущенное. – С.30.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ У ПОСЁЛКА (отрывок)

Сегодня никто не рискнёт назвать точное число человеческих жизней, которые унесла Великая Отечественная война. Только в нескольких селах и деревнях, входящих ныне в городскую черту, погибло более 900 человек. Их имена значатся в местной Книге памяти.

В моей памяти сохранились многие события тех лет, и большинство из них связано с поселком совхоза «Казацкая Степь». Так, уже в августе 1941 года мы впервые увидели, что такое война. Тогда на территории совхоза в урочище Калашниково разбился наш четырехмоторный самолет дальней, ночной бомбардировочной авиации. Как потом стало известно, он вылетел на боевое задание с одного из тамбовских аэродромов. Из девяти членов экипажа трое погибли сразу, потому что их парашюты из-за малого расстояния до земли не смогли раскрыться. Хорошо помню, как группа рабочих совхоза и подростки (в их числе был и автор этих строк) искали в лесу упавший самолет и летчиков. Уцелевшие пилоты, их погибшие товарищи благодаря стараниям дирекции совхоза сразу были доставлены в Старый Оскол, откуда военными властями отправлены в район базирования.

В первый год войны противнику так и не удалось захватить нашу местность. Он был остановлен под Обоянью и Тимом, и линия фронта держалась вплоть до июня 1942 года. Тогда мощными ударами немцы потеснили на восток войска Юго-Западного и Южного фронтов. Начался семимесячный кошмар фашистской оккупации со своим «новым порядком».

Наступая на рабочий посёлок Губкин и окружающие его села, фашисты умышленно вели огонь по хатам. В Салтыково сразу запылали подожженные минометным огнем дома Тимофея, Пелагеи и Евдокии Новиковых. В первый день прихода немцев в деревне Шорсто-во был расстрелян мальчик Витя Новиков за то, что на нем была пилотка советского солдата, такая же участь постигла его сверстника Сережу Цыганкова. Факты, в общем-то, известные, как и жуткая трагедия, разыгравшаяся на Красном хуторе, где мужественно сражалась горсточка бойцов. Вместе с ними погибли женщины, старики и дети. Эти факты приводить всегда уместно, потому, что в наше время находятся люди, цинично заявляющие: «Было бы лучше, если бы победил Гитлер».

Вскоре в посёлок совхоза «Казацкая Степь» прибыл новый хозяин в чине капитана, господин Отто (так его велено было называть), объявив себя владельцем земельных угодий. Он приказал всем жителям безоговорочно выходить на полевые работы. Выходили строем, конвоируемые немцами с плетками и палками. К слову сказать, господин Отто был человеком предприимчивым, у которого, говоря по-русски, губа не дура. Он, как выяснилось впо-

следствии, намеревался засеять большую часть земли пищевым маком: сполна обеспечить пищевую промышленность не только рейха, но и всей Западной Европы.

Подобные комендатуры находились во всех селах, в Лукьяновке её возглавлял некто Вилли.

Новые хозяева знали о самом главном – подземных богатствах КМА. Шла молва, к сожалению, не подтвержденная документально, что сюда приезжал родственник немецкого дельца Штейна, чтобы наладить добычу железной руды. Но зыбкое положение, несмотря на временные успехи на фронтах, не позволило осуществить замыслы, да и сделать это было технически не просто. Ведь шахта имени Губкина была затоплена, оборудование удалось вывезти вглубь страны.

А господин Отто торопился убрать на редкость богатый урожай. Рабсилы не хватало, поэтому на помощь пригнали свыше ста военнопленных советских солдат. Их разместили в столовой совхоза, оградив её высоким забором из колючей проволоки. Кормили сырой кормовой свёклой и брюквенным супом. Много военнопленных умерло от голода и тяжелых работ еще до наступления осенних заморозков.

Несмотря на все жестокости, невидимый фронт действовал. В начале июля в районе урочища Толстое были сброшены три парашютиста. Они были схвачены и расстреляны. Мы не знали ни их имен, ни цели задания. Поиском никто не занимался и не занимается.

*М. Рудоманов, доцент Губкинского филиала МГОУ,
кандидат исторических наук.*

Рудоманов М. Последний бой у посёлка / М. Рудоманов, доцент Губкинского филиала МГОУ, кандидат исторических наук // Новое время. – 1998. – 5 февр.

ЖАРКОЕ ЛЕТО 41-ГО ГОДА...

Все дальше в прошлое уходит от нас Великая Отечественная. Все меньше остается в живых её участников, добывших Победу. И тем ценнее становятся воспоминания других свидетелей – детей войны, которые своими глазами видели какой-то промежуток того времени, почувствовали ту атмосферу. А детская память крепкая...

Жителю села Бобровы Дворы Александру Семёновичу Головкову было семь лет, когда началась война.

Для него война началась большим скоплением в центре села повозок, лошадей, людей. Мужчины группами заходили в сельсовет. Пацанам было любопытно, что там было, они заглядывали в окна, видели там раздетых мужиков, которые спустя некоторое время выходили одетыми и говорили: «Годен», и сразу начинался плач женщин – это был призыв на войну. Призывали и отца Шурика.

Запомнились проводы отца до военкомата. Все призывники и их родные шли до ворот военкомата, потом прощались, и в ворота заходили только мужчины.

Запомнилось, как читали письма отца с фронта: все собирались, и письмо читали, вслух. Отец обращался ко всем по именам и обещал детям привезти с войны подарки. Это потом они поняли, что главным подарком было то, что он вернулся домой живым. А тогда слова отца их радовали, чем и запомнились – дети тогда все были небольшие: старшей из пятерых детей Головковых, Жене, было всего девять лет, вторым был Шурик, а сестра Валя, Володя и Галя – еще младше.

Лето сорок второго запомнилось Шурику эвакуацией. К учреждениям подъезжали полуторки или повозки, на них грузились какие-то ящики, папки, садились люди и уезжали. Село опустело. А потом по дороге пошли стада скота. Коровы как-то тоскливо мычали, пас-

тухи хлопали кнутах. Над шляхом стояли гомон и пыль. А после через село на восток, на Дон пошли беженцы – шли, кто в чём одет, некоторые везли свой скерб в колясках.

Поток людей сменили наши танки, пушки, пехота – армия отступала. И последними были истребительные батальоны, приданные милиции. Их командир говорил оставшимся в селе женщинам и старикам, что им надо уйти от трассы подальше, чтоб не попасть под бомбежку.

Наталья Тимофеевна послушалась совета и, собрав детвору, ушла в Юшково, где вместе с еще тремя семьями они переночевали в подвале у бабки Верки, местной знахарки. Утром вышли из подвала – тишина, никакой войны нет. Вдруг послышался гул. Кто-то из взрослых попросил:

– Влезь, Шурик, на березу да посмотри, что там делается?

Влез мальчишка на дерево, увидел, что над Бабровкой летает самолет-рама. Увидел, что в деревне рвутся снаряды. Один попал в сарай деда по прозвищу Кубы, от чего загорелись сарай и хата, другой взорвался в огороде соседей Головковых – Булгаковых.

Спустя некоторое время снова наступила тишина, взрывы в деревне прекратились. Подождав еще, бабровцы решили, что бомбить больше не будут, и вернулись домой – негоже, что хаты остались без хозяев.

Уже в хате Шурик услышал треск мотоцикла. Невзирая на окрики матери, не пускавшей его, выбежал и притаился за углом сарая. В село въехал первый немецкий мотоциклист, за ним пошли восемь танков. Они не были похожи на советские танки, квадратные. Следом – грузовики, которые тянули пушки.

Постепенно деревня заполнялась немцами, которые сразу принялись ходить по хатам, требуя:

– Курка, яйка, млеко!

– Если им говорили, что ничего нет, они начинали шарить по хате сами и, конечно, забирали все, что находили. Прямо на улице стали жечь костры и готовить себе пищу.

На следующий день всех сельчан согнали к центру – там, в здании сельсовета организовали комендатуру. Сказали: выбирайте старосту. Хотели назначить старостой деда Шурика – Тимофея Кузьмича, но он отказался. Его сразу забрали в комендатуру и вместе с еще 14 жителями долго держали в подвале, а потом им каким-то образом удалось всё-таки освободиться. Старостой назначили другого – Дмитрия Петровича Леонова. Он нередко выручал мать Шурика и других сельчан:

– Ты, Наталья, завтра спрячь корову где-нибудь. Придут отбирать.

И она прятала и тем уберегла от голода детей.

Чем запомнилась мальчику семимесячная оккупация немцами села?

Колхозные поля, засеянные зерновыми, немцы разделили на делянки по числу жителей и всем велели убрать урожай. Убирала и семья Головковых. Зерно обмолачивали, ссыпали в мешки. У Александра Семеновича в домашнем архиве есть рисунок: женщина, впрягшись, везет сильно груженую тачку, рядом идет девочка, позади тачку толкает мальчик, а рядом стоит с грозным видом немец в каске. Это он изобразил мать, сестру Женю и себя, как им приходилось возить зерно в клуб, где его складывали, готовя к отправке в Германию. Но сделать это немцы не успели. Уже в январе 1943 им стало не до того. Боясь, что, уходя, фашисты сожгут приготовленный к отправке урожай, люди, узнав, где хранится горючее, вылили его. Разбираться немцы не стали, уже некогда было...

А еще в памяти сохранилось, как семья боялась, что у них отберут корову. Немцы на каждую семью наложили налог. Наталья Головкова тоже должна была сдавать молоко. И приходилось сдавать, чтобы не отобрали корову совсем. Однажды, несмотря на это корову чуть не забрали. Выручила переводчица – учительница немецкого языка Глафира Малыхина, обратив внимание немца на справку о сдаче молока. А в другой раз, когда пасущуюся корову проезжающие немцы привязали к своей повозке, это увидел знакомый Головковых из села

Кладовое. Борясь с собственным страхом, он кое-как, чуть не на пальцах, стал просить немца оставить корову, иначе, пятеро детей умрут с голоду. Тот понял и отвязал корову от повозки. Так люди помогали друг другу, как могли.

Еще запомнилось Шурику, как немцы ходили по хатам, отбирая у жителей теплые вещи. Однажды, когда немец увидел на мальчике буденовку с красной звездой, то, рассвирепев, сорвал её с головы и, отхлестав мальчика ею по лицу, закинул в кусты. Как ни испугался Шурик, но боязнь огорчить мать потерей заставила его найти буденовку. А мать, узнав обо всем, страшно перепугалась и велела сыну никогда её не надевать.

Все эти эпизоды навсегда врезались в детскую память и проросли впоследствии стихами или рассказами в творчестве Александра Семеновича, многие, из которых печатались и на страницах газеты «Новое время».

Л. Зиновьева

Зиновьева Л. Жаркое лето 41-го года... / Л. Зиновьева // Новое время. – 2008. – 21 июня.

ЖИЛИ ОЖИДАНИЕМ КРАСНОЙ АРМИИ **(отрывок)**

В далёкое уходит война. Всё меньше остается её ветеранов, всё меньше событий тех далёких лет могут вспомнить её очевидцы.

Великая Отечественная война не обошла стороной и наш район. К нам она докатилась летом 1942 года, хотя уже весной район и посёлок бомбил противник. Массовых бомбежек не было, но налеты одиноких самолетов в ночное время были.

3 июля враг занял посёлок КМА, села Скородное, Кладовое, Теплый Колодезь, Салтыково, близлежащие хутора и деревни. Наступая, немцы вели огонь по домам крестьян, расстреливали подозрительных.

Матрене Филипповне Котенёвой из Теплого Колодезя было 15 лет, когда в село пришли немцы.

– Лето 1942 года я помню хорошо, - вспоминает она. – Как обычно, в селе кипела работа: люди трудились в поле, пасли скот. И вдруг слышим крики: «Немцы, немцы!». Страх у меня не было, только интерес: какие они, те, кто с оружием в руках вторглись на нашу землю?

В селе хозяйничали бургомистры, старшины, старосты, в помощь им выделялись полицейские. Вся власть находилась в руках военных комендантов. В занятых немцами населенных пунктах был установлен «новый порядок». Жителям запрещалось передвигаться в другие места без особого разрешения. Ходить по улицам можно было лишь в светлое время суток, а ночью патрули стреляли без предупреждения. Были ликвидированы колхозы и совхозы, а их имущество и собранный урожай объявили собственностью германского государства. Местное население заставляли работать на немцев.

– А кто в то время был на селе? Женщины, старики да дети, – продолжает Матрена Филипповна. – И у них немцы отбирали коров, овец, кур.

В районе за семь месяцев оккупанты разрушили 916 построек, увезли или уничтожили весь сельскохозяйственный транспорт. Было угнано в Германию или уничтожено более шести тысяч голов скота, 11645 голов птицы. У колхозников отобрали 3452 коровы, 34485 овец, более одного миллиона пудов зерна, картофеля, чем обрекли жителей района на голод.

Расстрелы стали обычным явлением.

– До нас доходили слухи, – рассказывает М.Ф. Котенева, – о расстрелах нескольких мужчин в районе леса Толстое, что между Осиновкой и Авериного, это от нас недалеко. У нас в селе появилась парашютистка, пришла к Я.С. Черных, назвав себя ее невесткой, устроилась работать, а еще один парашютист неудачно приземлился, сломал ногу. Их кто-то выдал. Мы

тогда от взрослых слышали, что их арестовали, пытали, а потом расстреляли. А в Сергеевке был повешен колхозный бригадир И.И. Луповской, труп его висел три дня. А еще у нас расстреляли Ивашину (она не местная была) за то, что нашли у нее фотографию мужа в военной форме.

Конечно, уже с трудом вспоминает пожилая женщина события тех страшных дней, но одно врезалось в ее память: когда однажды пошла за водой к колодцу, недалеко от нее разорвалась мина. Чудом девочка осталась жива. И на смену детскому интересу пришел страх, жуткий страх за свою жизнь, за жизнь близких. За месяцы оккупации страх неотступно следовал за каждым из них. Дети и взрослые жили в ожидании прихода Красной Армии.

Р. Хайминова, учитель истории Теплоколодезянской школы.

Хайминова Р. Жили ожиданием Красной Армии / Р. Хайминова // Новое время. – 2003. – 4 февр.

Хутор Калиновка

ОНИ ПАЛИ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ

Ранним утром 4 июля 1942 года в хуторок Калиновку совхоза «Казацкая степь» зашли восемь красноармейцев. Они только что оставили огневой рубеж, где больше суток сдерживали наступление гитлеровских бандитов.

– Как же вы, ребята, будете? Ведь немцы по Курскому шляху тучей идут, – встретил их тревожным вопросом старый пасечник Павел Михайлович Сотников.

– Ничего, дедусь, мы пробьёмся к своим, а потом и фашистов назад повернём, – сверкнув глазами, ответил лейтенант, возглавлявший отряд.

– Дай-то бог, чтоб было так. Располагайтесь, а я медку принесу, – сказал Сотников и заторопился на пасеку. Но тут со стороны шляха послышалось стрекотание мотора, из-за пригорка вынырнул зелёный мотоцикл. Старик повернул назад, но гитлеровцы перерезали ему путь.

– Рус зольдат есть?! – прокричал немец.

– Нету здесь русских, нету, – замахал руками Павел Михайлович.

Фашисты сошли с мотоцикла. Один из них вскинул автомат и дал очередь по стайке кур. В сарайчике, против которого копались хохлатки, душераздирающе закричал ребёнок. Через несколько минут оттуда вышла рабочая совхоза Анна Тимофеевна Яковлева. Она держала на руках окровавленного сынишку. И тут не выдержал один из укрывшихся русских бойцов. Он выпустил автоматную очередь в бандитов. Короткая стычка – и гитлеровцы были расстреляны. Только мотоциклист успел умчаться.

– Дедушка, быстрее уходите из хутора. Фашисты сейчас вернутся, – торопил пасечника лейтенант. Сам он достал индивидуальный пакет и начал перевязывать раненого ребёнка. Бойцы помогали жителям хутора подготовиться к уходу в леса. Но не успели рабочие покинуть свой хутор. Буквально через несколько минут из-за лесополосы, что тянулась вдоль Курского шляха, выползли автомашины и мотоциклы. Больше сотни вооружённых до зубов бандитов окружали Калиновку.

Восемь русских бойцов держали оборону в канаве, густо заросшей терновником. Все они смогли бы через дубовую рощу уйти в ястребовский лес, а затем пробиться к регулярным частям Красной Армии. Но об этом никто не помышлял: обозлённые встречей в Калиновке фашисты могли выместить всю свою злобу на ни в чём неповинных жителей этого хутора. Поэтому бойцы остались на месте, чтобы задержать немцев и дать возможность рабочим уйти подальше в лес.

Гитлеровцы открыли по хутору бешеную стрельбу. Загорелись соломенные крыши хат. Но в ответ не прозвучало ни одного выстрела. И только после того, как фашисты при-

близзились к занявшим оборону метров на тридцать, из терновника, резанул прицельный огонь из ручного пулемета и автоматов. Цепь фашистов была смята. Многие попадали замертво, остальные залегли в огородах. Но и там, скашивая картофельную ботву, красноармейские пули доставали оккупантов.

Вражеская артиллерия обрушила на горстку наших бойцов сотни снарядов и мин. Один за другим падали сражённые в неравной борьбе русские воины. Но никто не дрогнул, никто не отошел с занятого рубежа. Фашисты дорого заплатили за Калиновку. Их трупами было усеяно все картофельное поле.

Вскоре немцы снова поднялись в атаку. Но хутор встретил их молчаливо. Подъехавший на легковой машине немецкий офицер дал команду прочесать рощу, проверить погреба. Через некоторое время на окраине догоравшей Калиновки оккупанты собрали 14 стариков, женщин и детей. Один из немцев на ломаном русском языке спросил:

– Кто сказал, что русский зольдат нет?

Из толпы вышел пасечник.

– Я. Меня и убивайте. Только детей не трогайте.

Офицер махнул рукой и сел в машину.

Пасечника расстреляли первым. Затем фашисты направили автоматы на женщин и детей...

Марина Яковлева, которая чудом осталась жива, так рассказывает об этом. «Мама стояла с моим раненым братишкой на руках. Я рядом с ней. Истошный крик женщин и детей смешивался с треском автоматов. Люди падали, пытались ползти в сторону рощи. Я ждала. Мне было всего лишь 10 лет, но страха почему-то не было. Думала только одно: куда попадет пуля, больно будет? Вдруг мама выронила из рук Леню – братишку моего. Падая в траву, она увлекла меня за собой. Я потеряла сознание».

После изгнания фашистских захватчиков останки погибших на хуторе воинов были перезахоронены в братской могиле поселка Казацкая степь, а зверски расстрелянные старики, женщины и дети покоятся на местном кладбище. Сейчас здесь ничто не напоминает о трагедии, разыгравшейся четверть века тому назад. Как и до войны, весело шумит зелёная роща. Старый дуб на ее опушке стал еще более могучим и пышным.

Долго мы не знали подробностей этой истории, не знали, что под корой могучего дуба остались осколки и пули. Но вот 4 июля прошлого года на место гибели своих родных приехала Марина Яковлева, которая работает теперь инженером Укрниипроект. Приехала из Старого Оскола и чудом спасшаяся тогда Наталья Травкина. Четверо её детей погибли под пулями фашистов. Они и поведали нам под дубом на опушке рощи о том страшном для хутора Калиновки дне.

Трудно передать словами впечатление, которое произвел на нас рассказ этих двух женщин. Скажу только одно: механизаторы третьего отделения тогда же решили обратиться с просьбой к директору совхоза поставить погибшим нашим рабочим памятник.

В канун 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции общественные организации Губкинского района и коллектив совхоза «Казацкая степь» совершили перезахоронение останков погибших. На торжественном митинге, посвященном открытию памятника, были Марина Яковлева, Наталья Травкина.

14 имен навечно вписаны бронзой на надгробной плите нового памятника, 14 имен никогда не будут забыты тружениками нашего совхоза.

Недавно в «Казацкую степь» приезжала жена лейтенанта Зуенко, который командовал горсткой смельчаков, вступивших в бой с фашистами в Калиновке. Она горячо благодарила жителей хутора за то, что хранят они добрую память о её муже и обо всех погибших здесь воинах.

С. Мацнев, секретарь партийной организации совхоза «Казацкая степь»

Мацнев С. Они пали смертью храбрых // Ленинский путь. – 1968. – 8 мая.

РУКИ МАТЕРИ

В посёлке Троицкий Губкинского района сооружён мемориал памяти жертв фашизма. Горит Вечный огонь у скульптурной группы. Центральная фигура композиции – женщина-мать. Её прообраз – Наталья Константиновна Травкина живёт в Старом Осколе.

Однажды я выступал на комбинате строительных материалов в Алексеевке и рассказывал, как фашисты вблизи хутора Красный Губкинского района расстреляли 14 мирных жителей, из которых семеро были детьми – от одного года до 15 лет. Смотрю: в зале женщина вытирает платком слёзы. Подходит позже, говорит, что среди расстрелянных там детей и её родные дяди. Видная, рослая женщина лет сорока называет пятнадцатилетних подростков дядей Мишей и дядей Егором.

Это оказалась Нина Николаевна Турова, дочь Марии Фоминичны Черных, которая после трагедии на хуторе приютила у себя оставшуюся в живых Травкину – мать четверых детей. Нина Николаевна и дала мне адрес Натальи Константиновны Травкиной.

... И вот в один из январских длинных вечеров я поднимаюсь на четвёртый этаж дома номер два, что в микрорайоне Горняк. Нажимаю кнопку звонка семьдесят пятой квартиры. Волнуюсь, дома ли она? И жива ли? А больше – что сейчас. Может быть, увижу мать, о которой сложены легенды. Какая она, эта необыкновенная женщина с такой мирной фамилией – Травкина? Что расскажет? Да и захочет ли? Сколько осаждали её расспросами, а каждый раз всё надо пережить заново, перенести.

Щелкнул замок. Дверь открылась. Дальний свет падал из-за спины, трудно было что-то рассмотреть. Но я понял, что это она. По нескорбленной, хотя ей под семьдесят, фигуре. По спокойным движениям.

Наталья Константиновна посторонилась, пропустила меня вперёд.

Небольшая комната, деревянный шкаф ручной работы, скамейки, сделанные, видно, хозяином. Портреты – мужской и женский. Точно такие, какие встречал я в музее. С десятилетней девочкой посредине. Мужа, Иосифа Кузьмича, она уже схоронила, дочь Вера вышла замуж. Живёт Наталья Константиновна одна.

Светлое лицо, мужественный подбородок, мягкий голос.

– Это ваша работа: ходить и писать?

– Да.

– Нужная работа.

Нежная кожа щёк, седина... Сложила руки на столе, подняла глаза.

– Он уходил, я только и успела вымолвить: «Ося, как же я – с четырьмя?...»

«Ну, – ответил, – мы же должны его осадить».

Вместе они растили хлеб. Детей. Теперь, с первых же дней, война разлучила их, и он до конца не знал, что с семейством.

... Поздно вечером, когда фронт подошёл совсем близко к хутору, постучалась в окошко мама... Пробралась из Ястребовки, что в семи километрах, заговорила шепотом: «Ой, что там творится у нас! Какая там страсть! Болохину расстреляли...».

Наталья, конечно, не могла представить какая там «страсть», как трудно было поверить, что Болохину расстреляли. Как это? За что?... Мамину соседку она знала: баба. Как все, с детьми, муж ушёл на фронт.

Детей решили положить в погребе. Натаскали соломы, постелили рядна. Перевели Ванюшку с Борей, перенесли на руках четырёхлетнюю Раюшу. Мальчишки, волоча ноги со сна, цеплялись носками за порог. Раюша так и не пробудилась. Сами с годовалым Женей устроились на погребнице. Раздвинули кувшины с молоком, кинули на землю отцов кожух. Под соломенной стрехой было жарко. Женя ворочался во сне и всё время доставал что-то ручонками.

– Пойдём в хату, – сказала мама.

На дворе было тихо, мирно горели в вышине звёзды.

Женю уложили в колясочку, что ещё для первенца смастерил муж – так та зыбка и перекачала всех четверых. Сами спали или не спали, только обеих всколыхнул далёкий, будто подземный, глухой гуд и близкая стрельба. Мама прильнула к окошку:

– Ой, кажись, немцы...Бежим! – только и успела произнести...

Наталья схватила из колясочки Женю, выскочила в сенцы. Дверь открыла, смотрит: от пчельника бежит Сотников Павел Максимович, пасечник. Руку поднял, точно загораживал её с ребёнком, и тут же упал на колени... Наталья с Женей – к погребнице. Ребёнка прижала к себе, закрыла рукой головку.

Выстрелов она не слышала. Только выкрики:

– У, рус!

И тут же почувствовала, как ткнулось что-то в руку. Женя вздрогнул, обмяк. Наталья оглянулась – мама стоит. И дети возле неё. Все трое. Мама рукой голову закрыла, да только и выговорила, оседая на землю.

– Вот мы и дожились...

Наталья поспехом, не помня себя, спустилась в погреб, положила Женю на солому, не зная, что положила мёртвого. Выбралась по ступенькам наверх, упала у груши в беспамятстве...

Всех шестерых, приняв за мёртвых, но ещё тёплых, подобрал рабочий совхоза. Снёс в хату. Он случайно оказался возле выселок и, когда началась стрельба, спрятался в лесу. А выйдя из укрытия, наткнулся на подворье Травкиных. Ванюшку положил рядом с матерью и тот, очнувшись, раскрыл глаза. Мальчик силился подняться, шевелил сухими губами.

– Мама, а где бабушка?..

Двое суток она лежала рядом с мёртвыми детьми и матерью. А в третью ночь на выселки забрели окруженцы. Пробирались они к своим, заглянули во дворы что-нибудь раздобыть. Когда наткнулись на мёртвых в горнице и заговорили, Наталья пришла в себя.

Слышала она плохо, правая сторона головы занемела. В ушах гудело, как в то утро, когда поднялась пальба. И не видела ничего – кровь, подтекая из-под волос, залила глазницы.

Она с трудом дотянулась до детей, ощупала израненной рукой холодные головки. Все четыре. Лежали они по старшинству, и каждого в темноте, с закрытыми глазами, она опознала, и каждому роняла на грудь своё бесслёзное, в крови, лицо. Выползла через порог, и тут её подхватили на руки.

Окруженцы несли её к хутору. Наталья крепилась, чтобы не стонать. С трудом различала шепот, со страхом поняла, что солдаты боятся заходить в селение. Так и случилось. Они оставили её под ракитой, у дороги, а сами скрылись в темноте.

По пути растряслись у неё раны, стала подтекать свежая кровь. Наталья чувствовала, как слабеет. До слуха донеслось непонятное тарахтение. Или показалось? Вскоре из темноты выросла чуть согнутая фигура, и Наталья узнала деда Демьяна, дальнего родственника. Жил он на краю хутора, притащил с собой тачку.

Определили её на погребницу. Мария, внучка деда Демьяна, обстригла на голове рану, промыла глаза. Перевязала покалеченные руки и ноги. А по ночам пробиралась к ней через патрульные заставы из Ястребовки Валентина Ивановна, акушерка. Приносила за пазухой бинты и свечку. Закрывала ладонью хлипкий огонёк, чтобы свет не падал на дверь, врачевала раны.

...Прошло больше сорока лет. Я беру эти израненные руки в свои. Руки матери, в отметинах шрамов. Растившие хлеб. Пестовавшие детей. Я беру эти святые руки в свои и с неимоверным усилием над собой, с болью в сердце представляю, как вот сюда, в белёсое пятнышко на тыльной стороне ладони, поддерживавшей головку, вошла пуля.

К приходу наших, через семь месяцев, раны затянулись, слух частично восстановился. Наталья раздобыла ученическую тетрадь, отыскала в развалинах школы огрызок химического карандаша. Подслюнивая его, чтоб ярче выходило, всю ночь, пока не сник огарок свечи,

оставшейся после акушерки, сводила в строку слово за словом. Писала воззвание к людям. Болью цепенели от ранений руки, а больше – сердце. Утром, когда начался митинг, поднялась на кузов автомашины.

Жидкой, израненной толпой сошлись односельчане. Сжались бесприютно кучкой возле бывшей школы ребятишки. Плотным строем сомкнулись подразделения воинских частей, отправляющихся на фронт. С ними она и ушла.

Что они, материнские руки, умели, кроме как хлеб растить, пестовать? Не было у Травкиной ни военной специальности, ни гражданской, которая бы пригодилась на фронте. Сначала промывала в керосине детали, а когда набила руку, её взяли в склад, где Травкина выдавала запчасти к танкам. И уже на исходе войны, прямо на перепутьях фронтовых дорог, считай, по ту сторону горя, встретила она случайно мужа.

– Обнялись... Кричали... В первый день она ничего не сказала ему про детей, щадила. Препоручила, мол, людям, и он, отшатнувшись, недобро, осуждающе посмотрел на неё – как это можно оставить четверых на чужие руки? Этот укор тоже надо было перенести...

Зазвонил телефон. Наталья Константиновна очнулась, глаза её прояснили. Звонила дочь Вера, что работает врачом-рентгенологом в медчасти электрометаллургического комбината.

– Муж меня жалел, – продолжала Наталья Константиновна. – Он знал, что я такая страдавшаяся. Дочь у нас родилась после войны, а теперь есть внучка Лена. В седьмом классе. Где наш выселок был, хлеб растёт. А дети до сих пор по ночам приходят ко мне. Боря занесёт дров, а то у мамы, мол, палец болит, и я просыпаюсь и слышу, как ноют пораненные руки. Одно время Ваню видела. Часто. Почти каждую ночь. А потом отошёл...

Наталья Константиновна замолчала, долго сидела, не шевелясь. Сжались, белея губы, запавшего рта. Судорожно дрогнули искорёженные пулями пальцы рук.

– Внучка у меня бывает часто. Живут они в Новом городе. И зять, что главным врачом, где Вера, на ОЭМК, Степанов Анатолий Григорьевич (его многие тут знают), возит меня к памятнику. Там, под плитой, пятеро моих с мамой...

Кто к ней приходил? Да разве расспросишь каждого? Чаше они расспрашивают. Привечала всех одинаково – и школьников, затеявших сбор в её квартире, и многих приезжих с фотоаппаратами и записными книжками. Не знала, что среди гостей были скульпторы и художники.

Узнала себя, когда её привезли на открытие мемориала.

– Вам рассказываю, а сама не могу... Когда от меня уходят, обтираюсь холодной водой. И там, у памятника, боялась, что не выдержу... набили таблетками, полегчало немного. Но говорила, помню хорошо. Откуда слова брались. Вот, альбом подарили...

Листаю картонные страницы с наклейками фотографий. Высокий обелиск. Рослая молодая женщина с красивым благообразным лицом смотрит вдаль, прижав к себе девочку лет десяти, уткнувшуюся в подол.

– А это кто? – указываю на девочку.

– Марина.

Яковлева Марина Ивановна...

Когда головорезы заскочили в их дом, девочка притворилась мёртвой. Отца и мать с братишкой расстреляли, а она осталась жива.

– Живёт в Киеве. Нас из выселок двое-то осталось...

Со временем я приобрёл фотографию монумента-памятника живым и павшим.

*Шаповалов В., член Союза писателей СССР,
ветеран Великой Отечественной войны.*

Шаповалов В. Руки матери / В. Шаповалов, член Союза писателей СССР // Бел-гор. правда. – 1985. – 28 февр.

ЗАВЕЩАНИЕ

«4 июля 1942 года в 4 часа утра орда фашистов на хуторе Западном, вблизи хутора Красный, около леса, расстреляла невинных мирных жителей — стариков, женщин, детей.

Среди них:

Травкин Ваня — 12 лет,

Травкин Боря — 10 лет,

Травкина Рая — 4 года,

Травкин Женя — 1,5 года...».

(Выписка со стенда, оформленного в музее боевой и трудовой славы совхоза «Губкинский»).

ЗЕЛЕНОЕ раздолье с яркими вкраплениями луговых цветов звенит множеством голосов. Простая и естественная песня жизни вливается через открытые окна автобуса, лица у пассажиров становятся спокойнее, умиротвореннее...

Немного не доезжая до Троицкого, прошу водителя притормозить автобус у памятника. И хотя официально на этом месте остановки нет, он, без обычного шоферского ворчания, сбавляет скорость. Впрочем, и раньше, неоднократно проезжая по этой дороге, я видел, как люди сходили с автобуса, поворачивали влево и направлялись к Вечному огню, который, как живое дыхание памяти, горит перед женщиной, девочкой и стариком, навеки застывшими в камне.

Рассказывать о том, что произошло тогда, мне, человеку, родившемуся после войны и воспринимающему ее как страницу истории, горькую, невероятную, — и то сердце заходится болью. А каково пришлось тем, кого задела кровавая трагедия, кто навеки потерял родных и близких — это даже представить невозможно!

НАКАНУНЕ к Наталье Травкиной из села Ястребовка, расположенного неподалеку, пришла мать. Фашисты, потеснив наши войска на северо-восток, растекались по округе, и пожилая женщина понимая, что дочери одной будет очень трудно с четырьмя малолетними детьми, поспешила на помощь. Муж Натальи чуть ли не с первых дней войны был на фронте.

Для безопасности старших детей решили положить спать в погребе, устроили им постель, а Наталья с матерью и полуторогодовалым Женей остались в избе. О том, что произошло дальше, свидетельствует рассказ Натальи Травкиной, напечатанный в курской газете после освобождения края. «В испуге я вышла из комнаты со своим грудным ребенком. С криком ко мне подбежали два солдата, на бегу прицеливаясь из автоматов... Раздался выстрел. Я почувствовала, как ребенок вздрогнул, струйки крови покатались из его груди ко мне на руки, он умер, не успев закричать. За первым последовал второй выстрел, я упала и тут посыпались очереди из автоматов.

Я потеряла сознание, а когда очнулась, то увидела страшную картину все мои дети зверски убиты — Женя, Рая, Боря и Ваня. Вместе с ними в луже крови лежала убитая мать.

Я тоже была вся в крови. Подумала, что все наши русские люди расстреляны, собрав последние силы, бросилась в лес и легла под деревом, потеряв сознание. Меня кто-то толкнул, но я не могла открыть глаз, заплывших кровью, слышала лишь слова: «Наташа, ты жива?». Это был рабочий нашего совхоза, он перенес меня в комнату, где лежали залитые кровью мои дети и мать...

Я снова потеряла сознание и только потом узнала, что в моем теле было 12 огнестрельных ран.

О, звери, о бесчеловечные враги!

Товарищи, братья! Кровь невинных детей, стучит в наших сердцах. Они зовут нас перебить всех фашистов, истребить их гадючье племя.

Я, мать Наталья Травкина, призываю отомстить за мое горе, за горе тысяч таких же обездоленных матерей. Поклянемся же, что не устанем мстить врагу до полного его истребления!»

ТРИНАДЦАТЬ жизней погубили в то утро фашисты. Среди них было еще двое детей – Егор и Миша Черных. А двенадцатилетней Маринке Яковлевой удалось спастись. Когда немцы ворвались в избу и сразили автоматной очередью отца и мать, девочка упала на пол от страха, притворившись убитой. Она-то и стоит на памятнике, прижавшись к Наталье Травкиной. А третья фигура – это пасечник Павел Максимович Сотников, который был застрелен, когда подбегал к дому Травкиных; видимо, хотел предупредить беду, да сам упал сражённый.

Долго заживали раны. На теле они зарубцевались, в сердце же матери остались на всю последующую жизнь. Спрятала Наталью Травкину, схоронила от звериного глаза фашистов Мария Фоминична Черных. Семь месяцев выхаживала она женщину, а когда та окрепла, то твёрдо решила пойти вперед вместе с освободившими край от врага советскими воинами. Тогда-то я обратилась Наталья Травкина через газету к людям с призывом бить фашистскую нечисть, помогать очищать от врагов нашу землю. В армии она стирала и штопала, потом находилась при автомобильной части, как могла и чем могла помогала нашим воинам. Судьба так распорядилась, что в конце войны встретилась она под Ригой с мужем – и вновь горючей болью зашло сердце, когда она не сразу, правда, боясь, что не выдержит и муж-солдат

такого удара, рассказала о непомерной беде.

Невозможно представить как Наталья и Иосиф смогли превозмочь такое горе, найти в себе силы возродить надежды на будущее.

После войны Травкины долго не возвращались в родные места; той же, нещадящей сердца памяти, боялись. А потом все-таки приехали в Старый Оскол. Уже после войны родилась у них дочь Вера.

А ПАМЯТНИК, у въезда в Троицкое, был открыт накануне

40-летия битвы на Огненной дуге. Его сооружение – заслуга коллектива совхоза «Губкинский». Была проведена большая поисковая работа, активистами, которой стали молодёжь и комсомольцы хозяйства, учащиеся местной школы. Создатели памятника побывали в гостях у Натальи Константиновны, и когда сползло полотно с вечного камня, все присутствующие сразу узнали в женщине её, только молодую, с открытым мужественным лицом.

Обо всем, что рассказано выше, мне в свое время поведала, сама Наталья Константиновна Травкина. В её скромной и уютной квартире в Старом Осколе явственно присутствовало прошлое. Фотографии: она – совсем молодая, муж Иосиф, брат Николай погибший на фронте.

– Когда муж-то умер – Иосиф Кузьмич мой, – говорила Наталья Константиновна, – совсем тяжело стало. Хорошо, что дочь рядом, внучка... Когда совсем затоскую, немоготу станет: дети-то во сне приходят все прошедшие годы, и чем дальше, тем чаще – попрошу, и зять отвезёт меня к памятнику, в Троицкое. Постою, поплачу. В музей зайду, на фотографию Кузьмича посмотрю – она там есть.

Два года уже не была у мемориала Наталья Константиновна. Не стало её на земле. Догнала-таки нещадящая пуля памяти. Мать, настоящая героиня, страдальца, как ещё говорят в русском народе, она передала жизнь дочери Вере Иосифовне, внучке Лене. А ведь какое, могучее дерево Травкиных могло украшать жизнь, если бы не сгубили его фашисты – звери, принявшие людскую личину.

Как святое материнское завещание храню я открытку от Натальи Константиновны, которую она прислала мне накануне 40-летия Победы, незадолго до своей кончины. Простые, ставшие уже привычными слова здесь трогают до глубины души, ибо знаешь о неимоверно-трагической, героической судьбе писавшего их человека: «...а ещё я желаю людям всей земли безоблачного, мирного неба над головой!»

В. Черкесов

Черкесов В. Завещание / В. Черкесов // Смена. – 1987. – 21 июня.

ТАНЯ ИЗ ЧАПКИНО

Из колхоза «Красный Октябрь» пришло письмо. Односельчане рассказывают о бывшем комсомольском секретаре села Чапкино Татьяне Ивановне Сбитневой (тогда Елмановой), спасшей в годы войны 12 советских солдат.

Она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. ».

Сейчас Т.И. Сбитнева работает в Губкинской СЭС.

У ПАМЯТИ долгая жизнь. Она не выбрасывает минувшие дни, как листки старого календаря, надежно хранит все, что прожито и пережито. Я сижу у Татьяны Ивановны Сбитневой и слушаю ее неторопливый рассказ. Она говорит, и за ее словами встает время.

«Когда началась война, я еще совсем девчонкой была. Отец ушел на фронт, а мне оставил ключи от колхозного амбара. Стала я колхозным кладовщиком. В это время деревней проходила 40-я армия.

Солдаты шли спокойно, уверено, хотя и отступали, и нам, жителям, становилось легче. Подружились мы с ними. А когда уходили, то и не думалось, что через несколько недель некоторых из них увижу снова».

...Немцы были уже недалеко от Чапкино: председатель колхоза Ф.М. Коняев, учительница И. И. Попова, Таня и ее подруга Варя Коняева решили уходить из деревни. В одном из сел старушка, у которой они остановились ночевать, предупредила: «Дальше не ходите. Там немцы».

Под старым пнем, за сараем, закапывали Таня и Варя свои комсомольские билеты, чтобы сберечь. Больше недели жили они у этой старой женщины, а потом под проливными осенними дождями вернулись в свою деревню. Потянулись дни, однообразные и унылые. Однажды сестренка таинственно сказала: «Сегодня придут наши солдаты».

«Наши», – удивилась Таня и сердцем поняла: свои, те, что были здесь.

В полночь, услышав осторожный стук в окно, она отворила дверь и невольно вскрикнула. Перед ней стояли полуживые, измученные люди, на черных похудевших лицах блестели лишь глаза. Узнать в них начальника Штаба Федора Андреевича Жданова и лейтенанта Петрова было почти невозможно.

«Попали в окружение, двенадцатые сутки ничего не ели. Достань еды. Нас двенадцать. Мы придем...», – сказали и ушли, словно растаяв в темноте.

Это было настолько невероятным, что казалось похожим на сон. Но раздумывать долго было нельзя. Ведь где-то рядом ждали помощи, обессиленные и голодные советские солдаты.

Так начался её подвиг спасения двенадцати.

ЗАСТЫЛ ЛЕС. Ни один лист не шелохнется. Где-то громко запела птица, вспугнув чуткую тишину...

В один из окопов Таня поставила еду, прислушалась – никого. Неслышным шагом ушла... А назавтра то же самое.

Порой она носила воду в ржаное поле, раскинувшееся сразу за их домом. Иногда солдаты поодиночке сами приходили к ним в сад. Пока мать Тани, Ксения Прохоровна, готовила еду, они разговаривали с Таней, передавали ей поручения начальника штаба. Так два раза ей пришлось идти в Бабровку, где расположился немецкий штаб.

В Чапкино, где жила Таня, немцев, к счастью, не было. Однажды староста, недобро усмехнувшись и кивнув на комсомольский значок, с которым Таня не расставалась даже в то страшное время, зло спросил: «Что это у тебя? Ты знаешь, в какое время носишь?!» – «В свое!» – успела ответить она, и в тот же миг значок был сорван и яростно затоптан в землю сапогом старосты.

Да, разные бывают подвиги... Бывают подвиги как легенда, как песня. А бывают такие, как этот, похожий на каждодневный, кропотливый труд с его заботами и тревогами: где достать еды, как передать штатскую одежду и многое-многое другое.

Километров за 60 – 80, в Верхнеатаманских лесах, находился лагерь советских военнопленных. Бывали случаи, что немцы отпускали пленных, если за ними приходили родственники. Вот так однажды посоветовал Федор Андреевич Тане спасти командира батальона. Колебаний не было, хотя немцы могли бы расстрелять сразу же при малейшем подозрении.

Лесами и полями, размытыми дорогами, ночуя в деревенских избах, Таня вместе с односельчанами шла в Верхнеатаманские леса, чтобы спасти хоть нескольких человек. Но этому не суждено было сбыться.

Они увидели, что лагерь был пуст. От местных жителей узнали, что пленных угнали накануне. Не успели чапкинцы... Немногословно и скупой рассказывала им какая-то женщина о страшных фашистских издевательствах над пленными, о том, как эти люди от голода ели траву. «Подходить нам и давать что-нибудь из еды – говорила она – не разрешалось. Сердце кровью обливалось, глядя на них».

ДАВНО ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА. Отгремели орудия, в окопах растут ромашки, но боль и гнев войны, ее следы и утраты будут мучить людей еще долго. Татьяне Ивановне в этой войне памятно многое. Но, конечно, более всего эти две недели, когда помогла отвоевать она у голодной смерти двенадцать советских солдат.

На прощание они сказали ей: «Спасибо тебе, Танюша, за все. А золотые ключи от Берлина мы тебе обязательно привезем...».

Татьяна Ивановна не знает, кто из них дошел до Берлина, а кто сложил голову за много тысяч километров... Кто скажет?.. А если жив кто-либо, то, конечно, вспоминает далекие дни войны и девочку, которая тогда помогла им выжить.

Л. Захарова.

Захарова Л. Таня из Чапкино / Л. Захарова // Ленинский путь. – 1969. – 25 окт.

НЕ СКЛОНИЛИ ГОЛОВЫ

Острую, щемящую боль принес июнь 1942 года мирным жителям хутора Кочки, Коренек и других соседних населенных пунктов: сюда вошли немцы. Временно. Но чувствуя себя полновластными хозяевами, на правах завоевателей, они силой стали насаждать «высший» новый порядок. Но всюду, где фашисты меняли, перекраивали на свой лад советскую жизнь, всюду на ее защиту вставали тысячи и тысячи борцов, уходя в партизанские отряды, организуясь в партийные и комсомольские подпольные группы.

Была такая подпольная комсомольская группа создана и на хуторе Кочки. Организовал её комсомолец Михаил Кривошапов. В ряды борцов входили комсомольцы Иван Быканов, Мария Булатникова и другие юные бойцы, не склонившие головы перед фашистами.

С первых же дней оккупации комсомольская подпольная группа повела агитационную работу. В своих листовках, которые комсомольцы разбрасывали на хуторах Кочки, Коренек, в соседних селах и деревнях, они внушали великую веру в победу советского строя. Красной Армии. Подпольщики призывали народ к стойкости, везде и всюду оказывать сопротивление врагу, саботировать его приказы.

Комсомольцы помогали советским солдатам, попавшим в плен.

Вот что свидетельствует жительница хутора Кочки Евдокия Васильевна Булгакова:

– Пленных расселяли недалеко от хутора. Даже не расселили, а загнали, как скот, за изгородь. Почти все они были изранены. Так истощены, что смотреть слезно. И вот нас, девчонок, собрал Михаил Кривошапов и сказал, что надо помочь пленным. «Как?» – спросили мы. «Пока – продуктами». Вместе ходили по домам, собирали хлеб, сало, луковицы – и всё носили попавшим в беду воинам. Нас не подпускали немецкие солдаты, били прикладами, но мы все равно перебрасывали пленным через изгородь продукты.

Отдельные девушки, как Мария Быканова, освобождали военнопленных, говоря немецким властям, что тот или иной пленный их муж. Словом, шли на хитрость, и иногда она удавалась: людей освобождали.

Подпольная комсомольская организация была связана с партизанами, которые находились в толстянском лесу. Нередко М. Кривошапов посещал связной партизанского отряда, где ему передавались важные сведения о движении гитлеровских войск, собранные комсомольцами. Иногда комсомольцы сами носили в лес к партизанам разведданные.

Одна важная магистраль, по которой двигались фашистские танки в сторону Прохоровки, была нарушена: комсомольцы взорвали деревянный мост через реку.

На 25 годовщину Великой Октябрьской революции подпольщиками был вывешен красный флаг.

Как рассказывает житель хутора Кочки Игнат Сафронович Быканов, комсомольцы, не имея красного флага, собственной кровью окрасили белое полотнище – и вывесили его.

Борьба продолжалась пока, не вернулась Красная Армия и не выгнала из наших мест фашистскую нечисть.

О. Свешников.

Свешников О. Не склонили головы / О. Свешников // Ленинский путь. – 1975. – 9 мая.

МОЛОДЫЕ ПОДПОЛЬЩИКИ

Во время Великой Отечественной войны мужчин, ушедших на фронт, пришлось заменить женам, младшим братьям и сёстрам. И не только в домашних заботах и на производстве, но и в организации сопротивления оккупантам на захваченных территориях. Примеры этого есть и в Губкинском районе, который находился в зоне оккупации целых семь месяцев: с июля 1942 по февраль 1943 года.

Осенью и зимой 1942 г. на х. Кочки, который расположен километрах в семи от Скородного, действовала подпольная комсомольско-молодежная группа. Сначала оставшиеся на хуторе юноши и девушки решили установить связь с партизанами и с их помощью начать борьбу. Однако шли дни, а о партизанах ничего не было слышно. И тогда начали действовать самостоятельно. Сестры Екатерина, Анна и Шура Булгаковы решили выпускать листовки – писать их от руки и распространять среди населения. Позже Шура вспоминала: «На огороде у нас стоял стог соломы. Мы выкопали в нем нору, забирались туда и писали листовки против немцев. Я, кроме того, рисовала карикатуры на Гитлера и его солдат». Сначала работали втроем, затем стали искать помощников. Обратились к 17-летнему Мише Кривошапову, отец которого до войны работал в Скороднянском райкоме партии. Юноша – сразу согласился. Вскоре они вовлекли в свою группу еще нескольких друзей. Сестры Булгаковы писали лис-

товки, а остальные по ночам разносили их по окрестным селам. Ходили в Толстое и Скородное, Корочку и Огибнянку и даже в Корочу.

Ребята отметили и 25-ю годовщину Октябрьской революции, вывесив красное полотнище на телеграфном столбе у оживленного перекрестка в Скородном. Листовки наклеили здесь же, на столбах вдоль дорог. Удалось им установить связь с партизанами. Как могли, снабжали их обувью и одеждой, тайно передавали продукты арестованным.

Последние листовки ребята выпустили в декабре 1942 г. «Дорогие товарищи! – обращались они к местному населению. – Немецкая армия отступает. Не расчищайте немцам дороги, не топите тепло хаты. Пусть замерзнут бандиты. Добивайте оккупантов!»

Так на своем маленьком хуторе, чем могли, помогали они Красной Армии освободить родную землю от врага.

По-разному сложились судьбы участников подпольной группы. Например, тяжело больные сестры Булгаковы едва дожили до Победы, а Миша Кривошапов в 1943 г. был призван в Красную Армию и участвовал в боевых действиях, а после войны пошел по стопам отца-партийного работника.

И. Алтухова, сотрудник краеведческого музея

Алтухова И. Молодые подпольщики / И. Алтухова // Горняк. – 2006. – 22 февр.

ЧЕРВОНОВКА. 22 ГОДА СПУСТЯ

I

Это письмо пришло в редакцию издаелека. Автор его так и пишет:

«Я живу и работаю сейчас далеко от родных мест. Но нельзя забыть свое село. Нельзя не вспомнить, что 22 года тому назад Советская Армия и партизаны выбили из него гитлеровских захватчиков.

В феврале 1943 года в Червоновке был праздник. А накануне произошли события, взволновавшие всё наше село. Их не забудешь и через 20 лет после нашей Великой победы над гитлеровской Германией.

Простые советские люди – Пётр Никифорович Алексеев, Иван Абрамович и Евдокия Наумовна Пожидаевы – укрыли у себя троих советских разведчиков. Помогли им выполнить боевое задание. Эти прекрасные люди, горячо любящие свою Родину, не уstraшилиcь немецких захватчиков.

От всего сердца «спасибо» им скажет каждый советский человек. А если живы близкие люди этих разведчиков, как, может быть, и сами они, тогда они скажут это «спасибо» вдвойне.

Е.Титякова-Алексеева».

Вместе с этим письмом в моём кармане – билет до станции Приустье. Проводница в вагоне обещает предупредить, когда будет станция.

– А впрочем, – говорит она, – вот эта женщина едет туда, вместе с ней и сойдёте.

Колеса выстукивают свою нескончаемую песню. Сквозь окно видны необъятные поля, еще покрытые снегом.

– А к кому вы едете? – любопытствовала женщина.

Достаю письмо. К кому же? Первой попадаетcя фамилия Алексеев Петр Никифорович.

– Как же... знаю, – улыбается она. – Это мой отец...

II

Война докатилась до Белгородщины. В Червоновку пришли немцы. Колхозному кладовщику Петру Никифоровичу сказали:

– Ты недостоин теперь быть кладовщиком. Передай ключи Рыбкину – его 23 года угнетала Советская власть.

Любое своё распоряжение новый староста подкреплял фразой, произнося которую, округлял глаза в тупом почтении перед немецким комендантом:

– ...Это вам не Советская власть!

А «новая» власть установила норму хлеба на каждого человека в селе меньше, чем по полпуда. Коров и гусей забрали у всех сразу же. Хлеб делили на корню: у кого отцы или сыновья в Красной Армии – почти нечего не доставалось. Комсомолец? – значит будешь копать землю, в день по семи соток. За неповиновение – расстрел. Такой пришёл «Новый порядок» в русское село Червоновку.

III

Мало кто сомневался в селе, что наши придут снова. Лишь немногие – и тем очень скоро пришлось пожалеть о своем малодушии.

Люди, чем могли только, помогали партизанам, верили и ждали. Вначале 1943-го уже знали точно – скоро... Вечерами с востока доносился гул орудий.

Где-то недалеко от села проходили немцы. Теперь уже на запад... Нередко наведывались они в село. Но не было в них уже той наглой самоуверенности, с какой шли они в сорок первом.

Как то в дом к Алексеевым «пожаловал» офицер со свитой. Переловили кур, какие, остались, бросили их к ногам хозяйки – Антонины Алексеевой – вари.

Но не успели «завоеватели» отведать курятины. Где-то совсем близко загрохотало. Вдали торопливо замелькали мышинного цвета шинели. Офицер начал поспешно собираться.

В комнату зашла в это время Настя Варфоломеева. О таких говорят бывало: за словом в карман не полезет.

– Что, пан? – хохотнула Настя. – От Дону, до самого дому?!

– Настя... – тревожно развела руками мать.

Время было военное. И сила – пока ещё в руках врага. Но немцам было уже, видимо, не до ответов на остроты.

– Ничего, мама! Наши уже близко.

IV

Наши пришли раньше, чем думали. Немцы еще не покинули село, как в соседнюю деревню Гущино пришли пятеро наших разведчиков.

В ту ночь лёг густой туман. И к утру они не успели попасть, куда шли. В деревне постучали в окно дома.

Кругом были немцы. Но Иван Яковлевич Русанов не раздумывал, когда предложил разведчикам спрятаться в погребе.

Об этом узнали в доме Алексеевых. Лена была связана с партизанами. Вместе с Катей Титяковой они собрались и понесли бойцам продукты... Обе поняли – в Гущине оставаться разведчикам опасно. Кругом немцы.

Решили переправить бойцов в Червоновку.

Под вечер четырнадцатилетний Володя Алексеев пошел к Русановым узнать, как там дела. Зашёл в дом – а там немцы и двое наших сидят на лавке. Бросился назад. Но в сених его ухватил за рукав немецкий офицер.

И на чистом немецком языке зашептал торопливо:

– Мальчик, мне нужно спасти этих бойцов. Ты мне поможешь. Беги к деду Левону – пусть найдёт одежду, чтобы переодеть их.

Михаил Леонович Леонов выслушал Володю. И засомневался. Русский?... А если провокация?...

Скоро пришёл «немец» и те двое. Дед было начал отказываться. Но офицер вынул револьвер.

– Переодеть и немедленно.

Потом их повели к Алексеевым. Замёрзшим ребятам «немец» кивнул в сторону полатей – грейтесь.

Антонина Петровна потихоньку спрашивает их:

– Ребятки... Это немец?..

Те пожали плечами.

Офицер в это время разговаривал с Володей.

– Выйдешь на улицу и смотри: сколько будет подвод проходить – считай. Потом скажешь.

Затем расстелил шинель, сел и устало прислонился спиной к печи.

– Да... Прошло 48 лет. Большая – большая книга. Хорошо, если книгу возьмут потом в руки и прочитают. А если не прочитают, а возьмут да порвут или сожгут?...

Потом усмехнулся.

– Давайте, – говорит, – я погадаю.

Вынул откуда-то карты.

– Над вами повисла грозная туча. Но скоро придёт белый король с бубновой и червонной дамами, и всё прояснится...

Дверь распахнулась. На пороге появились партизан Кишагулов и с ним Лена и Катя.

«Немца» разоружили. Отняли у него револьвер и гранаты. Забрали документы. И увели.

– Через несколько дней «немец» снова пришел в дом Алексеевых. В штатской одежде. Посидел, поговорил о том, о сём. А на вопросы больше отшучивался. Потом достал блокнот и быстро нарисовал в нём белую хату и большую кудрявую липу возле неё – в точности как дом Алексеевых.

И ушёл.

Говорят, потом его видели в селе Архангельском. В форме капитана советской Армии.

Немцев из Червоновки выбили ещё до прихода наших войск партизаны. Они же арестовали старосту и полицаев и вели их через всё село. Даже самым беззлобным из них – люди плевали вслед. Некоторых так и оставили потом на воле, в этом же селе. Наверное, правильно сделали: если в человеке осталось хоть капля совести – чтобы ему до конца дней своих было стыдно за своё малодушие и предательство.

V.

Антонина Петровна Соседова и Зинаида Петровна Ровенских заканчивают рассказывать о минувшем.

– Вот и все как будто.

На стенах избы – фотографии. Среди них – немало молодых парней в военной форме. В этом доме многие служили в Советской Армии и служат сейчас. Двое – Николай и Иван – не вернулись с фронта.

Петру Никифоровичу сейчас 79 лет. Он любит вспоминать давно минувшее. В 1917-м он прятал нелегальную литературу, вел партийную работу. Видел Ленина. Есть что вспомнить...

Пытаюсь установить, кто же написал письмо в редакцию, то самое, которое и позвало в дорогу. Без помощи Антонины Петровны, наверное, было бы трудно: в селе каждый десятый носит фамилию либо Титяковых, либо Алексеевых.

Антонина Петровна достает стопку старых писем.

– По-моему, – говорит, – это Катя Титякова.

Нашла письмо. Почерк – тот самый. Да, письмо написала Екатерина Кузьминична Титякова, которая живет в Донбассе.

VI.

Трудно вспомнить сейчас фамилии разведчиков, которым помогли в трудную минуту наши советские люди. Одну, как будто, Екатерина Кузьминична помнит: командир разведки Тимофей Кузнецов.

Кто был тот «немец» – сказать еще труднее. Ясно только, что, это был наш человек, наверное, разведчик. В то время, даже выполнив боевое поручение, он не мог назвать свое имя – по понятным причинам.

А теперь, возможно, мы узнали бы его. А может быть, и узнаем еще. Если эти строки человек, который в феврале 1943-го года зарисовывал в свой блокнот белую хату и липу возле неё.

Только, если он будет искать этот дом – пусть не старается найти возле него липу... Её давно уже спилили. Вокруг дома разросся сад, выращенный Петром Никифоровичем Алексеевым. А неподалеку от липового пня вырос дуб. Даже сейчас, в зимнюю стужу, он стоит с кудрявой головой – весь в огненно-жёлтых, будто позолоченных листьях.

Г. Лукоянов. Колхоз «Память Мичурина»

Лукоянов Г. Червоновка. 22 года спустя... / Г. Лукоянов // Ленинский путь. – 1965. – 7 марта.

ВДОВА СОЛДАТА

Они живут среди нас, эти немолодые женщины. Кто работает, а кто уже на пенсии. В День Победы они накидывают на головы черные платки и вспоминают своих молодых мужей. Да, прошло много времени, а их мужья молоды до сих пор. Они пали за Родину, не дожив до старости. И в памяти они – вечно молоды...

Десять лет тому назад, когда мы отмечали 20-летие Победы советского народа над фашизмом, пожилая соседка вдруг спросила:

– Почему же это все почести – только им павшим, мертвым? Ведь они уже не чувствуют... А нас, вдов, давно позабыли.

Проводив на войну своих мужей, – русские женщины брались за «мужские» дела. Они делали снаряды и танки, выращивали хлеб, берегли детей. А если волею судьбы оказались на временно захваченной врагом территории – боролись. Не всегда с оружием в руках, не все совершили подвиги, известные ныне народу. Но в те дни любое сопротивление было смертельно опасно, связано с риском для жизни.

Коммунист Александр Федосеевич Цацорин, председатель Кривошеевского сельпо, ушел на фронт в первые дни войны. И с того времени жена его больше не видела. Были письма. А сохранила Марфа Андреевна только одно, последнее, отправленное с фронта 9 марта 1942 года.

Пожелтевший треугольник со штемпелем полевой почты и военной цензуры. Обычное крестьянское письмо. «Здравствуйте, уважаемая Марфа Андреевна. С приветом к Вам муж Александр Федосеевич...» А рядом: «Золотце, Мусичка!», забота о весне: есть ли чем засеять огород, чем кормить корову, как рассчиталась жена с государством, есть ли в колхозе лошади... Может быть, и еще были посланы письма в Кривошеевку. Но не дошли. Летом гитлеровская военная машина двинула свою армаду на Восток, и Скороднянский район, вся Курская область были оккупированы.

Враги очень интересовались семьями коммунистов. Поэтому дом Цацориных был разграблен в первую очередь. Забрали корову, перестреляли кур, порылись в домашнем скарбе. А Марфе, когда она пыталась протестовать, показали на большую липу:

– Вон, на той ветке и повесим! Коммунистка!...

И к стенке ставили. Только, видно, для «займы» – стреляли мимо...

В ИЮНЕ 1943 года по селам распространился слух, что недалеко, в Короче, есть лагерь; в котором наши, военнопленные. И женщины всполошились. Там не кормят, раненых не лечат...

А вдруг там свои и решили Марфа Андреевна и ее соседка Евгения Павловна Лиманская отправиться в Корочу. Пошли напрямик, по шляху.

На выгоне возле Корочи в самом деле расположился лагерь, вернее, на ровном месте поставлена изгородь, из колючей проволоки в два ряда – вот и все. Внутри на голой земле –

люди: и раненые, и больные, и здоровые вперемешку. Жара, солнце палит, а там даже навеса нет. Трава вся вытоптана.

Бросились женщины к охранникам: пустите, мол, тут родные у нас. Не пускают, еще и оружием пригрозили. Обошли кругом, хотели через проволоку перебраться – стрелять по ним стали.

А пленные видят. Кричат что-то, просят есть, пить. Раненые стонут.

Дождались женщины, пока стемнело.

И под колючей изгородью пробрались таки в лагерь. Стали своих спрашивать, не знает ли кто, не видел ли. Марфа мужа искала, а Евгения Павловна и мужа, и сына. Но так и не нашли. Зато отыскиались знакомые, соседи... Снедь, что с собой принесли, сразу раздали. А тут – раненые. Пить просят. Так пришлось за ночь несколько «рейсов» к речке сделать, несколько раз под проволоку лазить. Перевязывали раны.

Так и прожили несколько дней возле Корочи. Днем отсыпались и добывали пищу, а ночью забирались в лагерь. Однако всем помочь не могли, больше десяти тысяч там было...

ЗАДУМАЛИ женщины спасти хотя бы двух-трех. И пошли к лагерному начальству просить. И на коленях ползали, и приказы его выполняли: полы мыли, туалеты чистили.

– Ну, если не врете, – сказал комендант, – берите своих, родных.

Марфа давно знала учителя, коммуниста, он еще заведовал РАЙОНО в Скородном, Петра Лукьяновича Колодезного. Вот и назвала его своим мужем. А соседа Николая Никифоровича Демченко – братом.

– Не много ли для тебя будет – двоих! – сказали в комендатуре.

Стала снова плакать, просить. Обещала, что воевать их больше не пустит.

Смилостивились, отпустили. Лиманская тоже, вывела двоих знакомых.

А в лагере оставшиеся плачут, просят и их спасти, накормить, воды принести...

Проводила она новых своих родственников и обратно к лагерю. Только не удалось больше никому помочь. Узнали охранники, прогнали, даже стреляли вслед.

Вернулась домой Марфа. А ее ищут.

– Где скрывалась, коммунистка? Боялась она и ночевать в своей хате, к соседке ходила вместе не так страшно.

К ВЕСНЕ освободили Кривошеевку. И снова стала искать мужа Марфа. Но, возможно, адреса изменились или временно фронтовикам была переписка прекращена. Письма не приходили. Рядом большие сражения, прошли, наши войска наступали дальше. А спасенные ею из лагеря снова ушли на фронт.

И только поздней осенью пришло извещение: «Ваш муж... в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявил героизм и мужество, был ранен и умер от ран. Похоронен; Киевская обл., Переславский р-н, д. Нашагайловка.»

Поплакала и по совету добрых людей написала в часть, чтобы узнать, как погиб, не осталось ли каких документов. Только в феврале пришло еще одно фронтовое письмо. Лида Королева из санроты сообщала, что нашла Марфино письмо в документах убитого командира Савельева. На обороте карандашом, был набросан ответ. А само письмо – в пятнах крови. Лида переслала ответ и написала от себя насколько теплых слов. Из него узнала Марфа Андреевна, что в деревне Иваньково подорвался на противотанковой mine Александр Федосеевич и умер в госпитале...

ТАК и хранит вдова солдата три письма вот уже больше тридцати лет. Трудилась после войны в колхозе, потом в городе. Но стажа для пенсии ни там, ни тут не набралось. И теперь получает она пенсию за погибшего мужа.

В день 30-летнего юбилея великой Победы снова накинула она черный платок. И это был траур не только по родному человеку, но и по миллионам павших за Родину.

Ю. Купалов

Купалов Ю. Вдова солдата / Ю. Купалов // Знамя Ильича. – 1975. – 3 июня.

ИМ БЫЛО ВСЕГО ЛИШЬ 17...

Так уж случилось, что наша память о войне и все наши представления о ней связаны с сильной половиной человечества. Это и понятно: ведь воевали в основном мужчины. Но с годами мы все больше и больше постигаем бессмертный подвиг женщины на войне. В Великой Отечественной ей тоже пришлось стать солдатом.

После освобождения Губкинского района зимой 1943 года сюда прибыли военные медики для размещения госпиталей. На территории нашего города их было четыре. В старом здании школы №10 - госпиталь №3490, в общежитии на ул. Рудничной – №1240, в управлении треста «КМАстрой» – №2225. С 30 июля 1943 года по 15 января 1944 года в нескольких зданиях («дом помещика Коробкова», «конюшни Коробкова», здание на Комсомольской, 5) располагался госпиталь №3349. Здесь оказывали первую помощь получившим ранения бойцам, которых потом эвакуировали в тыл. Губкинцы собирали продукты; посуду и одежду для раненых. Многие женщины и девушки работали в этих госпиталях. Ухаживали за ранеными,

На фото санитарки госпиталя №3349 Е.И. Выборнова [справа] и М.А. Лазебная (ныне покойная), награжденные значком «Отличник санитарной службы РККА» (фото 1945г.). Таким же значком награждена еще одна наша землячка – О.Т. Прасолова.

трудились в полевых кухнях, перестирывали горы окровавленных бинтов в прачечных. Все делали добросовестно: ведь у каждой жених, муж, брат или отец были на фронте.

В госпитале №3349 было 3 отделения – хирургическое, инфекционное и отделение черепно-мозговых травм. Начальник, майор медслужбы Ирина Семеновна Лебедева, занимала здание нынешней администрации городского парка. В этом госпитале работали санитарками тогда совсем юные наши землячки Валя Скоробогатько, Катя Выборнова, Маша Лазебная.

Также ухаживали за ранеными многие школьники: читали газеты, писали домой письма, выводили и выносили бойцов в сад. Начальник даже объявила детям благодарность за помощь.

Часто на встречи со школьниками приходит Екатерина Ивановна Выборнова.

До сих пор она не может спокойно вспоминать о военном времени, Катя начала работать санитаркой в операционной. Во время первой операции, при ампутации ноги солдату, потеряла сознание. Когда госпиталь уходил на запад, она и другие девушки, по просьбе И.С. Лебедевой, поехали с ним! И вынесли два года непомерно тяжелой работы: принимали ране-

ных, перевязывали, грузили в машины и поезда. Да еще и кровь сдавали. У Кати была первая группа, поэтому приходилось сдавать часто, порой из двух рук сразу. И после Победы еще до января 1946 года они были в Германии, продолжали выхаживать раненых. А потом вернулись домой, и, было им всего лишь по 17-18 лет, а казалось, будто уже прожили долгую жизнь.

И. Алтухова, главный хранитель фондов музея

Алтухова И. И было им всего лишь по 17... / И. Алтухова // Рабочая трибуна. – 2004. – 7 мая.

А ПАМЯТЬ СВЯЩЕННА

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Уважаемая Нина Николаевна!

Не удивляйтесь тому, что Вам пишет это письмо человек, лечившийся в эвакогоспитале №3349 с августа по ноябрь месяц 1943 года, т. е. 35 лет тому назад, где Вы работали медицинской сестрой (если это Вы?).

По своей молодости и ряду других причин, когда все это было еще свежо в памяти, я не думал о том, чтобы поддерживать связь с кем-нибудь из сотрудников госпиталя или лечившихся в нём, а вот через 35 лет появилось такое желание и особенно стремление побывать в местах, где воевал, лечился, где люди боролись за нашу жизнь, я имею в виду медиков. Это чувство окрепло и в связи с тем, что в этом году исполняется 35 лет завершения битвы на Курской дуге, участником которой я был от начала до конца. С чего я начал свой поиск?

В моем служебном блокноте, относящемся к 1942-43 г. г., сохранившемся до сих пор, среди многих записей, сделанных мною самим и друзьями по 12 палате, я нашёл песню «Не забудь» на мотив песни «Спят курганы тёмные», которую в этот блокнот записали мне Вы 17 октября 1943 г., поставив подпись: «Нина Кононова, медсестра эвакогоспиталя №3349».

Вот с этого все и началось! В поисках Нины Кононовой и госпиталя я написал, множество запросов в разные учреждения.

За давностью лет я забыл даже название места, где был этот госпиталь. И вот отовсюду получаю письма о том, что Кононову Н. установить не удастся, что сведениями об эвакогоспитале не располагаем» и т. д.

И вот сегодня я получил письмо из Губкинского горвоенкомата, что Н. Н. Кононова, а сейчас Н. Н. Алексенкова, проживает в Губкине и работает в больнице.

Ну а теперь немного напомним о себе и о том, что помню о Вас. Попал я в госпиталь числа 20 – 25 августа 1943 года. Все время лежал в 12 палате на втором этаже, где было 19 человек, все с ранениями нижних конечностей.

Когда я впервые, тайком от медперсонала, после снятия гипса встал на ноги и упал навзничь, первой поднимали меня Вы, а затем и «учили» ходить, часто сидели около, когда мне было плохо. Я этого никогда не забуду!

Моя фамилия Олейник, зовут Михаил Алексеевич, было мне тогда 18 лет как, впрочем, видимо, и Вам. Палата наша была самой весёлой в госпитале, ибо когда мы немного стали подниматься, то с Вашей помню, помощью, у нас в палате появилась гармонь, балалайка, гитары, домры и другие инструменты. И мы чуть ли не ежедневно устраивали концерты, на которые сходились раненые из других палат госпиталя.

В декабре я был эвакуирован в госпиталь на станцию Лунино Пензенской области, откуда в январе 1944 года был выписан домой как инвалид III группы и больше уже на фронт не попал. Победу встречал дома, в Сибири (Курганская область).

Работал в школе, много лет в органах прокуратуры и Министерстве внутренних дел, а вот уже 12 лет работаю юрисконсультom на промышленных предприятиях. Четыре года живу в Севастополе.

12 июля буду в Прохоровке, где встретятся участники Великой битвы».

ПИСЬМО ВТОРОЕ

ПОЛУЧИЛ письмо, которого так долго ждал, и теперь уже убежден, что нашел все же Вас. Вот, оказывается, где я был пять месяцев 1943 года, хотя в то время я о таком городе и не знал... Очень хочется повидаться с Вами, посмотреть бывший госпиталь, по возможности встретиться с теми, кто работал или лечился там... А особенно отблагодарить теперь, хоть через 35 лет, лично Вас за всю ту заботу, которую Вы проявили обо мне, как и о других раненых. Вам пришлось вести тяжелую ношу медсестры в войну, когда каждый требовал как-то облегчить его мучения, боли, страдания. Мы с супругой Александрой Гавриловной приглашаем Вас и Петра Васильевича к себе в гости.

Очень хочется встретиться с Вами на Курской земле, где оказывается, сражался и Петр Васильевич».

ТЕЛЕГРАММА

«Буду Губкине девятого июля поездом 572 вагон 16 Олейник».

МИХАИЛ Алексеевич широко шагнул навстречу и громко полувопросительно сказал: «Нина Николаевна?...»

Он волновался, ждут ли, встретят ли, как встретят. Встретили М. А. Олейника в семье Алексенковых не просто радушно, а как своего, близкого человека. Петр Васильевич и Михаил Алексеевич – оба фронтовики – быстро нашли общий язык, а пока хозяйка хлопотала на кухне, выяснили, кто где воевал. «За что Красная Звезда?». «За подбитый под Прохоровкой танк», – коротко ответил гость.

... А утром пошли в узел связи. Да, именно в этом здании располагался эвакогоспиталь № 3349. Начальник узла связи А. В. Шаповалов показал неожиданным гостям все закоулки, и вспоминали: вот здесь была кухня, а вот это – кабинет начальника госпиталя, а вот «наша» палата.

Алексенковы привели Михаила Алексеевича к памятнику павшим воинам в сквере Героев. Здесь хоронили и умерших в госпитале от ранений. Михаил Алексеевич долго вглядывался в надпись, пытаясь узнать знакомых, но фамилии высечены нечетно, и прочитывать их не удалось.

Походили по городу. Нашему гостю он очень понравился. И пусть не удивит вас, читатель, что Михаил Васильевич Олейник стал нашим гостем: он, также как Нина Николаевна и Петр Васильевич Алексенковы, в годы войны сделал все, чтобы был город, чтобы были мы.

А сегодня у Нины Николаевны день рождения, ей исполняется... Имеет ли значение – сколько? Она обаятельна, женственна. Но знайте, в те годы ей хватило силы поднимать тяжёлых раненых, носить носилки, не спать ночами, и, падая от усталости, улыбаться им, танцевать и петь, потому что люди верили в неё, верили в Победу.

Т. Кругликова

Кругликова Т. А память священна / Т. Кругликова // Знамя Ильича. – 1978 –12 июля.

СОЗВЕЗДИЕ КРАСНОГО КРЕСТА

Досадно конечно, что этих, теперь уже немолодых женщин судьба свела на встречу в редакции с большим опозданием, да и то благодаря городскому совету ветеранов. Это он, готовясь к 50-летию Великой Победы, вёл кропотливый поиск тех, кто приближал этот светлый день. В их числе оказались 16 женщин, работавших в военных госпиталях тогдашнего поселка имени Губкина. Трудная работа пришлась в основном на январь – сентябрь сорок третьего года. Об этом напоминает мемориальная доска, прикреплённая на фасаде здания

узла связи. Именно здесь находилось главное отделение госпиталя. Мемориальная доска - заслуга городского совета ветеранов, как и встреча, организованная им совместно с редакцией и женским советом. Характерно, что на просьбу откликнулись 10 бывших «сестричек». Под флаг Красного Креста они пришли примерно одним путем.

И от их имени начала разговор ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА ВЫБОРНОВА.

– Была я или не была на переднем крае? Однозначно не скажешь. В бой не ходила, солдат в атаку не поднимала, но запах пороховой гари преследует меня всю жизнь.

В конце января сорок третьего года отступающие через наше село Коробково колонны немцев и мадяров были вынуждены повернуть на Красный хутор, где их уже ждали наши. Завязался кровопролитный бой. Я увидела уже его последствия. Нас, молодых, сразу же послали в тот район расчищать дорогу. Но пришлось подбирать и перевозить наших раненых бойцов. Их оказалось довольно много. Еще больше было убитых немцев. Пришлось стаскивать трупы прямо в овраг и кое-как забрасывать землей и снегом. Картина жуткая, не для слабонервных. А мы ведь были девчонки...

Потом началось строительство железнодорожной ветки Старый Оскол-Ржава. Здесь тоже было не сахар. Не успели достроить, как в нашем поселке развернулся эвакогоспиталь. Раненые поступали ежедневно десятками, а обслуживающего персонала не хватало. Помню, пришел к нам председатель колхоза и начал мне объяснять: так, мол, Катя, и так, идти тебе

надо спасать искалеченных солдат. Тогда я и мои сверстники знали одно только слово, как закон военного времени: «Надо!». Помню, определили санитаркой в операционное отделение, показали, как надо стерилизовать инструменты и перевязочный материал.

На первой операции, когда на моих глазах солдату ампутировали ногу, упала в обморок. Вместо того, чтобы посочувствовать и успокоить, главный хирург сделал выговор:

– Так, девочка, дело не пойдёт. Ты в госпитале, привыкай.

И снова на операционном столе раненый. Хирург приказал медсестре дать мне успокаивающее. Хлебнула я из мензурочки, и глаза на лоб, дыхание перехватило – чистейший спирт!

Вскоре ко всему привыкла, сутками, как и все, не покидала палат, отовсюду слышалось: – «Сестричка, помоги!». Так продолжалось примерно до конца августа. Госпиталь начал сворачиваться. Вздохнула с облегчением, да не тут-то было. Вызывают в штаб госпиталя, он размещался в маленьком здании в парке, военврач, строгая такая, смахивающая на цыганку, женщина, не дав опомниться, говорит:

– Вы должны ехать вместе с госпиталем.

– Не поеду. У меня и так два брата на фронте.

– Значит, и ты там должна быть!

Отвечаю, что надо бы посоветоваться с матерью, и пошла на службу. Поутру вернулась с дежурства, мать протягивает повестку – зачем-то приглашают. Там тоже долго разговаривать не стали: или едешь в госпиталь, или на лесозаготовки. Подобный ультиматум предъявили и другим. Большинство согласилось на первое. Вот почему конец войны застал меня в предместьях Берлина. Сотни раненых прошли через мои руки, не успевала менять халаты, забрызганные кровью.

После войны Екатерина Ивановна оказалась в Калининграде, работала в системе Военторга, встретила молодого офицера и соединила с ним судьбу. Они переехали в Губкин,

вырастили сына и дочь, дали им высшее образование. Ныне у Выборновых есть внуки. На заслуженный отдых Екатерина Ивановна ушла с комбината «КМАруда», отработав много лет телефонисткой.

И еще одно маленькое отступление. Тогда, в сорок третьем, и до конца войны были в одном госпитале землячки – Е.А. Мироничева, М.Г. Никулина, О.Т. Прасолова, которые тоже пришли на встречу.

ТАИСИЯ ИВАНОВКА ЖИЛЕНКОВА:

– Когда объявили, что началась война, я не слышала. Об этом сказал сосед... До прихода немцев приходилось дежурить в группе – гасили фугасы, чтобы не было пожаров, рыли окопы. В то время первый госпиталь развернулся в здании комбината. Мы, девчата-комсомолки, и пошли туда работать. Солдатики-то все молодые, глаза слезы застилали, когда смотрели мы на их раны и страдания. Помню, как одному солдату руку ампутировали. Запомнила его на всю жизнь. К такому нельзя привыкнуть.

А когда стали подходить немцы (у Бабровых Дворов уже были), мы получили приказ: раненых переправить в Старый Оскол. Ждем транспорт, а через Салтыково движутся машины, кавалерия – наши отступают. Начальник госпиталя выдал нам на дорогу по буханке хлеба и по селедке, распорядился – всем уходить, спасаться, кто как сможет, а сам уехал на машине...

И пошли мы на Воронеж.

Шли пешком, где на телеге подъедем. От бомбежек прятались во ржи. И проклинали начальника госпиталя за тот хлеб и селедку – ведь оставались консервы, шоколад, сгущенка, а нам вот что. По дороге нам встречались обозы, колонны детей из детского дома, жители Воронежа. Мы шли туда, они – оттуда. Кто-то подсказал: идите на станцию Ржавскую, там госпиталь 40-й армии.

Когда мы пришли туда, нас сразу направили в госпиталь, а через неделю увезли за 50 километров от Воронежа, где нас встретили замполит и тот начальник госпиталя, который выпроводил нас с селедкой. Мы все бросились к замполиту. Я глянула на начальника – а у него в глазах слезы. Понял, видно, как неправ был. Но потом мы работали с ним, как говорится, душа в душу – он очень изменился, да и время было такое, не до обид.

РАИСА ИВАНОВНА ГАЛЬЧЕНКО:

– В 1941 году я окончила семь классов. Жила тогда в Тёплом Колодезе. Объявление о начале войны застало меня и многих жителей села в магазине – об этом сказали люди, идущие, как мы тогда называли, с КМА, – со стороны города.

Помню, как однажды шли мы с поля, когда отступали наши. Мы шли со стороны мясокомбината, а от теперешней церкви в парке показалась туча: мы думали, что гроза внезапная начинается, приблизились немного и увидели, что это наши отступают. Когда они проходили мимо колодца в Теплом Колодезе – бросали туда винтовки.

Потом из Салтыково пришли немцы, а у мясокомбината были наши. И началась перестрелка. На глазах у нас гибли наши ребята.

Когда немцы пришли, страшно было. Маленьких

мальчиков и подростков одевали в девичьи платья – карательный отряд шел по деревне, и прошел слух, что они мальчиков убивают...

Мы вырыли окопы для себя у домов, прятались. И как-то во время перестрелки побежали в окоп, а у меня за спиной была котомка с хлебом (ведь в окопе иногда сидели сутками), и пуля попала в эту буханку. Это спасло мне жизнь.

Помню, как-то окружили немцы стадо коров и велели разогнать по домам, и там, где пошли во двор две коровы, – забирали. Крики, стоны, вой, стояли в те дни над селом.

По-всякому было при немцах. Работали на полях.

Помню один раз молотили просо и понемногу в сумочки себе насыпали. По дороге домой встречает полицейский и повел нас к немцам за пять километров, там их штаб был. А мы молодые были, наверное, еще бестолковые, и что-то и страха у нас не было, и сердце не дрогнуло. Довел он нас до леса Порточки и отпустил, помиловал, как он выразился. И побрели мы пять километров обратно домой. А потом опять поле, рытье окопов, противотанковые рвы, и не только здесь поблизости, но и в Новом Осколе, Хворостянке.

Когда немцы отступили, пошла работать в госпиталь. Сначала в Теплом Колодезе он размещался, а потом, в начале августа, его расформировали, и я перешла в госпиталь, который располагался на месте теперешнего, санаторного садика и церкви, а перевязочная была чуть дальше – за церковью. И вот мы на носилках носили раненых на перевязку и обратно. У меня и сейчас, когда хожу в церковь, перед глазами те палаты, и помню, где кровати стояли, на которых лежали раненые. Помню, как один кричал все время: «Ножечки вы мои, ножечки!» – у него все кости ног были, раздроблены.

И помню еще, как несли одного раненого на операцию, а в это время самолет немецкий... Он и говорит: «Девчата, вы под заборчик меня положите, а сами прячьтесь...».

После войны я училась в Курске, закончила торговый техникум, отработала по направлению два года в Смоленске, а потом вернулась сюда и тут работала – одна запись в трудовой.

НИНЕ КОНСТАНТИНОВНЕ ФЕНЕЛОПОВОЙ

довелось работать санитаркой, четыре месяца не покидала госпиталь, который был расположен в ныне сохранившемся двухэтажном общежитии на улице Рудничной.

– Мне неожиданно предложили работать библиотекарем, на что я охотно согласилась. Однако мне представлялось, что буду иметь дело с передвижкой. Уж о какой библиотеке может идти речь в такое время да ещё после опустошительного нашествия, когда все разграблено. Оккупанты не щадили даже школы и клубы. Каково же было мое удивление, когда на первом этаже увидела целое хранилище. Как мне говорили потом, эта богатейшая библиотека была вывезена из какого-то санатория или чего-то в этом роде. С первых дней почувствовала тягу раненых к книге. Кто мог, приходил сам, но больше сама разносила по палатам. Часто просили почитать вслух, иногда молодые солдаты просто нуждались в присутствии юной библиотекарши. Как было приятно слышать, и это даже льстило мне: «Девочка с голубыми глазками, иди почитай нам что-нибудь».

Так продолжалось до декабря сорок третьего, пока не свернули госпиталь. Я осталась здесь, строила железную дорогу. Кстати, 9 мая 1945 года я принесла на участок весть об окончании войны, о нашей победе.

Позже работала на возрождённом комбинате «КМАруда», даже ходила в учениках слесаря. Но всё же тянуло меня вновь к книжным полкам, и до самого ухода на пенсию работала библиотекарем.

На встречу пришел ветеран Великой Отечественной войны М.Д. Журавков, и не ради досужего любопытства. Он захватил с собой фотографию из далекого сорок третьего года, на которой запечатлена Е.И. Выборнова вместе с – подругой, в девичестве Марией Лазебной. Она тоже была среди тех, кто уехал на запад вместе с госпиталем. Под Житомиром Маша встретила молодого офицера Журавкова и, как водится, сменила скоро фамилию. Кто-то предложил минутой молчания почтить ее память.

Да, память времени не подвластна, о чем еще раз, напомнила встреча фронтовых подруг, не ходивших, как заметила одна из них, в атаку. Но они как созвездие под флагом Красного Креста – символом милосердия, человечности.

МАРИЯ ГРИГОРЬЕВА НИКУЛИНА – уроженка здешних мест. Сразу после освобождения нашего города пошла в госпиталь, который находился в бывшей средней школе №3. Ей не было ещё и 16 лет. Стала работать в отделении, где лечились солдаты, раненные в руки, ноги.

– А это бесконечные гипсы, – говорит Мария Григорьевна. – Работали круглые сутки, часто сдавали кровь. Войну закончила в небольшом городке, что на границе Польши с Германией. Там тоже приходилось спать по два часа в сутки. Ведь вдвоем ухаживали за семьюдесятью ранеными, и все – с газовой гангреной.

М. Г. Никулина возвратилась домой сразу после окончания войны, а через пять лет вышла замуж, воспитала двух сыновей и дочь. Она горда своими детьми.

Созвездие Красного Креста : встреча за «круглым столом» в редакции «Нового времени» / беседу вели : А. Уколова, В. Жилин // Новое время. – 1996. – 1 февр. : фото.

ОГНЕННЫЕ ВЕРСТЫ БОЕВЫХ ПОДРУГ (отрывок)

ДАЛЕКО НЕ ВСЕ знают, что первый госпиталь появился в тогдашнем поселке Губкин не зимой сорок третьего, а еще в конце сорок первого года. Был забит ранеными, ведь линия фронта проходила рядом – в Тиму. И в этот госпиталь придет молоденькая учительница, успевшая отработать всего лишь год в школе после окончания педучилища, Таисия Ивановна Жиленкова (на снимке военных лет справа).

– На исходе был июнь сорок второго, – рассказывает она о последних днях госпиталя. Наши войска спешно отступают, мы эвакуируем раненых, что с нами будет – не знаем. Сидим в неведении до последнего часа, пока кто-то не приносит тревожную весть – немцы уже в Бабровых Дворах. И только тогда сухой и педантичный служака начальник госпиталя распорядился выдать каждому на руки по буханке хлеба и две селедки. А мы знали про немалый запас продуктов, но не могли предположить, что, повинаясь приказу свыше, начальник уничтожит их. Словом, мы отправились пешком, и с большими трудно-

стями, плутая по проселочным дорогам, по полям, добрались до Воронежа. И опять началась изнурительная работа в полевых госпиталях. Помню, мы уже находились под Харьковом, когда мне доверили доставить сейф с какими-то документами в Белгород. Нашли оказию – трофейный автобус. С несколькими пассажирами приехали в Белгород, а тут налёт. Нам удалось неподалёку укрыться, а два шофера и девушка замешкались. Бомба, угодила прямо в автобус. Эти трое погибли, а меня контузило. Потом погибших нам удалось похоронить только в Короче.

Огненные версты боевых подруг : материалы встречи за «круглым столом» газеты «Новое время» // Новое время. – 1993. – 23 февр.

ВМЕСТО ПЛАТЬЯ НАРЯДНОГО – ШИНЕЛЬ ДА САПОГИ КИРЗОВЫЕ

Екатерина Ивановна Выборнова тоже строила железную дорогу. Потом с другими девочками ухаживала за ранеными (госпиталь размещался в бывшем барском доме в парке), была санитаркой в операционном отделении. В ноябре 1943 года вместе с госпиталем отправилась на фронт, конец войны застал её в предместьях Берлина.

Уколова А. Вместо платья нарядного - шинель да сапоги кирзовые : [отрывок] / А. Уколова // Новое время. – 2005. – 7 мая. – С. 11. : фото.

ЛЮБВИ ТОЙ СВЕТ СКВОЗЬ ГОДЫ НЕ ТУСКНЕЕТ

Однажды я спросила у одной из участниц войны о том, случалось ли на фронте любовь. Не та, когда от страха за завтрашний день, за жизнь, которая может оборваться в любой момент – не в атаке, так шальная пуля догонит, бросались бойцы и командиры, санитарочки и радистки в объятия друг другу. Редко какой фронтовой подруге улыбалось счастье после Победы соединиться с объектом своей короткой фронтовой любви. «Всякое на войне бывало: и фронтовая краткосрочная связь, и настоящая любовь, та, что заставляла крепче держаться за жизнь, придавала сил, смелости и огромного желания дожидаться победы, чтобы никогда уже не расставаться со своей половинкой, встреченной в жутком месиве войны», – эти слова моей давней собеседницы запомнились. Подумалось: вот бы найти таких людей...

В прошлом году темой очередной моей публикации о Великой Отечественной стал рассказ о том, как наши землячки выхаживали раненных на Курской дуге бойцов в госпиталях, располагавшихся на губкинской территории. С давнего снимка, любезно предоставленного для фотоиллюстрации материала краеведческим музеем, смотрели на читателей две юные девушки. Одна из них – Екатерина Ивановна Выборнова – дай бог ей здоровья, жива, её воспоминания и легли в основу рассказа о госпитале №1240, занимавшем с июля 1943 по январь 1944 года здание конюшни помещика Коробкова.

А вот о судьбе другой, ясноглазой красавицы, никто толком и не мог рассказать. И вдруг история о девушках-санитарках получила неожиданное продолжение. Любимую жену и маму узнали на снимке муж – ветеран Великой Отечественной войны Михаил Давыдович Журавков – и сын Владимир, которому газету переслали в Подмоскowie, где он живет. Чудесная девушка, моя землячка из Салтыково, Маша, Машенька Лазебная – так звали ее шестидесять с лишним лет назад – юной девятнадцатилетней девчонкой стала работать в эвакогоспитале. Муки и страдания раненых пропуская через свое сердце, выросла до поры. Впрочем сегодня, не будем о грустном. Будем говорить о любви.

Итак, война свела два сердца, которые вряд ли встретились в мирной жизни. Просто не пересеклись бы дороги сибирского паренька Миши и скромной девушки из черноземного Губкина. Но лихая година свела их далеко от родных мест – на Украине, в Житомире. Там, на 1-м Украинском фронте, окончив Тульское оружейно-техническое училище, воевал лейтенант Журавков, а Маша по-прежнему служила санитаркой, но уже в полевом госпитале №3349, который вырос из губкинского эвакогоспиталя и двигался по фронтовым дорогам.

Никто, наверное, не в состоянии объяснить, как люди находят друг друга, как определяют, что это твоя половинка, тот человек, с которым – навсегда, в горе и в радости. Так и наши герои – встретились, обменялись взглядами и влюбились... Недолгими были те свидания. Каждый пошел своей дорогой. Но свою Машу Михаил Давыдович не смог забыть ни на день, ни на час. Два года переписывались, а в 1946 году, получив отпуск, он помчался к любимой в Салтыково. Два денька и побыли-то вместе: ведь Михаилу нужно было успеть до конца отпуска и родителей, истосковавшихся по сыну за долгих пять лет, повидать. Путь был неблизкий – до Новосибирска.

Судьба испытывала их чувства на прочность не раз: и в военное лихолетье, и в долгой разлуке, когда Михаила Давыдовича служба в милиции бросала по стране – то Новосибирск, то Мурманск. А Маша ждала любимого, верила в счастливую их судьбу,

12 октября 1946 года наконец родилась их семья, дружная, любящая. Мотались по городам и весям, куда ни посылали Михаила Давыдовича – жена всегда с ним. И так до 1969 года, пока не осели в Губкине. Выросли сыновья – Валентин и Владимир, разлетелись из родного гнезда. И вот уже 15 лет день 12 октября Михаил Давыдович Журавков встречает без своей любимой Маши, впрочем, он не бывает один. Она живет в его воспоминаниях. Как бесценную реликвию хранит он награду Марии Алексеевны – нагрудный знак «Отличник санитарной службы РККА». Ведь со своим полевым госпиталем она дошла до Берлина и выхаживала раненых бойцов при штурме столицы Германии.

Вот такая любовь, прошедшая все круги военного ада, послевоенную разруху, неустроенность быта, но лишь прочнее и крепче связавшая двух замечательных людей.

Г. Жаркова

Жаркова Г. Любви той свет сквозь годы не тускнеет / Г. Жаркова // Новое время. – 2005. – 26 февр. : фото.

ХРАНИТЕ ПАМЯТЬ

30 лет как кончилась война. Залечили раны, нанесенные ею. Построили красивые города и села там, где не оставалось ни одного домика. Только участникам войны не забыть ее и не залечить тех душевных ран, которые она оставила.

Как сейчас молодые не представляют, что такое война, так и мы, молодежь 40-х годов, думали: придет война, где-то повоюют, а мы поможем трудом в тылу, а когда она пришла к нам, в наш дом, и мы стали ее участниками...

О начале войны я узнала от отца. Когда бледнеют мужчины, когда у них слезы в глазах – это страшно. Но мне было только восемнадцать. О войне с Финляндией, о боях на Халхин-Голе я знала из газет, видела своих земляков, вернувшихся с фронта, и известие о войне, так потрясшее отца, приняла спокойнее.

Но через 2-3 часа у военкомата стоял плач: провожали мужчин.

В декабре 1941 года в школе разместился подвижной полевой госпиталь. Нас, комсомольцев, пригласили помочь, ухаживать за ранеными. А раненых было много: под Тимом шли бои.

Мы с подружками с утра до вечера кормили, поили, бинтовали, сидели у тяжелых послеоперационных. Насмотришься за день на страдания, а потом долго не уснешь: все рассказываешь дома.

Когда летом наши войска отступали, то дома уже оставаться я не могла: люди жизнь свою отдавали, а как же я, могла сидеть? И добровольно пошла в армию – в полевой госпиталь.

Первое боевое крещение получила на подступах к Воронежу, когда мы выходили из окружения к переправе через Дон.

Ночью мы двигались, а днем, как могли, укрывались от бомбежек. Конечно, много было убитых, раненых.

До Воронежа от Губкина добрались на третьи сутки. Половины своих товарищей не досчитались. Теперь окончательно убедилась, что я должна остаться в госпитале и работать за себя и за тех, кого мы похоронили.

Нам приказали остановиться и принимать раненых: начались ожесточенные бои за Воронеж. Снова мы под разрывами авиабомб развернули госпиталь. Раненых было столько, что врачи, сестры и все работники по 5-8 суток не выходили из операционной, перевязочных, спасая жизни отважных воинов, совершавших подвиги.

Спросите вы: страшно было? Да, страшно. Но страшнее сейчас вспоминать, а тогда долг перед Родиной и любовь к ней, долг перед солдатом, которому больнее, чем тебе, побеждал страх. И только говорили ему: «Потерпи, скоро боль утихнет, а самолеты уже улетают».

Такое трудно представить, казалось, такое не пережить, а мы пережили и вышли победителями.

Когда началась битва на Курской дуге, мы принимали раненых в здании районной больницы, а другой госпиталь находился в здании школы этого же села. Вот налетели самолеты и сбросили бомбы, одна из них попала в здание школы. Как было тяжело нам под бомбежкой выносить раненых врачей, сестер и особенно еще раз раненых солдат. Здесь уже никакого страха не было, а был один гнев.

Я ушла на фронт в 1942-м, в то нелегкое для Родины время, когда вражеские дивизии продвигались к Воронежу, когда слово «Сталинград» звучало на разных языках во всех уголках земного шара. Позади – год работы с детьми в школе. Впереди – война.

Горечь утрат, радость Победы – все сполна испытала. Прошла Белгород, Харьков, Киев, Полтаву, Корсунь-Шевченковск, Белую Церковь, Кишинев. Несколько раз была на волосок от смерти, получила контузию, ожоги, теряла товарищей.

Иногда стоишь, а мимо идут войска, – пехотинцы. В большинстве своем они были молоды, любили жизнь, мечтали о счастье. И все свои мечты и надежды на будущее бестрепетно и просто отдали за Родину.

Как много крови впитала в себя белгородская земля; так и кажется, что каждый камешек ее омыт солдатской кровью. Храните память о тех, кто отдал свою жизнь за то, чтобы вы не знали ужасов войны.

Т. Жиленкова, учительница школы № 1

Жиленкова Т. Храните память / Т. Жиленкова // Знамя Ильича. – 1975. – 29 апр.

ОТКРЫТА МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА НА ЗДАНИИ БЫВШЕГО ЭВАКОГОСПИТАЛЯ

В минувший вторник состоялось торжественное открытие мемориальной доски на фасаде здания узла связи, гласящей о том, что здесь в годы Великой Отечественной войны находился эвакогоспиталь №3349. Открытие совпало с 53-й годовщиной освобождения рабочего поселка имени Губкина и нашего района от немецко-фашистских захватчиков. Инициати-

ва этого ритуала исходила от городского Совета ветеранов, который провел кропотливую работу по поиску тех женщин, которым довелось работать в этом госпитале. Их пока выявлено 16.

Несмотря на крепкий морозец, перед зданием узла связи собралось немало людей, и не только пожилого возраста. Приятно было видеть юношей и девушек, школьников.

Право открыть мемориальную доску было предоставлено главе администрации района и города А.А. Кретову и председателю городского Совета ветеранов И.К. Агафонову.

С одной стороны, скромен этот памятник, с другой – ему суждена долгая жизнь.

А.А. Кретов выразил глубокую признательность старшему поколению в лице ветеранов Великой Отечественной войны, тружеников тыла, строивших железнодорожную ветку Старый Оскол-Ржава, и особо – бывшим работникам госпиталя.

Выступили и председатель городского совета ветеранов И.К. Агафонов, ветеран войны М.И. Полухин, которому во время кратковременного отпуска по случаю тяжелого ранения довелось целых десять дней ходить на перевязку в этот эвакогоспиталь. Возволнованными были слова, высказанные от имени бывших работниц госпиталя Е.И. Выборновой, проникновенно звучали слова благодарности из уст молодой медицинской сестры центральной районной больницы М.И. Головиной.

Минутой молчания участники митинга почтили память свыше четырехсот воинов, умерших от ран в нашем городе, и возложили цветы к мемориальной доске.

В. Яковлев

Яковлев В. Открыта мемориальная доска на здании бывшего эвакогоспиталя / В. Яковлев // Новое время. – 1996. – 8 февр.

И ЗДЕСЬ ПОЛЫХАЛА ЗЕМЛЯ...

Огромную роль в освобождении нашего края сыграли Острогожско-Россошанская (13.01-27.01, 1943 г.) и Воронежско-Касторенская (24.01-17.02, 1943 г.) операции. В ходе осуществления последней и были освобождены г. Старый Оскол, поселок Губкин, села – Лукьяновка, Йотовка, Салтыково. Участвовали в ней войска Воронежского, левого крыла Брянского фронтов, 4-й танковый корпус 40-й армии. К концу января 1943 года военная обстановка в нашем районе складывалась довольно сложно. Прочных как внутреннего так и внешнего фронтов окружения противника не было, промежутки, не контролируемые нашими войсками, порой достигали до 25 километров. С целью лишить фашистов возможности маневрировать командующий 40-й армией К.С. Москаленко направляет сюда 116-ю отдельную танковую бригаду А.Ю. Новака, усиленную гвардейским минометным дивизионом и противотанковой батареей. За 5 дней боев танкисты углубились на 85 километров и заняли село Городище и железнодорожную станцию Голофеевка. На помощь танкистам пришли бойцы 107-й дивизии полковника П.М. Бежко, 305-й стрелковой дивизии Н.А. Даниловича, которые пошли в наступление на врага в направлении Верхне-Чуфичева, Верхне-Атаманского, Долгой Поляны. Выбив оттуда неприятеля, 305-я дивизия развернула наступление на Лебеди, Йотовку, поселок Губкин, Салтыково и 2 февраля 1943 года освободила их от немецко-фашистских захватчиков. В ходе Воронежско-Касторенской операции потери противника составили 15 тысяч убитыми, 27 тысяч немецких солдат было взято в плен. За освобождение поселка Губкин, близлежащих селений было заплачено дорогой ценой - в братских могилах покоится прах 789 беззаветных защитников Родины, фамилии многих из них так и не были установлены.

3. Овсянникова, старшин научный сотрудник Губкинского краеведческого музея

Овсянникова З. И здесь полыхала земля... / З. Овсянникова // Рабочая трибуна. – 1999. – 12 февр.

МУЖЕСТВУ ОТЦОВ ПОЁМ МЫ СЛАВУ

В эти дни мы отмечаем 61-ю годовщину освобождения Губкина от немецко-фашистских захватчиков. С 23 июня Курская область была объявлена на военном положении. На территории района начали формироваться отряды народного ополчения, истребительный батальон, госпитали и кадровые военные подразделения.

В июле парторг «КМАстроа» Михаил Георгиевич Боев возглавил батальон горняков-ополченцев. Большинство из них имело смутные представления о военном деле, не умело обращаться с оружием. Поэтому начали учиться стрелять из винтовок и пулеметов, пользоваться противогазами и гранатами. Отрабатывали действия в дозоре, в разведке, учились

оценивать местность, рыть окопы. Боевое крещение ополченцы приняли в ноябре 1941 г. при обороне Курска. Затем батальон расформировали, горняков призвали в Красную Армию. Многим из них пришлось сражаться в родных местах в составе 40-й армии. 2 июля 1942 г. территория современного Губкинского района оказалась в зоне оккупации.

Одним из последних Губкин покинул председатель поссовета Петр Моисеевич Кострыкин. Он снял с древка флаг поселкового Совета и принес его домой жене Марии Егоровне.

За семь месяцев оккупации нашему краю был нанесен большой урон. За это время немцы расстреляли, повесили, замучили более 430 человек, а 2700 юношей и девушек были угнаны в Германию.

Освобождение наших мест началось со второй половины января 1943 г., так как к этому времени сложилась благоприятная обстановка для наступательной операции. Победа советских войск под Сталинградом, а позднее Острогожско-Россошанская наступательная операция позволили войскам Воронежского фронта под командованием Ф.И. Голикова выйти широким фронтом к реке Оскол. Наступление началось 24 января ударами 40-й армии и танковых частей. Оно велось в сложных условиях - сильные морозы, снежные заносы, бездорожье, а бои принимали все более ожесточенный характер. В окружение попали 10 дивизий противника, но кольцо не было сплошным. Поэтому основным силам врага удалось прорваться в район Горшечное-Старый Оскол, где и завязались кровопролитные бои. В ходе этой операции были освобождены Старый Оскол, Губкин, Лукьянова, Йотовка, Салтыково, в основном силами 1002-го полка 305-й стрелковой дивизии под командованием полковника Владимира Михайловича Красненко при взаимодействии со 116-й танковой бригадой подполковника А.Ю. Новака.

Несколько слов о 305-й стрелковой дивизии. В январе 1943 г. командиром дивизии назначили Ивана Антоновича Даниловича; тогда она занимала оборону по реке Дон в районе Воронежа. Дивизия вначале входила в 60-ю, потом была передана в 40-ю армию, а боевое крещение получила при проведении Острогожско-Россошанской операции. Дивизия провела много военных операций на территории нашей области. Достаточно назвать несколько населенных пунктов, чтобы понять, почему впоследствии ей было присвоено имя Белгородской. Это – Алексеевка, Новый Оскол, Чернянка, Короча. Во время Курской битвы 305-ая дивизия обороняла станцию Гостищево.

24 января она получила задачу – совершить 80-километровый марш от Алексеевки на север и к утру 25 января сосредоточиться в районе Шаталовки. Из этого района дивизия должна была нанести удар в общем направлении, на Чернянку, Йотовку, Салтыково, с целью не допустить отхода гитлеровцев из Старого-Оскола в западном и юго-западном направлениях, а также не допустить подхода резерва врага с запада, то есть завершить окружение старооскольской группировки 2-й немецкой армии. Выполняя эту задачу, воины дивизии, используя трофейные машины и горючее, шли по пятам за отступающим противником.

Окруженный враг начал на самолетах вывозить из Старооскольских госпиталей раненых. Один из таких самолетов был сбит, и упал недалеко от Салтыково. Находившиеся на борту самолета 22 человека либо погибли при падении, либо были пойманы нашими бойцами.

Воинские части 2-й немецкой армии, остатки 57-й и 68-й пехотных дивизий поспешно отступали, стремясь вырваться из окружения по дорогам Старый Оскол-Белгород, через Губкин, Бобровы Дворы, Скородное, а также по Курскому шляху – через Троицкий, Мантурово, Тим.

Утром 2 февраля был освобожден рабочий поселок Губкин. В то раннее утро по заснеженной тропе с Коробковского холма к центру посёлка (который находился в начале ул. Победы) шла женщина, прижимая к груди клетчатый фартук. Она вошла в здание поссовета и развернула перед собравшимися людьми красное полотнище, которое хранила, рискуя жизнью, 7 месяцев.

С 1 по 5 февраля были освобождены Бобровы Дворы, Успенка, Сапрыкино, Меловое, Хворостянка и другие сёла. В ночном бою 5 февраля одна из рот 1002-го полка вошла в Скородное, завершив, тем самым освобождение территории нашего района.

Несколько наших земляков в те зимние дни воевали в наших местах.

Во время Курской битвы М. Боев отличился при освобождении Белгорода. Под его руководством 5 августа 1943 над зданием горсовета был поднят Красный флаг. Сейчас М. Г. Боев – Почетный гражданин г. Белгорода.

Бережное сохранение памяти о подвигах земляков, воспитание подрастающего поколения на их боевых традициях, уважение к историческому прошлому народа занимает важное место в деятельности Губкинского краеведческого музея.

И. Алтухова, хранитель фондов Губкинского краеведческого музея

Алтухова И. Мужеству отцов поем мы славу / И. Алтухова // Горняк. – 2004. – 7 февр.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ У ПОСЁЛКА

В конце января и в начале февраля сорок третьего года поселок совхоза «Казацкая Степь» вновь оказался в центре кровавых событий. Известно, что значительные силы окруженной немецко-фашистской группировки пытались пробиться к Курску через Тим. Ранним утром 2 февраля со стороны села Бараново к поселку подходила первая группа наших войск. На подступах к нему завязался бой. Немецкий пулеметчик, засевший на чердаке ремонтных мастерских, вел прицельный огонь. Его удалось ликвидировать, но четыре красноармейца погибли. Я отчетливо помню, когда убитых переносили с поля к мастерским, одежда и валенки еще дымились, поскольку немцы стреляли трассирующими пулями.

Кровавые стычки продолжались все последующие дни. В полдень 4 февраля со стороны Лукьяновки снова появились отступающие немцы, и снова открыли огонь по поселку. Первыми жертвами этого боя оказались местные жители. От автоматного огня погибли многодетная мать Фёкла Фёдоровна Паршина (её сын живет в Губкине) и 15-летняя Алла Дрожжанова.

Сам поселок обороняла группа бойцов во главе с лейтенантом И.А. Зуенко. Он был убит в первой атаке. Его смерть дорого обошлась фашистам. Они с большими потерями были выбиты за пределы поселка. Но на этом не кончилось. К вечеру того же дня к поселку подошли последние части окруженной группировки, которые сосредоточились в лесу Становое и начали сильный обстрел. Загорелись бараки под соломенными крышами, где жили семьи рабочих, на току – скирды необмолоченного ячменя. Наши бойцы вынуждены были покинуть поселок, но за ночь подошло подкрепление, и он был освобожден. Это был последний бой.

И хотя многое известно про оккупацию, освобождение нашей местности, страниц с белыми пятнами остается еще немало. Восстановить правду поможет лишь кропотливая совместная работа краеведов и историков. Ведь все это славное прошлое нашего края.

М. Рудоманов, доцент Губкинского филиала МГОУ, кандидат исторических наук

Рудоманов М. Последний бой у посёлка / М. Рудоманов, доцент Губкинского филиала МГОУ, кандидат исторических наук // Новое время. – 1998. – 5 февр.

В МЕТЕЛЬНОМ ФЕВРАЛЕ

Отступающие немцы в Дубенку пришли во второй половине дня. Они спешили распрячь еще не остывших лошадей и укрыть их от холодного, пронизывающего насквозь ветра во дворах, сараях, и даже в сенцах крестьянских хат.

Не минула эта участь и дом Поддубной, где жили хозяйка с десятилетней девочкой и эвакуированная женщина с пятнадцатилетним сыном.

По скрипу полозьев и топоту лошадей мы поняли, что и к нам во двор заехала подвода. А через минуту здоровенный немец в шинели мышинного цвета, повязанный поверх пи-

лотки каким-то платком, на ногах – соломенные бахилы, вместе с холодным паром завалился в хату. В руках – кнут.

Мы, все четверо, прижавшись к углу стола, с любопытством и в то же время со страхом молча смотрели на него, ожидая чего-то неизвестного, непредвиденного, а значит, тем более страшного. По-видимому, прочитав на наших лицах немой страх, он остановился у двери и, показывая кнутовищем в нашу сторону, произнес: «Пук.., пук.., найн!». Затем сунул кнутовище под левую руку и, сняв рукавицы, стал растирать озябшие руки и притопывать ногами.

– Матка, чай! – сказал он и для убедительности поднял руку, поднес ее ко рту, показал, как пьют чай и, убедившись, что его поняли, надел рукавицы и вышел во двор.

– Где же такому черту я возьму чай? – сказала тетя Таня, так звали нашу хозяйку. – Разве кипятка...

– Иди растопи печь. – сказала ей мать, – пока еще угли не потухли.

– Еще чего нехватало! – сердито отозвалась тетя Таня. – Там дров осталось не больше как на два дня. А я их пожгу на этого долговязого, а потом детям и супа не на чем сварить будет. Не пойду!

– Да ты что, с ума сошла? – испугалась совсем мать. – Тебе что, детей не жалко?

– А причем тут дети?

– Да он нас как куропаток постреляет! – отвечает мать. – Что ему, жалко нас? –

– Все равно не пойду! – заупрямилась тетя Таня.

– Тогда я сама пойду, – сказала ей мать и пошла к печке.

По стуку копыт и крикам немца мы поняли, что он заводит лошадей в сенцы. Я оделся и вышел во двор посмотреть, что там делается. Действительно, в сенцах уже стояли лошади. Они были крупные, с подрезанными хвостами. Немец раскладывал им сено.

Наступил зимний вечер. Немец, покормив лошадей, зашел в хату и, раздевшись, уселся за стол. Открыл ранец и достал из него пачку галет, несколько кусочков пиленого сахара, алюминиевую кружку и, разложив все на столе, зажег стеариновую плошку. Мать принесла и поставила на стол небольшой чугунок с горячей водой. Немец молча зачерпнул кружкой из чугунка горячей воды и, надкусив галету и сахар, стал пить чай. Заметив, что я украдкой наблюдаю за ним, он пальцем поманил меня и, отделив одну галету и взяв со стола кусочек сахара, подавая мне, сказал: «Киндер!». И что-то еще залопотал, указывая пальцем то на меня, то на себя.

Я понял, что у него такой же сын в Германии. Затем он достал фотографию и подал мне. На фото были молодая немка и мальчик примерно моего возраста, чистенькие и хорошо одетые, улыбались. Подошли мать, тетя Таня и ее девочка, стали смотреть.

– Это твой сын и жена? – спросила тетя Таня, дополняя свои слова жестами. Немец понял и, заулыбавшись, произнес: «Я.., я...» Затем отделил еще одну галету и, взяв кусочек сахара, подал девочке.

– Ишь, какой добренький! – произнесла вслух тетя Таня. – Наверное, наши прижали вас здорово?

– Я.., я.., – улыбаясь, снова произнес он.

– Что ты говоришь? – испугалась мать.

– А что я, неправду сказала? Да он и ни черта не понял.

– А вдруг?

Я отдал ему, все ещё улыбающемуся, фотокарточку и кивком головы поблагодарил за галету и сахар. Все отошли от стола. Он снова полез в ранец и, достав ещё одну плошку, отдал мне. Я взял плошку и вновь закивал головой в знак благодарности.

– Вот вам и немец, – сказала мать, принимая от меня плошку. – Они тоже разные бывают.

Проснулся я от громкого стука в оконную раму. Одевшись, немец вышел из хаты и через некоторое время слышались скрип санных полозьев и приглушенный гул голосов.

Мы насторожились, но скоро все стихло. Часов не было, и сколько было времени, никто из нас не знал. Решили ждать до утра.

Проснувшись, первым делом я посмотрел на окно. Стекло на нем, ближе к раме, оттаивало от инея, а это первый признак потепления. Так оно и есть. Когда я вышел во двор, то заметил, что снег под ногами не так скрипел и стал скользким, не таким, как вчера, ветер стих и позёмки не было, а деревья заметно почернели, веселее зачирикали воробьи и попискивали, ища корм, синицы.

Подошел ко мне товарищ, живший от меня через три хаты, и мы, посоветовавшись, решили пройти до центра села, где пересекались две дороги, идущие одна на Бобровы Дворы, другая – на Старый Оскол.

Спускаясь с пригорка, мы увидели на дороге, идущей на Старый Оскол, две автомашины: одна грузовая, накрытая маскировочным тентом, и легковая, окрашенная в белый цвет. Неподалеку от них стоял тяжелый мотоцикл с подвернутым передним колесом. Вокруг машин толпились мальчишки, а наиболее смелые возились в салоне легковой машины.

– Видать, бензин кончился, что бросили машины и даже не подожгли, – сказал мне товарищ.

Утро и весь день прошли в ожидании, но ни немцев, ни наших так весь день и не было. И лишь поздним вечером мы встретили разведку наших. Их было пятеро, двое в маскхалатах, с автоматами на плече. Их вел наш парень, живший на краю села.

Передовой отряд наших войск ехал на лошадях, везли на санях автоматы, пулеметы, минометы и тащили пушки-сорокапятки. Люди, несмотря на поздний час, высыпали на улицу, встречая наших солдат. В эту ночь мало кто спал. Мы, узнав, что они идут, на Бобровы Дворы, проводили их за село, рассказав, как быстрее добраться до районного центра.

Впоследствии мы узнали, что солдаты, проходившие через наше село, разогнали в Бобровых Дворах немецкую комендатуру, пленили немецкого подполковника и перерезали главную дорогу Старый Оскол-Белгород, что вынудило немцев отступать из Старого Оскола по неподготовленным полевым дорогам. А первые дни февраля начинались метелями, которые навсегда заматали следы незваных пришельцев.

И. Мозговой

Мозговой И. В метельном феврале / И. Мозговой // Новое время. – 1996. – 8 февр.

В БОЯХ НА ГУБКИНСКОЙ ЗЕМЛЕ...

из архива краеведа:

О безвременно ушедшем из жизни Владимире Ивановиче Дементьеве можно смело сказать – он был больше чем учитель (преподавая русский и немецкий язык, литературу в школе №7) и больше чем поэт, оставивший после себя большое литературное наследство. Он был еще историком-краеведом, многие годы возглавляя отряд юных следопытов своей школы. В летние каникулы не отдыхал, а вместе со своими воспитанниками вдоль и поперек исколесил дороги родного края. И каждый день, когда мальчишки и девчонки, утомленные переходами, скромно поужинав кашей из котелка, мирно посапывали в палатках, Владимир Иванович при неярком отблеске затухающего костра делал дневниковые записи. Они составили сотни страниц. Часть из них стала достоянием нашей газеты.

В дневнике есть короткие записи свидетелей, проливающие свет на события 54-летней давности – освобождение наших мест от фашистских захватчиков.

2 февраля 1943 года со стороны села Бараново к поселку Казацкая Степь подошла первая группа наших войск. Она, выбив немцев из поселка, оставила небольшой заслон во

главе с лейтенантом Зуенко и 20 человек раненых и пошла дальше в направлении села Теплый Колодезь. Но утром следующего дня у поселка появились отступающие немцы. Их было примерно столько, сколько и в маленьком гарнизоне Зуенко. С ходу открыли ураганный огонь. Первой жертвой стала игравшая во дворе семилетняя девочка Алла Дрожжакова. Ее сразила автоматная очередь. Тем временем лейтенант Зуенко успел побрить лишь одну щеку, когда услышал треск выстрелов.

– В ружье! – скомандовал он, и, выскочив наружу, тут же упал, сраженный пулей в голову.

Так и встретил смерть на губкинской земле воспитанник детского дома города Орехово-Зуево Иван Александрович Зуенко.

Увидев смерть своего командира, его солдаты открыли огонь из автоматов, винтовок и двух пулеметов. За оружие взялись даже раненые. Свободный автомат схватил и приставший к солдатам местный подросток Гена Цепков, который потом ушел с нашими солдатами, и судьба его неизвестна. Тогда почти все прорвавшиеся немцы были уничтожены.

В полевой сумке лейтенанта Зуенко оказалось неоконченное письмо жене, и жительница поселка Нина Ивановна Маркина отослала его вместе с «Похоронкой» в Орехово-Зуево.

Под вечер 5 февраля к поселку подошла новая группа фашистов, теперь уже отступавших со стороны села Лукьяновка, кстати, последняя, оставшаяся от окруженной и разбитой группировки. Она имела одну цель – прорваться к Тимскому шляху, почему и сосредоточилась в лесочке Шановое, что с южной стороны поселка. Открыла сильный огонь и цепью пошла в наступление, а наши вынужденно отошли, в северную часть.

Мария Ивановна Соколова находилась с детьми дома, где приютилось еще две семьи. Двери распахнул немецкий офицер и на довольно сносном русском языке спросил:

– Сколько, у вас русских?

– Ой, много, очень много, – сказала женщина.

В ответ фашисты, наглухо заперев дверь, подожгли камышовую крышу домика. Люди заметались, вышибли дверь и выскочили наружу, бросаясь в снег. Немцы сразу же исчезли, потому что слышали громогласное «Ура!» подоспевшего подкрепления. Это и был последний бой за поселок Казацкая Степь.

Наутро жители на окраине поселка хоронили советских солдат, что погибли у поселка и на Тимском шляху. В 1950 году их останки были перенесены в центр поселка, где на братской могиле воздвигнут памятник, сохранившийся в наши дни.

Публикацию подготовил В. Жилин

Жилин В. В боях на Губкинской земле... / В. Жилин // Новое время. – 1997. – 8 мая.

ЖИЛИ ОЖИДАНИЕМ КРАСНОЙ АРМИИ (отрывок)

...И она пришла. После прорыва немецкой обороны на Дону в середине января 1943 года враг начал поспешно отступать, а советские войска наступали в тяжелых зимних условиях, с ожесточенными боями. Фронт приближался к Старому Осколу. Большинство немецких частей отступало Курским шляхом. В населенных пунктах, которые лежали на этом пути, озверевший враг бесчинствовал: убивал, грабил, поджигал дома. Окруженная в районе Старого Оскола группа немцев под командованием Гольфитцера сумела вырваться и к исходу 4 февраля подошла к Красному хутору (ныне поселок Троицкий). Небольшое подразделение советских войск завязало бой с отступающим врагом. Советские бойцы при поддержке двух танков пошли, в атаку со стороны совхоза «Казацкая степь». И хотя немцам удалось

подбить один танк, наши солдаты сломили сопротивление врага и вырвались на Курский шлях. Бои с фашистами вели части 167-й стрелковой дивизии 38-й армии. В них участвовали ещё два советских танка, которые подошли к хутору с левой стороны, у Кучугур. Они били по врагу вдоль шляха. Немцы с хутора открыли ответный огонь. Танки отошли к селу Теплый Колодезь, указывал им дорогу подросток А. Черных. Он провел танки к хутору со стороны урочища Пятинное. И снова бой.

Второго-третьего февраля 1943 года был освобожден поселок КМА. Отступая, враг на окраине Теплого Колодезя завязал бой с ротой советских солдат. Немцы с Красного хутора открыли, минометный огонь для поддержки своих. Именно этот минометный обстрел и отложился в памяти М.Ф. Котеневой.

Затем последовало освобождение сёл Скородное и Бобровы Дворы, и боевые действия перешли на земли Корочанского района.

– Как-то летом того же 1943 года мне пришлось побывать на месте боев под Красным хутором, – рассказывает Матрена Филипповна. – На залитом солнцем поле – сочная трава, деловито жужжали насекомые, трава постепенно скрывала израненную землю, взрытую с нарядами, вспаханную гусеницами танков, усеянную осколками и политую кровью. Я увидела два танка. Полускрытые бурьяном, они мрачно горбились среди цветущего поля. Один из них, немецкий, смотрел прямо на меня. Мне стало как-то не по себе, и я поспешила уйти...

60 лет отделяют от нас то время, когда враг разгуливал по нашей родной земле, сея ужас, страх, смерть. 60 лет – это миг в истории, но для человека это целая жизнь. Уходят от нас участники и очевидцы тех событий, притупляется память оставшихся в живых, но остается память человеческая, передающая из поколения в поколение героический подвиг советских людей. Память эта в наших сердцах.

Р. Хайминова, учитель истории Теплоколодезянской школы

Хайминова Р. Жили ожиданием Красной Армии / Р. Хайминова // Новое время. – 2003. – 4 февр.

В НАСТУПЛЕНИИ

В 1978 году на страницах городской газеты «Знамя Ильича» (ныне «Новое время») был опубликован отрывок из очерка полковника запаса Ивана Сергеевича Коняева.

Иван Сергеевич Коняев наш земляк, родился и вырос в деревне Чапкино, кадровый военный, ветеран Великой Отечественной войны.

116 отдельная танковая бригада, в которой И.С. Коняев служил старшим лейтенантом, начальником штаба, в составе 40-й армии Воронежского фронта вела в 1942 году тяжёлые оборонительные бои, а в 1943 году – боевые наступательные действия на территории Белгородской области.

Он является автором нескольких военно-исторических очерков, опубликованных в газетах и военных изданиях. Отрывок из очерка «Этого забыть нельзя», опубликованного за 28, 31 янв. и 1,3 февр. 1978 года касается боевых действий, которые проходили на территории Губкинского района. Вот выдержка из него:

1 ФЕВРАЛЯ рота автоматчиков под командование старшего лейтенанта Кулиева и политрука Субботина вела бой за каждый дом и сарай, отбивая при этом множество контратак, медленно продвигалась к осажденным танкам.

Перед церковью немецкому снайперу удалось заметить офицеров и сразить их. В боях за Верхне-Атаманское вместе с несколькими воинами оборвалась молодая жизнь храбрых командиров.

Командиром разведотряда назначен начальник разведки бригады капитан И.И. Летков. Задача – вести разведку в направлении Нижне-Чуфичево, Коростово, Дубинка, Кутузово, Бобровы Дворы, определить проходимость дорог по маршруту движения, уточнить наличие противника в районе Бобровы Дворы – Присынки – Кутузово, овладеть Бобровыми Дворами и удержать их до подхода главных сил бригады. С целью маскировки разведотряд двигался только ночью, преодолевая сильные снежные заносы и расчищая дорогу для автомобилей, 2 февраля вышел в Бобровы Дворы. Появление разведотряда в райцентре было неожиданным для противника. О выходе наших разведчиков не знали даже в комендатуре, во главе с венгерским комендантом и полицейским из числа местных предателей.

Вот что сообщил в своем радиодонесении 3 февраля капитан И.И. Летков. «По маршруту движения противника не обнаружено. Дорога без дополнительной расчистки непроходима, для автомобилей. Боброводворская комендатура разогнана, часть служащих пленена. Дорога Сергеевка – Скородное поддерживается в проезжем состоянии и перерезана в районе Бобровых Дворов, взят в плен немецкий полковник Вейнер».

2 февраля в пять часов вечера из Сергеевки на Бобровы Дворы вышло пять легковых автомобилей. Этим непрошенным «гостей» встретили со всеми «почестями», как и подобает встречать врагов. Четыре машины были подбиты и сожжены, одиннадцать немецких офицеров убиты при попытке к бегству и оказанию сопротивления, а полковник Вейнер был взят в плен. Одной автомашине удалось ускользнуть от огня разведчиков.

Удержав за собой маршрут, по которому прошел разведотряд, ведя в течение 1-5 февраля бои с отходящими мелкими подразделениями противника в Успенке, Сапрыкино, Хворостянке, Мышинке, Мелавом и преодолевая глубокие снежные заносы, 5 февраля вышли в Скородное, имея задачу преследовать отходящего противника в направлении Скородное – Короча – Алексеевка – Белгород и во взаимодействии с 340 - й стрелковой дивизией с ходу овладеть Белгородом.

И. Коняев

Коняев И. В наступлении // Знамя Ильича. – 1978. – 3 февр. – С.4

ЦВЕЛА ЧЕРЕМУХА СРЕДИ ВОЙНЫ

(воспоминания жительницы нашего города, ветерана труда Анны Андрияновны Чуриковой (до замужества Кочетковой), которая своими глазами видела, как происходило освобождение района)

Я родилась в деревне Евгеньевка Сергиевского сельского Совета. Отец Андриян Антонович Кочетков работал ветеринарным фельдшером, а мать – рядовой колхозницей. Когда началась война, отец не сразу попал на фронт. Ему было поручено готовить к эвакуации скот, а надо сказать, что поголовье коров, лошадей, свиней и овец было немалое. Отец вместе с несколькими товарищами задание выполнил с честью и уже потом ушел на фронт, оставив мать с тремя детьми. Фронтные весточки были редкими и скудными. Знали, что он под Ленинградом служил в тяжелой артиллерии. Там он и погиб.

Весной сорок второго года в близлежащих от Евгеньевки лесах и перелесках, в больших логах появились круговые оборонительные сооружения. Рядовые жили в блиндажах и землянках, офицеры квартировали по хатам. У нас, например, жили два полковника – один, пожилой и больной, Михаил Иванович Иванов, второй – Михаил Моисеевич Мацинковский. Наша хата была небольшой, стояла в зарослях черемухи, диких груш и яблонь, осин. Военные под кронами замаскировали машину походной типографии, а четыре ее наборщика жили у нашей соседки Февронии Емельяновны Почекаевой. Фамилии и имена двух из них я помню – это были Саши, Даренский и Мясников. Все было тихо и мирно. К полковникам изредка приезжали военные рангом повыше, о чем-то подолгу совещались, при этом нас, детей, просили уйти.

И только в конце июня вдруг все засуетились, постояльцы уехали и леса опустели. Нам стало страшно, потому что поняли – немцы близко. По своей наивности начали строить укрытия, овец и коз прятали в погребах, коров в лесу. Но такие меры предосторожности были временными – от врага не скроешься.

Первыми в деревню вошли эсэсовцы: сливали в котелки молоко, лазили по сараям за яйцами. Один полез в нашей хате в печь за топленным молоком, которое уже покрылось соблазнительной пеночкой, да обжег руки. Начал громко ругаться по-своему. А мы, несмышлениши, хохотали. Матери потом дали нам хорошую взбучку: ведь за такое могли и пулю получить.

Фашисты побаивались партизан. Даже днем с опаской поглядывали на высокорослые подсолнухи и выпытывали у людей: «Партизаны есть?».

Партизаны были. Иногда по ночам и к нам, и к соседям осторожно стучали в окошко, чтобы запасться съестными припасами, в чем им никто не отказывал.

В нашей деревне были и два полицейя, однажды они предупредили, что немцы собираются забрать скот. У нас была годовалая телочка, и молодой полицей ночью помог ее зарезать. Лето стояло жаркое, мясо засолили в кадушку и надежно упрятали.

В конце января с востока стал доноситься орудийный гром. Радости не было предела – наши идут! И вот потянулись в сторону Бобровых Дворов колонны танков и машин, облепленных фашистами. В одну из ночей братья Максим и Василий Логвиновы – слышали скрип полозьев и пофыркивание лошадей – шел какой-то обоз. Они не ошиблись. Это были наши, которые устроили засаду возле крайних домов, неподалеку от главной дороги. Вскоре появилась колонна гитлеровцев, двигавшаяся в сторону Бобровых Дворов. Здесь их и застиг ураганный огонь. Результат – разбитые машины, танки, десятки трупов, уцелевшие солдаты бежали в панике. Мы, детвора, видели все это собственными глазами.

Война – эта повседневная обычная жестокость, милосердие – редкость, вспоминаю тот же февральский день. Раненный в ногу офицер приполз по снегу в Евгеньевку и при этом громко кричал по-русски: «Ой, мама!». В крайней хате над ним сжалились, уложили в постель, обработали рану, успокоили, что все будет хорошо – пощадят. А офицер продолжал говорить по-русски, что Гитлеру – капут, боялся, что не пощадят его. Он оказался прав: появились несколько наших солдат, стащили с постели, выволокли во двор и без разговоров расстреляли. Те же братья Логвиновы наспех засыпали тело в овраге...

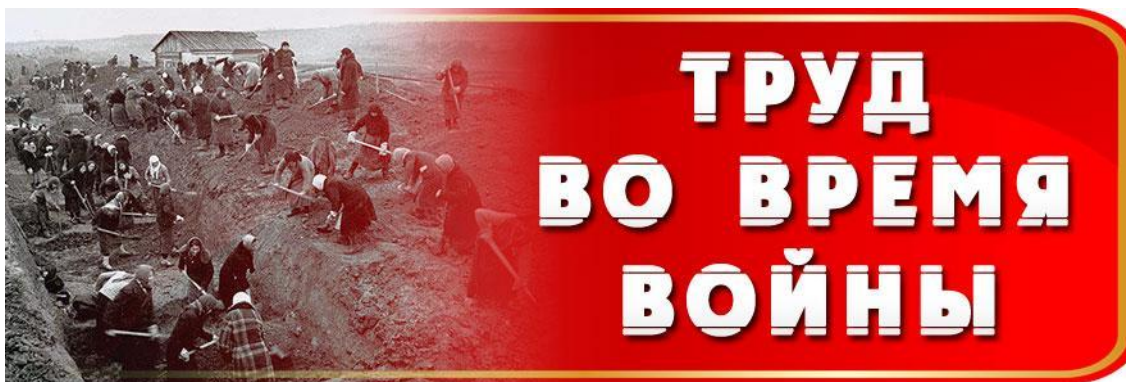
Вновь вернусь во вьюжные февральские дни. Тогда уже не на восток, а на запад круглосуточно шли окрепшие советские войска. Мы были удивлены, когда к нам заглянули старые знакомые по лету сорок второго – печатники Саша Даренский и Саша Мясников. Они забежали на секунду. Кого-то обняли, кого-то расцеловали, приговаривая: «Нам некогда, мы очень торопимся».

Они торопились догонять фронт, а мы теперь оставались в глубоком тылу, на освобожденной от оккупантов территории.

А. Чурикова

Чурикова А. Цвела черёмуха среди войны / А.Чурикова // Новое время. – 2002. – 21 февр.

ШАГНУЛИ ДЕВОЧКИ В ВОЙНУ

Я пишу о своем не лёгком труде в годы войны 1941–1945 годов, о хлебе насущном и каким трудом он добывался. Я, жительница села Т. Колодезь, до замужества Шокова Лидия Яковлевна, закончила 8 классов, и началась война, холодная, голодная, продолжительная и мучительная. Я вместе с моими сверстниками заменила ушедших на фронт механизаторов. Работала на тракторах ХТЗ и У-2.

Когда вспоминаем, как мы работали, не верим, что это делали мы, девочки 15–16 лет. И откуда бралась такая самостоятельность и уверенность в себе: это я смогу и должна это делать! Были у нас и наставники. И первый из них был Горожанкин Трофим Иванович из села Салтыково, прекрасный человек.

Начинали мы свой рабочий день так: пять девочек подходили к трактору с веревкой, надевали на ручку заводной рукоятки петлю веревки, одна, которая половчее, бралась за нее, а другие девочки по обе стороны за веревку крутили рукоятку, пока трактор не «зачихает»: ожил, значит, завелся.

После отступления немцев поля заросли бурьяном, и такое поле мне пришлось пахать в своем родном колхозе им. Кагановича. Пожилой прицепщик отказался на этом поле работать – много мин в бурьянах. Пришлось мне, иначе могли наказать по законам военного времени. Отработала благополучно, хотя плуг забивался, и мне приходилось нелегко.

Мне самой не верится, что я жила в такое время: зима, весна, лето, осень, дождь и снег – и ни одного выходного. Не каждый человек выдержит такую работу. А нам было тогда по 15 лет, и работали так до конца войны. Весной 1943 года я повредила руку, когда хотела устранить неисправность в сеялке. Больше на трактор не могла садиться и стала работать учетчицей- нормировщицей.

После Победы я работала в Лебедях (на этом месте сейчас карьер, а тогда были поля колхозов «Революционный путь» и «Страна Советов») в женской тракторной бригаде. Бригадиром была Паша Арнаутова. В ее бригаде работали трактористки Маша Винникова, Маша Жеглова, Ксения Горожанкина. Хотя война и закончилась, девушки оставались в строю. Дисциплина стала помягче, но за прогулы судили строго, как и в военные годы.

От непосильного труда многие из нас подорвали свое здоровье, рано ушли из жизни. А моя подружка Паша Чеботарева из села Т. Колодезь не дожидаясь и до двадцати лет. Умерла от всех этих тягот... А те, кто еще жив, вспомните свою юность: на ногах обноски или кирзовые сапоги, но губы подкрашены столовой свеклой. Улыбнитесь, мои дорогие подруги: Машенька Золотых, Маруся Дорохова, Соня Ушакова, их было много в каждом селе и в каждой деревне, а объединяла нас Салтыковская МТС.

1941 – год нашей беды и нашего мужества, год незабываемый. Прошло столетия, и я верю, что если будет необходимость, наше молодое поколение займет достойное место в жизни, как сделали в свое время мои сверстники.

Л. Тумбарцева

Тумбарцева Л. Шагнули девочки в войну / Л. Тумбарцева // Новое время. – 1995.

– 6 мая.

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ СЕЛЕНЬЯХ

ЖИВЕТ У НАС на хуторе Хворостянка Мария Макаровна Чисникова. Женщина уже немолодого возраста, живет как будто ничем не примечательной жизнью, как десятки ее односельчан. И для меня ее жизнь вначале представлялась такой же незаметной и обыденной.

Из рассказов соседей я знала, что Мария Макаровна свою трудовую жизнь начала очень рано. Работала, как и мать с отцом, в колхозе. Ходила в поле на прополку, вязала снопы, зимой заготавливала местные удобрения. Чуть повзрослела, смело бралась за ручную косу, становилась за конный плуг. А когда родители стали старенькими, ей и по дому прибавилось дел. И она всюду успевала, работала так, чтобы не стыдно было людям в глаза смотреть.

Но однажды, придя к Марии Макаровне по служебным делам мы разговорились. И вот что я узнала.

Началась война. Одна за, другой провожали женщины хутора на фронт своих мужей, сыновей. А у Марии Макаровны никого не было – так сложилась её личная жизнь. Значит, работать должна ну хотя бы за двоих – решила она. Уж слишком лютой была ненависть к фашистам, которые окровавленным сапогом топтали русскую землю.

И Мария Макаровна решилась. Пусть не на фронт, но где-то рядом с советскими солдатами должно быть ее место в этой общенародной борьбе с немецкими оккупантами. Эти побуждения и привели М.М. Чисникову на строительство дороги стратегического назначения.

– Дома мне приходилось бывать в то время очень редко, – вспоминает Мария Макаровна. – Работали сутками. Лишь три-четыре часа для сна – вот все, что нам отводилось в личное распоряжение.

А потом Мария Макаровна работала на строительстве аэродрома в лесах под Старым Осколом. Это уже был настоящий передний край. Часто делали налеты немецкие стервятники; забрасывали бомбами, разгоняли людей из пулеметов, но люди прятались на время огненного смерча в укрытия, а чуть стихало, снова брались за дело. И вместе со всеми бралась за лопату М.М. Чисникова, толкала впереди себя груженную черноземом тачку, и не от тяжести наполнились слезами глаза, а от обиды за истерзанную родную землю.

И лишь когда наступали густые сумерки, люди, до смерти усталые, спрятав, понадежнее инструмент, шли в лес. Там они в палатках спали, чтобы за эти короткие часы хоть немного восстановить силы и с первыми проблесками утренней зари снова вступить в жаркую схватку с врагом. Потому что с наступлением утра снова прилетят фашистские самолеты и опять будут сбрасывать свои смертоносные грузы на безоружных строителей, среди которых большинство – женщины. Кто, да и чем ответит на этом пятачке фашистам? Разве что в яростном гневе ошестинят вслед стервятникам с черными свастиками отполированные до блеска лопаты.

А жертвы были. Жгучей болью отдавалась каждая такая смерть в сердцах людей. И тогда они трудились с удвоенной силой, не давая никаких клятв о мщении, выполняли нормы за погибших. Пусть в который уже раз кровавились мозолями ладони, но люди знали, что эта кровь и кровь погибших приблизят час расплаты над врагом.

Но закончилось строительство оборонительных сооружений в одном месте, и Мария Макаровна теперь уже вместе со своим звеном женщин шла на сооружение других.

«Я не помню сейчас, – рассказывает она, – сколько выкопала траншей, окопов. До 15 погонных метров в день приходилось одной делать. И не просто их вырыть, а еще и надежно замаскировать, чтобы советским солдатам безопасней было. Копала я окопы в Богословке, Ивановке, Никаноровке, Огибном, Волкове. Да разве упомнишь все. Тогда только и думы были; остановить, не пустить фрицев дальше».

Мария Макаровна на минутку задумалась, потом улыбнулась чему-то и продолжала:

«А однажды мне принесли приглашение на слет за хорошую работу на оборонитель-

ном фронте. Приглашение вручили письменное, а грамотешкой я была слаба. Но все-таки прочитала по слогам».

И Марая Макаровна принесла мне пожелтевший листок, который она хранит как память о тех незабываемых днях.

«Было это в 43 году. Мы тогда хотя и были полураздетые, голодные, но поддерживали в проезжем состоянии дорогу Копцево-Боброводворское. Слет – состоялся в Долгой Поляне. Тогда мне дали премию – рабочие ботинки. Нелегко все рассказывать, что пережили, перегоревали. И как радостно, что вот уже тридцать лет над нами чистое небо. А то небо, которое довелось вам видеть, было темное, с огненными вспышками...»

Мария Макаровна замолчала. И я поняла, что сегодня она о войне не будет больше рассказывать. Слишком глубоко она разбередила свои раны, и теперь нужно время, чтобы затихла их боль.

А я, простившись с Марией Макаровой, еще долго была под впечатлением ее рассказа. И думала не только о М.М. Чисниковой. Мне почему-то вспомнился образ русской женщины, который нарисовал великий поэт прошлого столетия Н.А. Некрасов. «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...». Ведь Мария Макаровна и есть русская женщина. Та самая из русского селения, о которой писал поэт.

В. Бессонова, председатель Богословского сельсовета

Бессонова В. Есть женщины в русских селеньях / В. Бессонова, председатель Богословского сельсовета // Ленинский путь. – 1975. – 12 апр.

ЭТОТ ДЕНЬ ВСЕ ПРИБЛИЖАЛИ, КАК МОГЛИ

Родился Захар Тимофеевич в 1910 году в деревне Русановка Боброводворского (ныне Губкинского) района. До службы в армии успел поработать (завербовался, как тогда говорили) на шахтах Донбасса, извозчиком в Москве.

В 1932 году был призван в армию. Службу проходил на Дальнем Востоке – в Уссурийском крае. После увольнения в запас в 1935 году мыл золото на приисках Колымы, где и узнал о начале войны. Из запаса был отозван. Выполнял задачи по доставке золота на центральный прииск. А это 10 кг драгоценного металла за спиной да плюс винтовка, затвор которой отбивать можно было полдня. Шел в одиночку, на колымском морозе, днем и ночью... Досаждали медведи-шатуны. Впрочем, не только медведями пугала тайга. Однажды несколько часов пришлось отстреливаться от грабителей, пока не подоспела подмога: не дождавшись Белогурова в назначенное время, начальство выслало навстречу спецотряд.

Выполнял спецзадание, охраняя «катюши». На железнодорожной станции Попасная осколок авиабомбы застрял в ладони. Ранением это Захар Тимофеевич не посчитал...

Но самый главный жизненный поступок он совершил, когда враг был на подступах к Москве. «...В дни грозной опасности, нависшей над нашей Родиной в 1941-45 гг., сказано в сохранившихся документах, тов. Белогуров З.Т. из личных средств сбережений внес на постройку танков 40 тысяч рублей и 2 кг золота». (Для меня рубли того времени всегда были абстрактной величиной, и только недавно из выступлений ветеранов на телеканале «Звезда» узнал, что оклад боевого летчика в звании полковника составлял тогда 1200 рублей. – *Прим, автора*).

Тогда многие рвались на фронт. И Захар Тимофеевич Белогуров написал письмо И.В. Сталину с просьбой отправить на фронт. Ответ был дан на страницах газеты «Правда»: «Работай там, где работаешь, это такой же фронт, как и на Западе».

Уже после войны при сложных жизненных обстоятельствах он еще раз обратился к Сталину – с просьбой о помощи. Не знаю, дошло ли письмо лично до него, но вопрос был решен в пользу Захара Тимофеевича.

После демобилизации в 1948 году приехал он на малую родину. Много лет работал грузчиком в ОРСе комбината «КМАруда», охранял строительные объекты. Был уважаемым человеком.

Я познакомился с ним в 1966 году, когда мне было семь лет. «Ну что, сынок, пойдем к нему жить» – спросила у меня через некоторое время мама. «Пойдем!» – согласился я. И он заменил мне отца, хотя я так никогда его не называл. Во многом благодаря его поддержке я закончил среднюю школу, а затем Харьковский инженерно-строительный институт.

Умер Захар Тимофеевич в 1984 году.

Свой вклад в великую Победу внесла и моя мама Александра Петровна Галенко, урожденная Каплина. Она родилась в селе Хворостянка нашего района. Окончила семь классов, пережила голод 30-х годов. Война застала ее под Ленинградом, где вместе с группой односельчан работала на торфоразработках. Уходили от немцев в сторону Новгорода, и это; наверное, их спасло. Кое-как добрались до села, которое вскоре было оккупировано. Тяжелая работа, постоянная угроза быть угнанной в Германию – вволю хлебнула мама все тяготы оккупации.

В 1943 году село освободили, и здесь расположился полевой хирургический эвакуогоспиталь. Сначала Александра Петровна ходила туда помогать, а потом согласилась на постоянную работу. Сначала была санитаркой, а потом хирургической сестрой. Путь госпиталя в составе 1-го Украинского фронта прошёл через Сумы, Киев, Львов, Терпополь, Вену. До Берлина оставалось около 100 км, но была дана команда повернуть на Прагу. Во время очередной операции раздались беспорядочные выстрелы из разного вида оружия. Думали – немцы прорвали фронт. Оказалось, пришла долгожданная Победа! И это было самое яркое впечатление о войне.

В 1946 году Александра Петровна демобилизовалась и более 30 лет проработала в тресте «КМАрудстрой» на строительстве жилых и промышленных объектов Губкина и Старого Оскола.

Генералы, солдаты, гражданские люди – каждый был в годы войны на своем месте. Каждый вносил свой вклад в победу. Честь и хвала тому поколению, выигравшему такую страшную войну.

С. Галенко

Галенко С. Этот день все приближали, как могли / С. Галенко // Новое время. – 2007. – 12 мая. : фото.

ГЕРОИЧЕСКИЕ ВЁРСТЫ (дайджест)

*Вы здесь дорогу строили на Ржаву,
В подолах пол Земли перенесли
К сраженью подготовили Державу
И с воинами Родину спасли.*

Виктор Белов

Чем дальше уходят от нас те исторические грозные военные годы, тем всё явственнее и величественнее вырисовывается бессмертный подвиг нашего народа, совершённый в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Особое место в её истории занимает строительство железной дороги Старый Оскол-Сараевка, которая ускорила победу на Курской дуге. Её по праву называют «Дорогой мужества».

Фашисты закрепились на Курской дуге, намереваясь нанести ответный удар за поражения под Сталинградом. Со второй половины марта 1943 года нарастала активность немецко-фашистской авиации, наносившей удары с воздуха главным образом по крупным узлам железных дорог. Для их обороны советское командование привлекло крупные силы авиационных частей Ряжско-Тамбовского, Воронежско-Борисоглебского, Харьковского и Тульского дивизионных ПВО, которые взаимодействовали с истребительской авиацией и зенитной артиллерией фронтов.

Полностью обезопасить железнодорожные перевозки, однако, было невозможно. Только в мае на участок железной дороги между Валуйками и Старым Осколом вражеская авиация совершила 34 налёта, в которых участвовали сотни самолётов. Постоянными стали массированные налёты на Курский железнодорожный узел.

Фронт испытывал серьёзные затруднения в обеспечении воинских перевозок. Транспортные возможности железнодорожной сети в пределах Воронежского фронта оказались недостаточными, чтобы обеспечить своевременное сосредоточение крупных резервов и материальных средств. Фронт своей железнодорожной коммуникации не имел, и пользовался вместе с Центральным фронтом участком дороги Касторное-Курск, на котором ему в первое время выделялось всего три поезда в сутки. Фронт вынужден был использовать большое количество автомашин, перевозивших грузы за 250-300 километров.

Назрела необходимость строительства соединительной линии Старый Оскол-Ржава с выходом на линию Курск-Белгород в полосе Воронежского фронта.

Начальник военных сообщений 40-й армии полковник В.Н. Рыманов вспоминал впоследствии, что в конце марта 1943 года очень остро встал вопрос о доставке грузов войскам, выдвинувшимся вперед на линию железной дороги Курск-Солнцево-Ржава-Белгород. Выход

мог быть в строительстве железнодорожного пути Старый Оскол-Ржава. Начальник Московско-Донбасской железной дороги В. И. Оборотов выделил инженеров-изыскателей и помог нужными материалами. Руководителем изыскательной группы назначили старшего помощника начальника ВОСО армии майора А. М. Коробченко. На работы по изысканию ушло 22 дня, были составлены подробные расчеты, но Военный совет армии, узнав, что на стройку потребуется около трех месяцев, строительство дороги отклонил – такой срок армию не устраивал. (Доманк А. **Тыл огненной дуги. Воронеж. 1989. С.53-55).**

«Единственный телефон ВЧ (высокочастотный телефон, обеспечивающий высокую защищенность и секретность переговоров) в кабинете первого секретаря Курского обкома П.И. Доронина, – вспоминает Рыманов. – Помню, ночью... мы доложили о ходе изыскательских работ начальнику тыла и начальнику военных сообщений фронта. После переговоров П.И. Доронин, очень интересовавшийся работой железной дороги, и знавший трудности с продвижением поездов, спросил меня, что можно сделать для улучшения положения. Я рассказал ему, что выход может быть только в постройке железной дороги Старый Оскол-Ржава. Войска Воронежского фронта могли бы самостоятельно обеспечиваться через станции Касторное и Валуйки, минуя Курск, если бы была железная дорога от Старого Оскола до Ржавы.

Это дало бы Воронежскому фронту возможность иметь свой самостоятельный железнодорожный участок. В мирное время его можно использовать для вывоза хлеба из глубинных районов. Немного подумав, товарищ Доронин переговорил во ВЧ с Военным советом фронта» (Уходили на фронт эшелоны. М., 1974. С.238).

Сам П.И. Доронин спустя тридцать лет писал: «На одном из заседаний бюро обкома партии мы вспомнили, что до войны вчерне был составлен проект строительства дороги на Курскую магнитную аномалию. Эта магистраль соединила бы две дороги – Московско-Донбасскую и Южную и пошла бы параллельно Касторное-Курск. Извлекли из архивов все черновые наброски. Изучив их, я поехал 6 июня 1943 года в штаб Воронежского фронта. Там очень обрадовались нашему предложению. Военный совет Воронежского фронта обратился 7 июня 1943 года в Государственный Комитет Обороны с письмом, подписанным командующим Воронежским фронтом генералом армии Ватутиным Н.Ф., с просьбой разрешить постройку железнодорожной линии Старый Оскол-Ржава, общей протяженностью 95 километров, включая и станционные пути». В письме предлагалось:

- а) строительство дороги возложить на управление военно-восстановительных работ;
- б) для обеспечения строительства рельсы использовать за счет снятия вторых путей с участков Ржава-Белгород и Льгов-Готня;
- в) обязать Курский обком ВКП(б) и Курский облисполком привлечь для выполнения работ местное население в количестве 20 тысяч человек и тысячи подвод на весь период строительства;
- г) приступить к работам 15 июня 1943 года и окончить строительство железнодорожной линии 15 августа 1943 года.

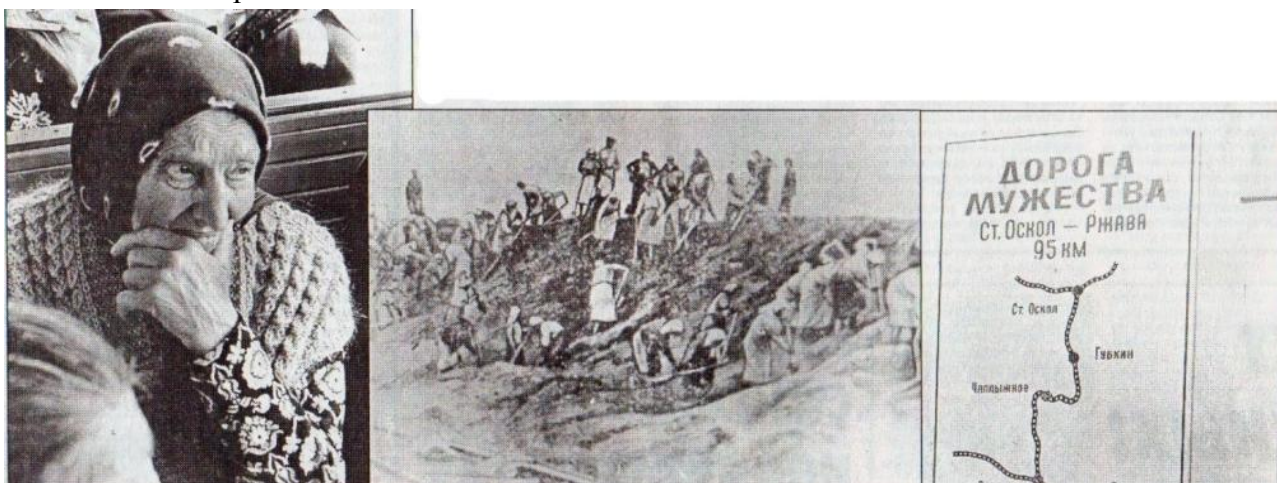
Такое решение Государственным Комитетом Обороны было принято. А далее последовало:

во исполнение решения Государственного Комитета Обороны от 8 июня о строительстве железнодорожной линии Старый Оскол-Ржава бюро Курского обкома ВКП(б) и исполком облсовета депутатов трудящихся 14 июня приняли соответствующее совместное постановление. Было решено:

1. Мобилизовать на все время строительства 20 тысяч человек, 1000 подвод и инструмент из районов области.
2. Из рабочих, мобилизуемых на строительство железнодорожной линии, создать в каждом районе строительную колонну. Начальниками колонн утвердить вторых секретарей райкомов партии. В каждой колонне организовать железнодорожные строительные отряды по 100 человек в каждом.

3. Обкому комсомола привлечь на это строительство общественное питание и торговлю товарами широкого потребления, а также медицинское обслуживание и наладить идеологическую работу.

4. Учредить переходящее Красное знамя обкома партии и облисполкома за высокие показатели на строительстве.

Идею строительства дороги выдвигали и другие, так что можно считать ее коллективной. А после принятия решения ГКО практическое осуществление было возложено на Управление восстановительных работ (УВР-3), обслуживавшее Воронежский фронт (начальник генерал-майор технической службы П. А. Кабанов). Начальником строительства был назначен командир 19-й железнодорожной бригады полковник А. Н. Ткачев. На сооружение линии вместе с воинами-железнодорожниками и спецформированиями НКПС прибыло около 25 тысяч жителей Курской области.

«Степь у Старого Оскола шумела многолюдьем, – вспоминал П.А. Кабанов. – Непыханые поля пестрели разноцветьем платков и кофточек женщин, бронзовым заггаром обнаженных солдатских спин. Пахло травами и свежевскопанной землей... работы развернуты с двух сторон трассы. Колхозники из соседних деревень уже подошли, из отдаленных – еще нет. Наши батальоны были почти все на месте... полковник В.С. Дмитриев, как главный инженер строительства, познакомил меня с основными наметками будущего проекта.

– Линию выгоднее примыкать не к станции Ржава, а к Сараевке... Профиль пути более или менее благоприятный.

Развертывалось строительство в очень сложной обстановке. Рельсы поступали старогодные, разных типов. Скрепления некомплектные. Не хватало шпал. Не было и столбов для линий связи... **«(Кабанов П. А. Стальные перегоны. М., 1973. С. 188.).**

Срок выполнения работ был установлен ГКО с 15 июня по 15 августа. За два месяца надо было произвести – вручную! – все земляные работы, построить 10 мостов, проложить линию в 95 километров. Квалифицированной рабочей силы, если не считать военных железнодорожников, выполнявших наиболее ответственные и сложные задания, не было.

Люди подходили на стройку колоннами. «Отовсюду – из районов, прилегающих к переднему краю Курской дуги, с берегов Донца, Сейма, Тускари, Тима, с Поосколья по затравившимся просёлкам, размытым ливневыми дождями шлям двинулись тысячи людей. Шли, повинувшись не только приказу, но и велению своего сердца. Поднялись в путь ещё с вечера, чтобы не быть замеченными вражескими самолётами, появившимися внезапно над курскими полями. Недалёк путь и, может быть, недолга разлука... матери передавали дочерям скупые узелки с харчами. А дочери, второпях покидая избы, будто по забывчивости оставляли на подоконниках эти узелки для младших сестёр и братьев. Трудовая армия получила боевую задачу и шла, чтобы выполнить её». **(Новоспаский К. Осколянка. Воронеж.**

1973. С. 80.). Районные колонны строителей возглавляли вторые секретари райкомов партии. Инженеры едва успевали разбивать ось трассы, подготовленные участки сразу брали в лопаты.

Проектировщики запланировали минимальный объем земляных работ и небольшие искусственные сооружения. Удачно использовали под новую линию земляное полотно готового тупикового подъездного пути от Старого Оскола до станции КМА (ныне станция Губкин). Длина этого подъездного пути составляла 24 километра. Основная линия строилась однопутной, по облегченным техническим условиям. Пропускная способность ее рассчитывалась на 12 пар поездов в сутки. «Объект номер 217...Трасса, обозначенная шестами и ветками, воткнутыми в глинистую землю, начиналась от станции КМА и уходила на запад по краю болотистой поймы речонки Осколец». (Новоспаский К. Осколянка. Воронеж. 1973. С.81.).

Головные участки новостройки напоминали потревоженный муравейник. Люди копали землю, перетаскивали ее на носилках, в тачках, в фартуках. Лошадей и автомашин не хватало. О тракторах и механизмах не было и речи. Единственными механизмами были копры, которые забивали сваи на строительстве мостов.

«Строительство разбили на два участка. Первый возглавил заместитель командира 19-й бригады инженер-полковник П. К. Кулешов, второй – командир 7-й бригады полковник Н. И. Новосельский. В подчинение Кулешову выделили 19-ю бригаду, 22-й батальон 8-й железнодорожной бригады и фронтовой автобатальон. На втором участке работали 7-я бригада, автобат. На плечи гражданских строителей, распределенных между участками, легли самые тяжелые земляные работы. Железнодорожные батальоны и спецформирования НКПС сооружали мосты, укладывали шпалы и рельсы, балласт, возводили технические здания. Пункты водоснабжения строил водрем № 13, связь прокладывал связьрем». (Кабанов П.А. Стальные перегоны. М.,1973. С.189.).

С первого дня был установлен жесткий контроль за выполнением заданий каждым подразделением, каждой колонной, выявлялись отстающие участки, намечались меры по преодолению недостатков. Большие трудности возникали то и дело с доставкой рельсов, оборудования и труб для водоснабжения, проводов и арматуры для связи – все это приходилось подвозить за сотни и тысячи километров.

Строительство было ориентировано на два месяца, но затем Государственный Комитет Обороны сократил срок до 35 суток. Это была очень сложная задача, и решить ее можно было, только проявив высочайшую организованность, используя, все возможные резервы и, главное, мобилизовав людей на повседневный самоотверженный труд. С этой задачей военные и гражданские строители справились.

Главный упор был сделан на быстрейшую доставку материалов верхнего строения пути и балласта. Нарком путей сообщения разрешил снять рельсы и шпалы со второго пути на участке Ржава-Белгород и Льгов-Готня. Заготовкой балласта занялась 25-я железнодорожная бригада полковника С.Г. Силкина, переданная в Воронежский фронт из состава Брянского фронта.

«В полдень на стройку приехал П.И. Доронин, – вспоминает П.А. Кабанов. – Он внимательно осмотрел фронт работ, побеседовал с секретарями райкомов, жителями области. Пробыл Павел Иванович у нас несколько дней. За это время помог наладить политмассовую работу среди населения, организовал для строителей показ кинофильмов, концерты и даже спектакли. Бесперывно проводилась политико-воспитательная работа и в наших подразделениях. Регулярно выходили боевые листки, стенные газеты. Областная и наша фронтовая газета «За разгром врага» регулярно посвящали целые страницы и номера стройке, ее лучшим людям. Коммунисты и комсомольцы служили примером самоотверженного труда. Инициаторами в соревновании выступали комсомольские бригады Тамары Семеновой, Александры Севериной, Нины Подтехиной, Дмитрия Михайлова, Галины Дехтяревой. Всего

комсомольско-молодежных бригад насчитывалось 130. Они, как правило, выполняли свои суточные задания на 120-200 процентов». **(Кабанов П.А. Стальные перегоны. М., 1973. С. 194).**

Большой организованностью и высокими показателями в работе отличались колонны Белинихинского, Боброво-Дворского, Большетроицкого, Великомихайловского, Пристенского, Прохоровского, Скороднянского, Касторненского, Старооскольского и других районов

Среди 875 строителей Пристенского района не было ни одного не выполнявшего норму. На 200-300 процентов выполняли задания Ольга Ильина, Анна Пигорева, Мария Козлова, Александра Грекова, Екатерина Русакова, Нина Кичинова и другие. Колонна Пристенского района завоевала первенство и награждена переходящим Красным знаменем обкома ВКП(б) и облисполкома. Пристенцы, вопреки предварительным расчетам, доказали, что можно сократить срок строительства и обратились ко всем строителям с призывом: «Мы призываем вас, дорогие товарищи, работать по-фронтовому, развернуть социалистическое соревнование, бороться за первенство, рапортовать обкому ВКП(б) и исполкому областного Совета депутатов трудящихся об окончании строительства своего участка, чтобы 15 июля можно было доложить о сдаче всего объекта в эксплуатацию. Этим самым мы поможем Красной Армии в великой освободительной миссии по разгрому немецких оккупантов». Призыв пристенцев подхватили. На стройке развернулось соревнование.

25 июня комсомольско-молодежная бригада Зинаиды Поляковой из Старооскольского района погрузила 90 автомашин при норме 40, а на следующий день – 130. Каждый член бригады давал в день 200-250 процентов планового задания.

Самоотверженно трудились строители Мантуровского района. Работая на высоких насыпях и в глубоких, выемках, они за короткое время выполнили более 50 тысяч кубометров земляных работ.

По мере развертывания соревнования повышались, темпы строительных работ. За 11 дней – с 17 по 28 июня – было выполнено 420 тысяч кубометров земляных работ – 52,5 процента плана. **(В огне Курской битвы. Курск, 1963. С. 372).**

С не меньшим энтузиазмом трудились и воины-железнодорожники. «В один из дней я побывал на участке 60-го батальона, – рассказывает генерал П.А. Кабанов. – Командир батальона майор В.Я. Тимофеев, доложил:

– Весь личный состав батальона, включая штабных писарей и машинисток, на трассе. Суточные задания выполняем на сто пятьдесят процентов.

Я обратил внимание на лозунги, написанные краской на щитах и бортах многих тачек: «Честь и хвала мастерам военной нормы!»; «Дорог на фронте каждый час, выполним в срок боевой приказ!»; «Наша стройка – путь снаряда в гнездо фашистского гада!»; «Выше темпы работ – снаряды ждет оружейный расчет!»

Спрашиваю заместителя командира батальона по политической части майора Ю.И. Лукьянца:

– Кто сочинил такие лозунги? Сами люди!».

На стройке проводили работу 1055 лекторов, агитаторов, чтецов и более 30 работников политотделов железнодорожного транспорта. Специальный самолет ежедневно доставлял строителям тысячи газет, книг, журналов, для них издавалась газета «Курская правда на стройке».

Уже на пятый день строительства противник обнаружил скопление людей, техники. Последовал воздушный налет. Командование фронта немедленно приняло меры противовоздушной обороны. Гитлеровцы пытались забрасывать в район стройки диверсионные группы для взрыва строящихся мостов и участков пути, которые трудно было бы восстановить. Но диверсантов своевременно обнаружили и обезвредили.

5 июля до стройки донесся оружейный гул, взрывы бомб. Началось оборонительное сражение. Строители знали, что на территории ряда районов идут тяжелые бои, и хотя у многих остались дома дети, родные и близкие, никто из них не покинул стройку.

6 июля секретарь Курского обкома И.С. Черников провел совещание начальников колонн и командиров, на котором было решено объявить фронтовую пятидневку. Коммунисты и комсомольцы призвали товарищей в течение пяти дней завершить земляные работы. Уже 7 июля 70 строителей Касторненской колонны выполнили норму более чем на 200 процентов. Сельчане Воловского района ежедневно давали по полторы нормы. От них не отставали жители Тимского, Советского, Бесединского и других районов.

Жители Губкинского района, которые в 1943 году входили в состав Старооскольского района, тоже принимали активное участие в строительстве железной дороги. По призыву партии от Губкинской территории было мобилизовано 1381 человек от всех сельских округов.

Архангельский сельский округ	97
Боброводровский сельский округ	131
Богословский сельский округ	4
В-Дубравский сельский округ	158
Истобнянский сельский округ	46
Ивановский сельский округ	74
Никоноровский сельский округ	37
Осколецкий сельский округ	140
Скороднянский сельский округ	124
Сапрыкинский сельский округ	63
Сергиевский сельский округ	87
Толстянский сельский округ	27
Теплоколодезянский сельский округ	81
Уколовский сельский округ	57
Чуевский сельский округ	53
Юрьевский сельский округ	21
Рождественский, Лебединский, Лукьяновский сельские советы	181

Отличились члены Боброводворской колонны. Лучшими на трассе стали отряд №7 – нач.отряда Сбитнева М.Г. и заместитель по политчасти Воронова (этот отряд 29 июня полностью закончил все работы на отведённом участке); отряд №5 – нач.отряда Сапрыкина Н.И., добившаяся ежедневного выполнения нормы выработки 120-150 процентов. Они первыми закончили работы на своём участке и перешли на соседний. Заработанные деньги – 50 тысяч рублей – трудящиеся единодушно решили отдать в фонд армии.

Насыпь железнодорожного полотна всё дальше уходила на запад, исчезая за меловыми холмами. На её откосах камешками выложены слова: «Дадим две нормы!», «Поможем отцам и братьям!», «Смерть фашистам!», «За Родину!».

Курский обком партии направил дополнительно на стройку около 4 тысяч комсомольцев, создав 50 комсомольско-молодежных бригад, 113 звеньев. Большинство из них показало образцы высокой производительности труда, особенно бригады Обоинского и Старооскольского районов.

За первенство в труде соперничали колонна с колонной, батальон с батальоном, боец с бойцом. Колонны Беловского и Волоконовского районов достигли выработки 6 кубических метров на каждого человека при норме 3,5. Среди солдат двойное перекрытие суточных заданий стало нормой.

В этот период гитлеровцы от одиночных налетов на линию перешли к массированным, стараясь сорвать или хотя бы затормозить строительство. Вначале при появлении вражеских самолетов женщины и подростки прятались по щелям. Но точный огонь зенитчиков

не позволял фашистским летчикам осуществлять прицельную бомбежку, рассеивал их строй, бомбы падали куда попало, и местные жители уже не прекращали работу. В среднем в сутки вводилось в строй 3 километра готового пути. Строительство завершилось за 32 дня. Воронежский фронт получил свою магистраль.

«Фронтальная дорога у станции Сараевка влилась в русло Южной магистрали, была подготовлена к пропуску поездов.

Пункт отправления – станция Старый Оскол. На путях небольшой состав. Спереди паровоз опоясало алое полотнище, на котором пламенели слова «Все для фронта!». Сюда собрались рабочие, пришли представители областного центра, военного командования, секретари райкомов партии и комсомола. Короткий митинг, напутственные слова, пожелания доброго пути. Первый состав отправлялся в рейс по новой дороге. Бронепоезд, стоявший под заправкой у водокачки, провожал его долгим басовитым свистком.

Состав миновал поселок имени Губкина, станции Осколец, Кривец и, делая остановки на участках стыковки между районными колоннами, приближался к Заломному. Он шел между шеренгами строителей, стоявшие по обе стороны железнодорожного полотна. Женщины махали машинисту платками, а он радостно улыбался им и покрикивал на кочегара, которому тоже не терпелось выглянуть наружу:

– Шуруй, шуруй, идем на подъем! Бригада Тамары Семеновы вынесла к полотну дороги знамя, и машинист салютовал ему сильным гудком.

Последняя станция – Сазановка. Поезд остановился перед красной лентой, протянутой над путями от столба к столбу. Позади неё плотной группой стояли представители пристенской строительной колонны.

Секретарь райкома партии Иван Громов шагнул вперёд, каким-то еле уловимым движением руки перерезал ленту и поднялся на переднюю площадку паровоза. Рядом с ним встали женщины-строители.

– Дорогие товарищи, – сказал Громов. – задание государственного Комитета Оборона выполнено. Работая в трудных фронтовых условиях, часто под вражеским огнем, вы построили эту дорогу, так необходимую сейчас, когда наши войска готовятся к решительному удару. Открывая этому составу путь через последний перегон, мы говорим: зеленую улицу нашей победе!

Машинист не пожалел пара, дал самый длинный свисток, каким бывало оповещал об отбое воздушной тревоги.

16 июля 1943 года, почти на месяц раньше первоначально назначенного срока, железная дорога вступила в строй и по ней началось рабочее движение. От Старого Оскола к станции Ржава, а затем и дальше на запад пошли составы с танками, орудиями, снарядами для Воронежского фронта.

Машинисты Южной называли новую железную дорогу ласковым именем – Осколянка». **(Новоспаский К. Осколяночка : док. повесть. Воронеж, 1973.С.94-95.)**

Ветка Старый Оскол – Сараевка была сооружена за 32 дня. За 32 дня была возведена насыпь длиной в 68 километров, протяженность же всех путей, вместе со станционными, составила 95 километров.

Построено 56 различных сооружений общим протяжением 750 погонных метров, 2 пункта водоснабжения, 8 пунктов для остановок, уложили главных и стационарных путей 164 километра. Объем земляных работ на строительстве составил 800 тысяч кубических метров. Таких темпов, сжатых сроков строительства железных дорог специалисты не знали.

16 июля по ней прошёл первый пробный железнодорожный состав. Открытие дороги состоялось 18 июля. Вот таким запомнился последний памятный день участнице стройки Анне Александровне Проторчиной:

– На это празднество прибыли все участники строительства, руководители области. Торжественно звучал оркестр. Взоры всех устремились в сторону Старого Оскола. Оттуда по

новой дороге должен был подойти первый паровоз. Вдруг все заметили движущийся красный флажок – это шла по рельсам первая «разведчица» – дрезина, а через несколько минут показался долгожданный поезд. Он шел не быстро, как бы проверяя прочность дороги. Мы все волновались. Дорога выдержала! А потом состоялся митинг. Звучали слова благодарности в адрес участников строительства... А на следующий день 19 июля по новой дороге прошли первые эшелоны с войсками, боевой техникой, боеприпасами, продовольствием.

О масштабах перевозок некоторое представление дают такие цифры: если в войска, сражавшиеся под Москвой, прибыло 250 эшелонов с вооружением, под Сталинград – 981, то сюда, на Курскую дугу, доставлено 1410 эшелонов.

Военный совет Воронежского фронта прислал строителям приветственное письмо: «Поздравляем бойцов, командиров железнодорожных частей и спецформирований фронта, колхозников и колхозниц Курской области, участвовавших в строительстве, с успешным окончанием новой стройки – железнодорожной линии. Военный совет выражает твердую уверенность в том, что бойцы, командиры железнодорожных частей и спецформирований, колхозники и колхозницы Курской области и впредь приложат все усилия для окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков». **(В огне Курской битвы. Курск, 1963. С.373).**

Паровоз ЭМ 737-62, который вел этот состав, сохранился. Заслуженный ветеран теперь застыл на почётном месте – у Дворца железнодорожников в Белгороде. К нему прикреплена памятная доска с текстом: «Этот паровоз в 1943 году одним из первых доставил войска и боевую технику на Курскую дугу по вновь построенному за 32 дня 95-километровому железнодорожному участку Старый Оскол-Сараевка».

За успешное выполнение задания правительства и военного командования, за проявленные при этом самоотверженность и мужество Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР 386 участников строительства были награждены орденами и медалями Советского Союза. Среди награждённых орденом «Знак Почёта» – бывший первый секретарь Старооскольского райкома партии Перепелицын С.П., орденом Ленина – начальник дистанционного пути Емельянов Н.М., орденом Отечественной войны – начальник железнодорожных войск генерал-полковник Кабанов П.А. Многие старооскольцы награждены медалью «За трудовое отличие». Среди них Шугаева Л.Н., Сергеева Н.А., Тулинова В.А., Хорохордина Е.Ф., Лукина Н.Н. и другие.

В архивах сохранился отзыв военного командования о работе комсомольского отряда Л.Н. Шугаевой. Командир части Иванов и начальник производственного отдела Злой пишут, что отряд девушек Старооскольского района под руководством Лидии Николаевны Шугаевой на строительстве удлинения железнодорожных разъездов и ремонте пути показал исключительно добросовестное отношение к выполнению задания. Не считаясь со временем и ненастной погодой, отряд выполнил порученное задание своевременно и с отличным качеством.

Лидия Шугаева была инструктором Старооскольского райкома комсомола, а в 1943 стала начальником отряда строителей. В отряд входили две бригады – обе комсомольские, молодёжные, – как две подруги. Ни зависти, ни тайн, но каждая стремилась опередить соседку. «Комсомольская бригада Зинаиды Поляковой за смену отгружала от 100 до 130 машин, при норме 40. Но первенство в соревновании комсомольских коллективов завоевала бригада старооскольцев, возглавляемая Тамарой Семеновой. В ней трудилось 48 девушек, регулярно выполняющих задание на 280-300 процентов. Это была самая высокая производительность за всю историю строительства железных дорог в годы Великой Отечественной войны. **(Никулов А.П. Оскольский край. Старый Оскол. 1997. С. 545).**

Лидия Шугаева радовалась тому соревнованию, которое развернулось в её отряде. И старооскольцы и новокладовцы с первого же дня работы на стройке перевыполняли сменные нормы, только сельские девчата всё-таки опережали горожан.

Вот, что вспоминала сама Лидия Николаевна Шугаева:

– Мы получили объект работы в самом центре нынешнего города Губкина. Тогда это был поселок. Работать приходилось много. Все земляные работы выполнялись вручную. Работали дружно, на мозоли не обращали внимания. Мы хорошо понимали, что дорога имеет важное стратегическое значение, поэтому трудились с удвоенной энергией, с задором. Нас никогда не оставляла бодрость духа. Среди нас не было нытиков. На пятиминутных перерывах мы пели песни, они прибавляли нам сил. Выпускали «Боевые листки», стенную газету, которая висела в здании поселкового совета, где находился наш штаб. А вечерами после работы устраивали концерты. Хорошими рассказчиками были Дина Веселова и Тамара Семенова.

Наш отряд соревновался с отрядом Чернянского района. Нам хотелось, во что бы то ни стало оказаться победителями. Черноземная земля и болота требовали большого напряжения сил. Пришлось работать в две смены и даже ночью. Несколько раз вражеские самолеты нас разгоняли, а иногда фашисты вешали свои воздушные парашюты-фонари, и мы, не страшась обстрела, работали при освещении.

Когда нам вручали Красное знамя я от сильного волнения почему-то не смогла сказать ни слова. Я держала в руках древко знамени и плакала от большого счастья: вот этими девичьими руками в мозолях мы ковали победу над врагом. Помню, все мы поклялись привезти Знамя в Старый Оскол. Так оно и вышло. Самая большая радость была для нас в тот день, когда по нашей дороге прошел первый поезд. Впереди паровоза шла платформа, на которой ехали некоторые из нас, строителей. Радости не было границ! Мы целовались, кричали «ура», пели песни. Это была наша большая коллективная победа. Это была наша трудовая помощь фронту». (Потомкам. Белгород, 1995. Т1. С. 525).

Какое же значение имела теперь эта магистраль? Ведь ее строительство завершилось фактически после окончания оборонительного сражения и так ли она была нужна? Да, очень нужна. Самостоятельная магистраль Воронежского фронта выходила на ветку Ржава-Обоянь, которая к этому времени была восстановлена. Освобождалось от доставки грузов большое количество автомашин, которые подвозили их в ходе наступления к передовой за 250-300 километров. Теперь это расстояние сокращалось на 150-200 километров. Облегчалась работа сильно перегруженной главной в то время линии Касторная-Мармыжи-Курск, которую к тому же часто бомбила вражеская авиация. Появилась возможность организовать кольцевое одностороннее движение эшелонов по маршруту: Касторная-Курск-Сараевка-Старый Оскол. Резко повысилась провозная способность магистралей Центрального и Воронежского фронтов. Но не только.

Интересное соображение высказал начальник тыла Красной Армии генерал Л.В. Хрулев. Он писал: «Несомненно, что строительство дороги было подчинено интересам наилучшего снабжения войск. Командование знало, что в ближайшее время предстояло широкое наступление. По оперативному плану наши войска должны были продвинуться далеко на запад. Кому же тогда нужна будет эта дорога? Оказалось, что она очень нужна народному хозяйству. И это в полной мере учитывал Военный совет фронта...»

В этом районе имелись три крупных сахарных завода. Еще с довоенного времени здесь сажали сахарную свеклу и собирали большой урожай. Но из-за отсутствия железной дороги доставка свеклы на заводы была невероятно сложным делом. Много свеклы гибло на полях, а та, что поступала на переработку, в значительной мере была поморожена. Доставлялась она с большим опозданием и потерями. От всего этого колхозы несли немалые убытки.

Железнодорожная ветка Старый Оскол-Сараевка входит в состав Южной железнодорожной сети.

Ныне Осколянка – рудовозная дорога. На востоке, по обе стороны от неё рудники Курской магнитной аномалии – Стойленский, Лебединский. Она Успешно действует и сейчас, способствуя экономическому развитию свекловодческих районов и сахарной промышленности России.

Сегодня по нашей легендарной дороге стали ходить пассажирские поезда из Липецка, Воронежа, летом – даже за границу, в Симферополь, а московский – круглый год, причём скорый. А иногда одного московского скорого мало и тогда дают второй дополнительный.

«Приезжающие в наши края московскими поездами гости или командированные непременно в числе первых впечатлений отметят и такую особенность дальнего пути – чрезмерную извилистость, сложную синусоиду движения. Дорога, словно лента серпантина, тянется то вдоль околицы, заглядывая чуть ли не в каждый двор-огород, то по деревенским выгонам и проулкам, боясь ненароком зацепить чей-нибудь забор или штакетник. Поезд до недавнего времени ходил до того медленно и осторожно, что с машинистом можно было на переезде переброситься новостями, попросить подождать опоздавшего. А тихими весенними вечерами в приоткрытый тамбур вместе с запахами черемухи и сирени врываются соловьиные трели, кваканье лягушек в безымянных болотцах и ручьях, потому что редко железнодорожное полотно пересекает такой ручей – больше, кажется, тянется вдоль них.

И так наблюдательный пассажир может ехать почти сто километров пути от Сараевки до Старого Оскола. Лишь сойдя на одной из станций этого маршрута, он не может не обратить внимания на мемориальную доску: «Железнодорожный участок Старый Оскол-Сараевка построен по заданию ГКО летом 1943 года за 32 дня и сыграл решающую роль в разгроме немецко-фашистских захватчиков на Курской дуге».

Спустя много лет их, обыкновенных русских женщин, обездоленных, постаревших и одолеваемых хворями, станут приглашать в редакции газет, на радио и телевидение, в просторные кабинеты с паркетом и коврами, к высокому начальству, чтобы за «круглыми столами» послушать и почествовать, выделить место в президиуме, вручить грамотку или значок... Не кто-нибудь, а сам глава, даже губернатор будет благодарить, запросто жать руку... Почет, уважение, благодарность... И результат их работы назовут подвигом трудового героизма». (Москалёв А. Дорога мужества. Губкин. 1995. С.135-136.).

Низкий вам поклон, мои дорогие друзья, труженики стальных магистралей!

Составитель Т.Л. Андреева, зав.СИБР

В огне Курской битвы : из воспоминаний участников боев / [сост.: З.Н. Алексеев, П.М. Бельдиев, В.М. Еремеев, В.Д. Тишин] . – Курск : Кн. изд-во, 1963. – 391 с.

Дорога мужества и жизни : материалы о героических делах тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны и о добрых делах в мирное время / Губкинский районный совет ветеранов, труда, Вооруж. сил и правоохран. органов Белгор. обл. ; [сост. : Н. Я.Чуев, И. В. Пирожков, Н. В. Полухина] . – Губкин : гор. тип., 2002. – 107 с.

Доманк А. [Особое место в славных делах...] / А. Доманк // Доманк А. Тыл Огненной дуги. – Воронеж, 1989. – Гл.1. – С.53-61. – (Серия «Подвиг на Курской дуге») .

Кабанов П. А. Стальные перегоны. — М. : Воениздат, 1973. – 326 с. : фото.

Никулов А.П. Оскольский край. – Старый Оскол., 1997. – 576 с..

Новоспасский К. Осколянка / К. Новоспасский // Новоспасский К. На прямой наводке. – Воронеж, 1973. – С.70-96.

Москалев А. Дорога мужества / А. Москалев, старший // «Эхо нашей памяти». – Губкин, 1995. – С.135-141.

Потомкам : антология военной прозы и поэзии Белгородчины : Т.1 / сост. В. М. Шаповалова. – Белгород : Издательство Шаповалова, 1995. – 736 с. : ил.

Уходили на фронт эшелоны : [сборник / под общ. ред. ген.-лейт. техн. войск запаса С. В. Хвощева и ген.-лейт. техн. войск в отставке А. В. Добрякова] . – Москва : Воениздат, 1974. – 288 с. : ил.

Москалёв В. Дорога мужества / В.Москалев // Новое время. – 1995. – 4 апр.

В СУРОВЫЕ ГОДЫ

Лето 1943 года было жарким. 5 июля на Курской дуге началась одна из решающих битв Великой Отечественной войны. Разбив здесь наголову врага, Советская Армия перешла в решительное наступление, предрешившее исход войны.

В этой исторической битве приняли участие не только бойцы нашей армии, не только те, кто держал в руках боевое оружие. В канун сражения тысячи советских людей – из Губкина и окрестных сел – вышли на строительство железной дороги Коробково-Ржава, которой отводилась немалая роль в предстоящих боях на Белгородско-Курском направлении.

Стройка стала поистине народной. Освобожденные из-под ига фашистов люди не жалели сил, чтобы помочь нашей армии гнать врага еще дальше и быстрее.

Одной из бригад строителей дороги руководила Нина Николаевна Лукина, ныне работница цеха водоснабжения комбината КМАруда. Агитировать, уговаривать пойти на стройку нужды не было. Каждый знал: надо помогать фронту. Продолжительность рабочего дня, по сути, никто не устанавливал: знали сами – чем быстрее, тем лучше.

Едва вставало солнце над горизонтом, как люди шли на работу. Бригада Лукиной строила участок от Губкина до Оскольца. В поселке оставались лишь старики да маленькие дети. Все, кто мог держать лопату, шли на стройку. Так вот, женскими руками, в очень короткий срок, буквально невиданный – всего за 32 дня, была построена эта железная дорога протяженностью 95 километров.

Немцы, которые сами готовили наступление на Курской дуге, конечно, не оставили «без внимания» эту стройку. Почти каждый день над полотном дороги, упорно вытягивавшейся в одну линию – на запад, проносились самолёты с черными крестами на крыльях. Бомбили, стреляли из пулеметов.

Но едва скрывались самолёты, люди выбегали из укрытий, придорожных канав и кустарника и снова брались за лопаты и тачки. И так – с утра до позднего вечера. На часы смотреть не приходилось.

Сохранившиеся «боевые листки» тех лет говорят об этом скупое. Но каким большим чувством патриотизма и ответственности за порученное дело наполнено каждое слово. «Пусть для каждого станет законом – не уйти с объекта до тех пор, пока не выполнишь норму, – писали в своем «листке» женщины из бригады Клавдии Мацневой. – Выполним боевое задание! Каждый должен работать за двоих, за троих!»

И норма – 13-14 кубометров земли, перемещенной в насыпь, можно сказать, голыми руками, всегда бывала перекрыта.

Коммунисты и комсомольцы сумели организовать на стройке соревнование. Чернянская колонна сделала вызов боброводворцам, до 150 процентов составляла выработка на этом участке. И так было везде.

Все заработанные деньги – 50 тысяч рублей – строители дороги внесли в фонд помощи Советской Армии.

Казалось бы, большего сделать нельзя. И без того народной стройке отдавались все силы. Но когда пришла весть о начавшемся сражении, каждый строитель почувствовал и себя на линии огня, участником Великой битвы. К 15 июля 1943 года задание Государственного Комитета Обороны было выполнено. По железной дороге Старый Оскол-Ржава пошли первые составы с войсками, с боевой техникой.

Строители заслужили благодарность правительства и военного командования. Лучшие из них за ударный труд, самоотверженность и мужество были награждены медалями «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие»: Н.П. Деркачева, М.Д. Найденова, А.Г. Субочева, Т.А. Буткова, Н.Н. Лукина, К.И. Сапрыкина, М.Г. Сбитнева, А.П. Селезнева, М.Д. Серикова, Е.Н. Студеникина, А.П. Хожайнова, А.А. Агафонова, А.М. Бутикова, В.К. Найдено-

ва, А.Т. Седых, П.Г. Семенихина, Т.Н. Стрельников, М.П. Шульгина. Все они, все те; кто строил, эту дорогу, с полным правом могут считать себя участниками разгрома гитлеровцев на Курской дуге. (Начало в №N 72, 73).

Г. Лукоянов.

Лукоянов Г. В суровые годы / Г.В. Лукоянов // Ленинский путь. – 1970. – №72,73.

С КИРКОЙ И ЛОПАТОЙ, А ТОЖЕ – СОЛДАТЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

НА СТРОИТЕЛЬСТВО железной дороги Старый Оскол-Ржава протяженностью 95 километров были мобилизованы 25 тысяч местных жителей. С кирками, лопатами и носилками они приступили к работе...

И вот как вспоминали о ней.

А. ГРЫЗЛОВА (с. Вислая Дубрава):

– Нас вызвали в сельский Совет и предложили прибыть на следующий день с рюкзаками, в которых надо иметь то-то и то-то... В селе Гущино определили на постой, отвели участок метров двести у переезда Строкино. Я с подружкой доставляла землю на насыпь, трамбовала...

М. МАЛАХОВА (с. Заломное):

– Нужно было прорыть километровую траншею глубиной шесть метров. Земля в холмах усохшая, тяжелая, словно спрессованная глина. Мы не копали, а «грызли» ее. Норма была 3,5 кубометра в сутки. Работали по 12-14 часов, буквально валились с ног, но задание перевыполняли.

М. КРЫЛОВА (с. Скородное):

– Режим стройки установили военный: час работаем, по свистку бросаем лопаты, пять минут отдыхаем. Последние метры насыпи были самыми трудными: носилки таскали на большую высоту.

Е. ШЕНДРЫГИНА (с. Уколово):

– Когда налетали вражеские самолеты, раздавалась команда «Ложись!». Затем вставали и вновь за работу. Землю трамбовали тяжелыми деревянными чурками, на руки было страшно смотреть – все в кровавых мозолях.

А. СЕРГЕЕВ (с. Архангельское):

– Мне было пятнадцать, доверили лошадь и повозку. Трудились от темна до темна. Помнится первый поезд «кукушка», который подвозил рельсы и шпалы. «Кукушку» было не узнать – облепили строители. Все кричали: «Ура, даешь победу!».

После сдачи линии стало возможным вывести по ней большое количество подвижного состава, накопившегося за время боев. Образовалось железнодорожное кольцо Касторная-Курск-Ржава-Старый Оскол с односторонним движением. Это позволило удвоить подвоз боевой техники, боеприпасов, грузов снабжения. Всего на Курскую дугу прошло 1410 эшелонов, необходимых фронту.

Дорога мужества и славы – так ее теперь называют. Противник даже представить себе не мог, что все это можно было построить за 32 дня. Уложено 80 тысяч кубометров грунта, построено 56 различных сооружений. 18 июля, через шесть дней после начала наступления немцев, пошли первые эшелоны.

В канун 60-летия этого события около 500 строителей дороги, а это в основном уже 80-летние бабушки, собрались на железнодорожной станции города Губкин. Поезд должен был доставить их в Старый Оскол по Дороге Памяти. Провожали с песнями и танцами, встречали с цветами и музыкой. В дороге в каждом из вагонов выступали музыкальные коллективы, проводники угощали дорогих гостей мороженым. В старооскольском Дворце куль-

туры «Комсомолец» первый заместитель губернатора О.Н. Полухин награждал ветеранов юбилейными знаками. Песни фронтовых лет, те самые, которые после работы, уставшие до смерти, они пели, теперь слушали и тихо, почти шепотом, подпевали... Они сделали своё дело, дорога и теперь служит стране. Новая, современная, но такая дорогая и близкая каждой из них.

Ю. Коренько

Коренько Ю. С киркой и лопатой, а тоже – солдаты Второй мировой // Белгор. правда. – 2003. – 25 июня. фото

МОЗДОКСКИЕ ДЕВЧАТА

«Железнодорожный участок Сараевка-Старый Оскол протяжённостью 95 километров построен по решению Государственного комитета обороны СССР за 32 дня в июле 1943 года сыграла важную роль в разгроме немецко-фашистских войск на Курской дуге. В сооружении участвовали железнодорожные войска и жители Курской и Белгородской областей».

Такой текст прочтет каждый, кто бывает на станциях Старооскольского участка, на мемориальных досках, висящих на зданиях вокзалов. А о том, как это было, мы ещё можем услышать от непосредственных участников тех событий

...Сколько воды утекло с тех пор, а тот день сорок третьего Мария Васильевна Топорова помнит со всеми подробностями. К ним на хутор Моздок села Лебеди в избу зашел бригадир – инвалид дядя Вася и без обиняков, напрямую сказал: «Большая ты уже, дочка, и кости крупной, и телом вышла. Собирайся, пойдем. Там нужны здоровые люди сейчас». Потом он поднял котомку с крестьянским хлебом, ловко закинул ее за спину и вышел из хаты. За ним последовала и Маруся. На дворе ее ожидали подружки – Нина Михайлова, Ксения Шоккова, Мария Воронова. Все моздокские комсомолки. Девчата, щурясь от яркого июньского солнца, еле поспевали за своим бригадиром.

И вот добрались к месту строительства будущей железной дороги в районе старого городского парка. Здесь всюду сновали люди с носилками, лопатами, тачками. Не успел бригадир сдать своих подопечных старшему колонны, как мужской голос, мощный, призывный, эхом прокатился по рядам тех, кто слушал его: «Товарищи! Недалеко отсюда, в районе Прохоровки, враг готовит нам серьезный удар, собирая огромную технику и живую силу. Блокирована железная дорога на подступах к Курску и Белгороду. Нам надо строить новую дорогу, чтобы обеспечить успех в разгроме фашистов. Дадим дорогу!»

Тогда в людском разноголосье, как клятва, прозвучали их голоса, голоса моздокских девушек-комсомолок: «Дадим, дороге!»

И она строилась. Не было дней и ночей, было только яростное желание успеть во что бы то ни стало к сроку сдать стратегически важный прифронтовой участок, в сооружении которого участвовали и лебединские девчата. Помнит Мария Топорова, как в недолгие минуты отдыха ныли натруженные ладони рук и не было сил остудить их. Люди валились от усталости. И все же были счастливы: ежедневно участок железной дороги удлинялся на три труднопреодолимых километра. Целых рельсов, по сути, не было, на километре пути укладывали до полутора сотен кусков. Болтовые отверстия сверлили вручную.

Мария на ходу постигала путейское дело и, будучи русской женщиной, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет», ловко орудовала гаечным ключом. Короткий отдых и снова работа. Так прошло 32 дня, а на тридцать третий, после пробного, прошел первый воинский состав. Первый...

Надо было видеть радость людей, сделавших все возможное и невозможное, чтобы уложенные их руками рельсы вдруг ожили, зазвенели, стали дорогой Победы.

5 августа Москва возвестила всему миру об исторической победе на Курской дуге. С тех пор прошло 65 лет. Мария Васильевна Топорова (ныне Шарикова) после окончания строительства прифронтового участка железной дороги работала в колхозе «Революционный путь», 18 лет – звеньевой по выращиванию овощных культур, а после сноса села (на его месте расположен теперь Лебединский ГОК) трудилась на дробильно-сортировочной фабрике. Замуж вышла в 1951 году, муж Алексей Иванович Шариков погиб в аварии в 1971 году, оставив вдову с тремя малолетними детьми. Женщине пришлось перейти работать на завод сухих красок, поближе к дому, чтобы присматривать за детьми. Так и проработала расфасовщицей до ухода на пенсию. Воспитала достойных детей, имеет пятерых внуков, два из которых трудятся экскаваторщиками на ГОКе, и шесть правнуков.

Сама, конечно, часто болеет, ведь инвалид первой группы. Но дочь Любовь Алексеевна из Журавликов почти каждый день ездит в Лебеди, навещает свою мать. А недавно, 4 июня, в юбилейную дату Марии Васильевны, съехались почти все родные и родственники. Приятным сюрпризом было и поздравление городского совета ветеранов Марии Васильевны Шариковой-Топоровой. И не стыдилась эта женщина слез, когда рассказывала своим родным и друзьям, как в июньские дни сорок третьего вместе со всеми строила дорогу Победы. Живите долго, Мария Васильевна!

В.Рожок, председатель ветеранской организации микрорайона Лебеди
Рожок В. Моздокские девчата / А. Рожок // Новое время. – 2008. – 28 июня.

БЫЛИ И ДЛЯ НАС ЦВЕТЫ

Когда началась война, мне было 14 лет. Все мои сверстники и я как-то сразу повзрослели: ведь вся тяжёлая физическая работа легла на плечи женщин и детей – мужчины ушли на фронт. Мы пахали на коровах, сеяли и убирали вручную

Жили всё время в страхе, слушая канонаду, доносившуюся со стороны Прохоровки. Фронт обошёл нас стороной, но мы видели отступающие наши части, проходившие через село Заломное. Наше захолустье мало интересовало немцев, они появлялись у нас только карательными отрядами, забирали скот для своей армии, составляли списки молодежи для угона в Германию.

Помню лето 1943 года, когда мы оказывая помощь фронту, строили железную дорогу Старый Оскол-Ржава. От нашей колхозной бригады была бригада из 12 человек. Наш первый перегон – между селом Осколец и лесом Берёзово. Там мы делали насыпь. Работали лопатой, ломом, трамбовкой (деревянным чурбаком). Работали весь световой день. Мы, девочки-подростки, делали насыпь высотой два метра и всю землю носили с обочины на носилках.

Когда мы закончили работы на этом участке, нас перебросили на следующий – дальше через лес. Ночью нам готовили фронт работы – выкорчевывали деревья, а с утра дотемна мы выбрасывали землю.

Наш участок немцы не бомбили, но спокойно работать не давали: «рама» летала по несколько раз в день. А на других участках непрерывно бомбили, пытались разрушить строящееся полотно дороги. Налеты были короткими, но приносили беду: гибли наши товарищи.

Но несмотря ни на что, дорога была построена за 32 дня. Таких сжатых сроков строительства железных дорог больше не было никогда и нигде.

...И вот дождались мы первый паровоз с одной платформой, заброшенной полевыми цветами. Большинство из нас первый раз увидели паровоз. 19 июля пришёл первый эшелон с военной техникой. Дорога начала работать для фронта для победы!

Т. Черникова, участница строительства железной дороги
Черникова Т. Были и для нас цветы / Т. Черникова // Новое время. – 1993. – 3 авг.

НАМ ДОРОГУ ЭТУ ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

Летом 1943 года из районов, прилегающих, к переднему краю Курской дуги, по размытым дождями проселкам двинулись тысячи людей. Они шли, повинувшись не только приказу, но и велению своего сердца, чтобы выполнить задания Государственного Комитета Оборона – восстановить участок железной дороги Старый Оскол-Коробково и построить новую дорогу Коробково-Ржава, которая имела важное стратегическое значение в предстоящих боях на Белгородско-Курском направлении. За короткий срок нужно было выполнить огромный объем работ: построить десять мостов, уложить 95 километров пути.

Задание Государственного Комитета Оборона было выполнено за 32 дня. Уложено 80 тысяч кубометров грунта, построено 58 различных сооружений.

Победу на Курской дуге ковали не только на фронте, но и в тылу, который был фактически прифронтной полосой. Весной 1943 года перед нами была поставлена задача – построить железную дорогу Старый Оскол-Ржава, причём в минимально короткий срок – предстоящая битва не отпускала много времени.

Я жила тогда в селе Юшково. Помню, как Боброводворский райком комсомола (секретарем была Мария Сбитнева) проводил короткие митинги-призывы. Такой митинг прошёл и в нашем сельсовете. Мы поняли всю, ответственность; которая возлагалась на нас, и необходимость сделать все возможное и невозможное.

Оторвать людей на строительство дороги было нелегко: ведь все полевые и хозяйственные работы в колхозе лежали на женщинах и подростках. Кроме того, у нас в Юшково стояло четыре госпиталя, в обслуживании которых тоже помогало население. Но было слово: «Надо!» И сразу же определили первую группу, которая должна отправиться на строительство. Вошла в неё и я. А составили её в основном девушки, не связанные семьей, детьми: это Кондаурова Пелагея, Ровенских Надежда, Ровенских Варвара, Головова Пелагея и другие.

И тут же, уложив котомки со скудной едой, мы отправились пешком (девять километров) до места строительства. Создали бригады. Работали весь световой день, иногда и ночью. Орудиями труда были лопата, носилки, кирка. О технике не могло быть речи: она была на фронте. Все насыпи, выемки делали вручную. Каждый день подводили итоги на участках, сравнивая с предыдущими и наращивая темпы.

Помню, как-то к вечеру одного дня на наш участок пришла секретарь райкома комсомола Мария Сбитнева, и мы при ней подсчитали, сколько кубометров земли выбросили за день, цифра была рекордная. Выпустили боевой листок, кого-то наградили грамотами.

На ночлег мы уходили в прилегающие к дороге сёла – Кандаурово, Веселый хутор, Заломное, Чаплыжное. Спали в избах, сараях, на сеновалах, а то и прямо на улице на охапке сена – благо было жаркое лето. Домой-то за девять километров не находишься, да еще после такого тяжелого физического труда. Ходили только за продуктами – приносили сырую картошку, которую варили у хозяев, пекли из неё лепешки и хлеб. Девушки-комсомолки работали без смены, сменялись только женщины, у которых были дети.

Дорога была построена в срок, и по ней пошли эшелоны с боеприпасами, орудиями, воинскими частями. Битва на Курской дуге была страшной. По дороге, проложенной нами, прибывали из районов сражения поезда с ранеными. Их размещали в госпиталях, расположенных в селах нашего района, в переоборудованных конюшнях, школах, в избах для скотников на колхозных дворах

После окончания строительства железной дороги многие из нас, и я в том числе, ухаживали за ранеными, работали в прачечных, перестирывая горы окровавленного белья, бинтов.

В 1986 году для музея на Курской дуге снимался фильм о строителях дороги Старый Оскол-Ржава. 13 губкинских женщин участвовали в съёмках этого фильма. Среди них была я, а также Л.Д. Назарова, К.Г.Авдеева и другие.

Мы свято храним память о тех днях, тяжелые были испытания, но вера в то время крепла, что скоро врага изгонят из России.

В. Бородаева, участница строительства железной дороги Старый Оскол-Ржава

Бородаева В. Нам дорогу эту позабыть нельзя / В. Бородаева // Новое время. – 1993. – 3 авг.

ЖИВУТ ВО МНЕ ВОСПОМИНАНИЯ...

Говорят, что время лечит. Но почему, же так свежи и болезненны воспоминания 70-летней давности... Помню конец января – начало февраля 1943 года. Деревня засыпана снегом. Сугробы по самую крышу. Главной заботой было, как добраться до колодца, протопить печку. Староста Антон (наш, деревенский) был самым главным начальником. Помню руку Антона с длинным указательным пальцем, которым он всем тыкал в лицо и требовал исполнения приказов.

...В нашу хату приходили сестры Машковы, их было пятеро, и бабка Измаиловна. Всем вместе нам было легче.

Измаиловна учила меня ругаться на старосту, и я его дразнила и кричала: «Гитлер капут!». Это чуть не погубило меня однажды. Я сидела на печке и нараспев кричала: «Гитлер капут!». Староста привел немца и пальцем ткнул в меня. Немец выхватил пистолет, схватил меня за шиворот и нацелил дуло на меня... Средняя из сестер Машковых – Мария – поняла, что еще мгновение – и «капут» будет мне. Она пулей слетела с печки и зубами вцепилась в руку немца...

А дальше – выстрел в окно, прибежали солдаты, галдели, что-то орали по-своему и, забыв обо мне, поволокли Марусю в хату, где была их комендатура... Марусю угнали в Германию.

...Спустя 15 лет мать получила письмо от сестер Машковых: они живут в Севастополе и в гости приглашают. Желание повидаться с земляками, с которыми семь месяцев в «аду кипели», было так велико, что я отважилась поехать одна.

И вот я в Севастополе, в уютной квартире старшей из сестер Машковых – Надежды Ивановны. Вечером собрались: Мария (та самая, которая спасла меня), Клавдия, Нина. Пятая из сестёр – Валентина – пропала без вести, как и многие в ту войну. Встреча была печальной. Мои «няньки» показали мне город, водили на Малахов курган, к памятнику затопленных кораблей. Мы говорили о войне, которая отняла у нас отцов.

...Минуло 70 лет. Но во мне до сих пор живут воспоминания о той страшной войне, отнявшей у моего поколения детство.

Хаботкина Т.

Хаботкина Т. Живут во мне воспоминания...: воспоминания / Т. Хаботкина // Новое время. – 2013. – 14 февр.

ПО ШЛЯХУ ЭТОМУ ВОЙНА ПРОШЛА...

Все меньше и меньше остается живых участников военных событий. Поэтому хочется как можно больше узнать от них о тех далеких годах. О пережитом в годы войны вспоминает Екатерина Васильевна Морозова из п. Троицкий.

Ей было 20 лет, когда она проводила мужа на фронт. После окончания военного училища он, молодой лейтенант, воевал на Калининском фронте, где были тяжелейшие бои с

большими потерями. Несколько раз был ранен, последний раз - тяжело. Долго лечился в госпитале в г. Кинешма.

...Летом 1942 года в наши места пришли немцы. Рано утром приехали несколько мотоциклистов. Увидев на опушке леса, что недалеко от хутора Троицкий, хатенки, вероятно, приняли их за партизанское поселение. Всех, кто попался под руку, вывели на улицу, уложили на землю и... расстреляли. Теперь их имена высечены на обелиске в поселке.

Зима была тогда лютой, морозы доходили до минус 40 градусов. Хаты, сараи - все было забито немецкими солдатами. В основном это были мадьяры. Они мало походили на солдат: обматывали ноги одеялами, на головы накручивали тряпки - так спасались от лютых морозов.

Все, кто мог уйти из деревни, ушли подальше от фронта. Здесь остались немощные старики. С двумя грудными девочками-двойняшками и старенькой свекровью осталась, и Екатерина. Им пришлось увидеть весь ад: хутор (теперь поселок Троицкий) располагался между Курском и Старым Осколом, и все бои проходили по этому шляху. В свою хату войти было невозможно. Она была набита солдатами, а в сени немцы завели своих лошадей. Чтобы не дать детям замерзнуть, молодая женщина и ее свекровь прятали их в полах тулупов. Так и спасались с ними в окопах.

Особенно трудно было с середины января, когда много немецких солдат пришло со стороны Курска. Однажды Екатерина осмелилась и подошла к костру, где солдаты что-то варили себе. Объяснила, что малые дети – голодные. Один достал брикетик концентрата и позволил сварить в консервной банке... Не думали тогда хуторяне, что выживут. Все вокруг горело, от дыма было темно, как ночью, в воздухе сплошная гарь. Все куда-то спешат, суетятся, непрерывная стрельба, возле хат установили орудия.

А в километре, на пригорке, стояли наши орудия и наши солдаты. Сначала немцы поспешно ушли (можно было понять – на Воронеж). Но не дойдя до Старого Оскола, встретили огонь наших войск и опять вернулись. Один немец в ярости вырвал из рук молодой женщины девочку и бросил ее в открытый люк погребя. Через некоторое время она умерла...

И вот пришли наши солдаты, начали возвращаться люди. Екатерина вошла в свою хату: ни дверей, ни стекол в окнах. Затянули их старыми одеялами, немного отогрелись. Кто-то вспомнил о закопанной под снегом краюхе хлеба, кто-то как-то сохранил немного картошки. Так снова начинали жить. А когда растаял снег, то земля была заезжена и утоптана, как асфальт. По маленькому кусочку, лопатой, одна, Катя Морозова за три недели вскопала полгектара огорода.

Работать было некому и не на чем! Редко у кого уцелела корова. На них потом пахали. В деревнях были старики, дети и женщины. Они все делали своими руками и дома, и в колхозе, на своих плечах поднимали детей.

Трудно было, но в то же время была гордость за то, что одолели такого врага.

Е.В. Морозова

Морозова Е.В. По шляху этому война прошла... : воспоминания / записала М.Давыдова // Новое время. – 2005. – 21 апр.

КТО ЗНАЕТ ИМЕНА ГЕРОЕВ?

О Великой Отечественной войне написаны тысячи книг – мемуары полководцев, исторические исследования, художественные произведения, воспоминания простых солдат. Но история войны продолжает писаться и сейчас. Ведь имена героев многих подвигов «местного значения» продолжают открываться и сейчас, проступая из воспоминаний очевидцев. Об одном таком проявлении героизма русских солдат поведала нам 82-летняя Ксения Ивановна Кривошеева, живущая сейчас на улице Дзержинского.

Произошло это в начале февраля 1943 года, в то время, когда наши освобождали Губ-

кин. Жила я тогда с тремя детьми – двумя девочками шести и семи лет и мальчиком трех лет в Лукьяновке со свекром и свекровью. Муж Семен, конечно, был на войне.

И вот в Лукьяновку пришли немцы, стали суетиться, тащить пулеметы. Мы поняли, что будет здесь бой, и решили убраться, пока живы. А тут приехала невестка с Заднего хутора или Выселок (так назывались с десяток дворов недалеко от совхозного двора «Казацкой степи») и сказала, что там тихо, немцев нет. И решили мы с детьми в нем схорониться от беды.

Пожили мы там, а на третий день появились на хуторе немцы, пришли со стороны Лукьяновки, заглянули к нам, увидели, что здесь одни женщины да дети, и пошли через лог дальше, в сторону совхоза «Казацкая степь».

А там, говорили, будто стояли русские. Может, поэтому немцы эти быстренько вернулись и ушли на грейдер. За ними тут же наши появились, трое или четверо: «Куда девались немцы?». Мы их молоком напоили и показали, куда те пошли. Но они тоже вскоре вернулись. Часов в десять вечера появилось на Выселках много наших, мужики говорили, целая рота разведки. Была у них карта местности. И попросил командир кого-либо из местных жителей проводить солдат на грейдер. Вызвался отец Александра Емельяновича Кривошеева.

Всю ночь на грейдере шла стрельба. А потом наши стали возвращаться, один солдат был ранен. Пролежал он в хате на печи день, а вечерам забрали его от нас.

Наши Выселки занимали то наши, то фашисты. В ту ночь, когда увидели героизм наших солдат, мы спали в одной половине хаты, а, как оказалось, в другую половину, кроме беженцев, прибились переночевать пятеро наших солдат.

И вот часов в десять – осторожный стук в дверь. Хозяин вышел. Оказалось, стучит немец с фонарем на груди и спрашивает: «Русские солдаты есть?». Хозяин и говорит: «Здесь нет, а там не знаю».

Немец сразу в другую комнату из сеней. А там видно, уже приготовились, так и полоснули автоматной очередью. Немец упал. А я скорее детей под окна, лежим все ни живы ни мертвы. И дверь в сени открыта.

Немцы окружили хату и стали стрелять по той половине, а наши солдаты оттуда отстреливались. И хоть с нашей половины никто не стрелял, фашисты все-таки кинули к нам гранату. В этой стрельбе убило мою невестку, жену деверя Матрену.

Тут немцы закричали, чтоб мы все вышли, а то хату зажгут, а кричал, видно, полицай, потому что хорошо по-русски говорил.

Мы все вышли, одна, беженка даже босая. Поставили нас у овина посреди двора. Мы жмемся друг к другу, просимся пойти в совхоз «Казацкая степь», а нам в ответ: «Нихт!».

И солдатам в хату немцы кричат, чтоб выходили, в плен сдавались, а оттуда одни выстрелы. Тут беженка из Воронежа всё в хату кидалась обуться, она босая на снегу была и сына глухонемого хотела вывести. Ей и говорят немцы: «Иди, скажи, чтоб сдавались». Она – в хату, обулась, вышла, немцы к ней: «Говорила?». «Нет», – говорит, глупая.

Тогда они стали хату поджигать. Оттуда выскочил сын беженки, 20-летний глухонемой парень. Они его сразу убили. А выстрелы продолжались и из горящей хаты. Не было сил смотреть на это – зверство. Стали мы у немцев проситься уйти, мол, детишки мерзнут. Они сначала ни в какую, а потом рукой махнули – идите. Ну, мы в поле. Так полем, и пошли в Лукьяновку.

Пришли кое-как на следующий день сообщили свекру, что Матрена убита. Снарядил он лошадь и поехал за ее телом, чтоб похоронить по-христиански. Он-то и рассказал, что в обгоревшей хате видел обгоревший труп нашего солдата с автоматом, а неподалеку от хаты, в поле, еще двоих солдат. Присылал батя их снегом, забрал Матрену и приехал.

Кто были эти ребята? Известны ли их имена? Может, и по сей день кто-то из родных ищет, оплакивая, след этих солдат, освобождавших Губкин.

Рассказ записала Л. Зиновьева

Кривошеева К.И. Кто знает имена героев? : воспоминания жительницы с. Лукьяновка / записала Л. Зиновьева // Новое время. – 1995. – 26 янв.

И ДОБИЛИ – ПЕСНЯ В ТОМ ПОРУКА!

Михаил Иванович Шведов долго жил на хуторе Падина, что недалеко от Юрьевки. Теперь – в селе Бобровы Дворы. В войну сражался под Прохоровкой, остался жив, дошел до Германии и вернулся победителем в свой хутор. Нечасто приходится беседовать с ветераном войны, но когда спросишь, как и где воевал, он отвечает:

– На танках.

– Что значит – на танках? Разве их много у тебя было? – спрашиваю.

Михаил Иванович сразу начинает волноваться:

– Немцы поджигали наши танки, а мы, если успевали, перебирались в другие, где ребят побил. Вот тебе и много!

Когда началась война, ему было всего 17 лет. Призвали в армию. Попал в учебную школу, изучал танковое дело. После – подразделение, которым командовал генерал Рыбалко. Он-то и привел под Прохоровку своих гвардейцев. Марш бронетанковых корпусов начался от Нового Оскола, проходил в темное время суток. Двигались танки несколькими колоннами. Движение было на предельной скорости, моторы грелись, но справились, и через Бабровку, Скородное прибыли к месту назначения – в с. Холодное.

И тут Михаил Иванович рассказал интересный случай, произошедший перед сражением.

Воевал он вместе со своим земляком из деревни Шорстово Александром Романовичем Букетовым в одном подразделении. Когда после марш-броска дали время остудить моторы, Сашка подошел к командиру и попросил разрешения перед боем попрощаться с матерью. Родная деревня Шорстово находится недалеко от места, где они стояли, напрямик на танке можно быстро доехать.

Тот сначала категорически отказал, но потом, видно, подумал, что идет война, в одну секунду можно погибнуть, не повидавшись с родной матерью, которая рядом, можно сказать, в двух шагах. Задумался на секунду... И какая-то сила заставила командира взять на себя ответственность за отлучку боевой единицы перед сражением:

– Давай, быстро! Но если к сроку не вернешься назад, полетят наши головы. Давай, танкист Букетов, проведай маму перед боем. И одна нога там, другая здесь!!!

В секунду экипаж оказался в танке, и понеслась боевая машина через поля и балки. И приехал в родное село Александр, и повидался с родной матерью перед смертельным боем. Сняла она с себя образок, повесила на шею сыну, перекрестила и благословила.

Вовремя вернулся танк на позицию. Ринулись в атаку боевые машины. Дважды обоим танкистам-землякам пришлось спасаться из горящих танков, дважды забираться в уцелевшие боевые машины и продолжать бить врага. Так они освобождали родную Белгородчину, Украину, Польшу и дошли до Берлина.

– Что же, и вы, Михаил Иванович, ездили на танке проведать свой хутор и родных? – спрашиваю я, возвращаясь к его рассказу.

– Не-е-т... Это был исключительный случай, можно сказать, небывалый, – говорит ветеран, – командир Сашке разрешил, а мне нет – далековато было до Падины. До моего ума и сейчас не доходит, как он мог разрешить? Мог ведь и под трибунал пойти, если что-то у экипажа не сложилось бы. А он поверил...

Плачет от воспоминаний Михаил Иванович, когда мы беседуем, и всегда просит сыграть и спеть ему знаменитую песню «Три танкиста». А потом долго с благодарностью жмет руку.

А. Головков, с. Бобровы Дворы

Головков А. И добили – песня в том порука / А. Головков // Новое время. – 2005. – 7 мая.

ЧЕТВЕРО ЕГО СЫНОВЕЙ

Эта старушка живет в глубинном селе Меловое. Одна как перст. Военное лихолетье, потери родных, трудные годы разрухи безвременно состарили её. Словом, по всем меркам беспомощная женщина. Беседую с ней о прожитых годах, чувствую, как нелегко ей ворошить былое – слёзы наворачиваются на глаза.

Она была девятой в большой семье Ботвиньевых. Добрым словом поминает отца Ивана Григорьевича и мать Анну Дмитриевну. «Пусть им будет пухом земля, – говорит Пелагея Ивановна. – Кроме меня, они воспитали троих дочерей и пятерых сыновей. Все под стать родителям: работающие, умные, здоровьем не обиженные. Завидовали нам люди – дом полная чаша».

Вот так и остались в памяти Пелагеи Ивановны добрые довоенные годы. Но пришла беда. Умерла многодетная мать, жена Ивана Григорьевича. Не стал он приводить в семью мачеху, хотя еще был молод. Поднимал сыновей сам, выводил их в люди, дочерей выдавал замуж. Растил внуков, радоваться бы им, но наступили еще худшие времена – началась война. Помнит Пелагея, младшая дочь, как был ошеломлен Иван Григорьевич, видевший накануне сон. Будто был он на базаре, купил пять шапок, торопился их привезти домой и вручить всем пятерым ребятам по дорогому подарку, да в пути потерял четыре из них, а привез только одну. Пророческим оказался тот сон. Всех пятерых со слезами на глазах он по очереди провожал на фронт.

Первым ушел Павел.

– Я вернусь, – обнял он крепко своего отца. – Врага прогоним и вернусь.

В коротких письмах домой Павел писал, что проходит обучение в тылу, будет пулеметчиком. Он рвался в бой с немецко-фашистскими оккупантами, чтобы отомстить за родную землю. Долго ждать не пришлось. Уже осенью сорок первого воевал мелавский солдат на подступах к столице. Всего небольшая весточка прилетела от него: «Бои идут не на жизнь, а на смерть, враг наступает. Наши войска сражаются ожесточенно, понимая, что отступить некуда – позади Москва, – писал Павел. – Мы отстоим ее».

А потом Иван Григорьевич долгое время не получал солдатского треугольника. Почтальон молчаливо обходил его дом. В конце ноября пришла похоронка.

В битве за Москву отдал свою жизнь Павел. Там и похоронен. Эта горькая весть окончательно подрубила под корень некогда крепкого мужика Ивана Григорьевича.

Всё надеялся, что это первая и последняя утрата. Но пришла повестка идти на фронт другому сыну – Григорию, который работал председателем колхоза и имел троих сыновей... Пришла похоронка и на него. Потом и третий сын, Николай, ушел сражаться с фашистами. И он героически погиб на поле брани. Но не закончился и на этом скорбный список. В дом

Ботвиньевых пришло еще одно извещение о смерти - четвертого сына Василия, который умер от ран, освобождая Польшу.

Глава некогда большой семьи Ивам Григорьевич окончательно ослабел от таких потрясений. Но измученное сердце всё, же дождалось пятого сына, Алексея. Дождалось и ... остановилось.

Пелагея Ивановна надолго замолчала. А я не в силах была вновь разговорить её. Четыре брата отняла война, считай, и отца она забрала. Как дальше жить? Вопрос, который в те годы задавали себе многие женщины. Ответ давала сама жизнь. Пелагея Ивановна стала второй матерью для четверых детей брата Василия. Жена его Прасковья, не выдержав удара, сошла с ума.

Вырастила мама Пелагея всех. Приучила детей к трудной крестьянской работе, а главное – воспитала в них порядочность и особое уважение к людям, прошедшим войну. И всю свою жизнь до последнего дня Пелагея Ивановна несла в сердце жгучую, непроходящую боль – печать военного времени.

Т. Жилина, село Меловое заведующая мелавским музеем

Т.Е. Жилина давно написала рассказ о Пелазее Ивановне. А несколько лет назад её не стало. Закончилась жизнь, полная потеря и скорби, одной из женщин, хранивших память о войне. Но мы всё же решили написать о её жизни, ибо в ней – и наше прошлое, и наше настоящее. Уходит из жизни героическое поколение. Уходит тихо и незаметно, не кичась своим героизмом. И наш долг – сохранить о них память и воспитать детей достойных носить высокое звание – гражданин Великой России.

Жилина Т. Четверо его сыновей // Т. Жилина // Эфир Губкина. – 2006. – 27 апр. – 4 мая (№18). – С.2.

ПАМЯТНИК «ВДОВЕ И МАТЕРИ СОЛДАТА»

ГРАНИТНАЯ ПАМЯТЬ

У этого памятника интересная и сложная судьба. В 1990 году во многих центральных газетах было опубликовано обращение ко всем жителям тогда ещё Советского Союза с просьбой собрать деньги на его строительство. Пожертвования из разных уголков страны стали приходить почти сразу. «Присылали по пять-десять рублей (по тем временам это были большие деньги). За несколько лет мы собрали 270 тысяч рублей, – рассказывает Н.Я. Чуев. – Сначала хотели установить монумент в Киеве: там жил скульптор, который делал памятник Жукову. Я к нему специально ездил, чтобы договориться. Однако перевезти металл в начале 90-х годов оказалось проблематично. Но памятник мы всё-таки открыли – накануне 50-летия Великой Победы. Пока он – единственный в России. Возможно, вскоре подобный памятник появится в Челябинске».

«К чему было тратить столько сил и времени?» – подумают некоторые.

– Ведь матери и жёны не воевали, не освобождали нашу Родину». Но даже эти некоторые вряд ли станут спорить, что о подвигах солдат в Великую Отечественную войну мы знаем многое. Но так ли часто и так ли громко мы славим беспримерный и малоприметный подвиг женщин, вынесших на своих плечах тяжесть военного лихолетья, послевоенные разруху и голод. Это только она, солдатская вдова, знает, через какие испытания ей пришлось пройти, чтобы поднять на ноги детей, сколько набить кровавых мозолей на руках и ногах, чтобы в доме был порядок и хоть какой-то достаток. И при этом навсегда сохранить верность тому, кого проводила на войну от крыльца. Сколько их, тех, кто полюбил один раз и на всю жизнь, кто пронёс свою любовь и навсегда сохранил ей верность? После войны в Губкинском районе было почти восемь тысяч солдатских вдов. Сейчас их осталось чуть больше сотни...

– Я воевал и могу твёрдо сказать: ни один писатель ещё не выразил в своих книгах то, о чём думал солдат перед боем. А думали мы о своих матерях, жёнах, детях... Перечитывали их письма, делились мыслями, мечтами, обменивались адресами. Это был неписанный закон. Каждый готовился умереть, и мы просили друг друга: если не вернусь, напиши, сообщи, помоги...

Сколько нужно слёз, чтобы было достаточно?

Сколько нужно звёзд, чтобы устелить путь в вечность?

Сколько нужно слов, чтобы передать ту боль, что пережили матери и жёны погибших на войне?

На самом деле хватило бы нескольких. Вот только подходящих нет. А на развилке трёх дорог у села Бобровы Дворы Губкинского района стоит памятник – Вдове и Матери солдата. Он стоит у самого поля. Весной на земле появляются первые колоски. Летом они

гнутся к земле. Осенью их убирают. Зимой поле ждёт тепла. А женщина с двумя детьми ждёт мужа и сына. Ждёт несмотря ни на что. Искренне веря в чудо...

О. Смирнова

Смирнова О. Прости, родная!!! Я погиб. Гранитная память / О. Смирнова // Ваш успех. – Белгород, 2005. – Спец. вып. От благодарных потомков. – С.24-25.

СЕРДЦЕ, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Неподалеку от села Бобровы Дворы стоит единственный в России памятник Вдове и Матери Солдата. Памятник был возведен по инициативе нашего земляка-фронтовика Николая Яковлевича Чуева на народные пожертвования в 1995 году.

Как возник замысел этой скульптурной композиции, кто стал прототипом героини? Мы расскажем об этом словами обычного мальчика, ученика 5 «б» класса из Старого Оскола Ромы Мерзликина, сочинение которого было опубликовано на Военно-историческом форуме-2 накануне Дня Победы в 2010 году.

Когда вы будете ехать из Старого Оскола в Белгород по трассе через деревню Бобровы Дворы, вы увидите на перекрестке двух дорог памятник «Вдова и Мать Солдата». На постаменте стоят фигуры женщины, мальчика и девочки. Она смотрит вдаль, ожидая с фронта своего мужа. Скульптор Анатолий Шишков лепил мать, вдову, держа перед глазами фотографию моей прабабушки Марии Федоровны Хорхординой.

Мне стало интересно, почему именно моя прабабушка стала прообразом скульптуры «Вдова и Мать Солдата». Расспросив своих родственников, я узнал, что однажды в Белгороде, в зале, где чествовали женщин-матерей, женщин-вдов, белгородский скульптор увидел ее скорбное выражение лица и был поражен. Он тогда сказал, что только она, как никто другой, подойдет для его работы. Вот так и стала обычная русская женщина символом всех российских вдов и матерей!

Сейчас моей любимой прабабушке 99 лет, она уже почти ничего не видит и не слышит, но не унывает, хотя жизнь у нее была не из легких. Росла Мария Федоровна в большой семье, где было девять детей, последние три - дочери, а средняя из них - Маруся. Жили они в селе Шорстово Губкинского района Белгородской области. Местность была там очень красивая, вокруг леса. А в лесах много-много ягод.

Когда сыновья стали подрастать, отец Марии определил их учиться в школу. «Девчатам же это ни к чему», - решил глава семейства. Поэтому всему девочка училась сама. А руки у нее золотые: она и вязать умела, и шить, и вкусно готовить. Замуж Мария вышла незадолго до войны. Жили они с мужем

дружно, а когда дочери Наталье (Наталья Андреевна Мерзликина – моя бабушка по линии папы) было полтора месяца, а сыну – всего три с половиной года, она проводила мужа на фронт. Он и успел-то прислать всего один солдатский треугольник. Больше ни жена, ни дети своего мужа и отца не видели. Вот и стала моя прабабушка вдовой с двумя маленькими детьми на руках. При наступлении немцев на деревню Шорстово Губкинского района (там жила моя прабабушка Маруся) немецкий снаряд попал в их дом. Дом загорелся, и все, что было припасено, сгорело... И пошла большая семья, а это 7 человек, по хатам: то у одних поживут, то у других. А каково было, когда в каждой хате полно и своих ребятишек? Но несмотря ни на что, обездоленных принимали, делились с ними, чем могли. И ждали, когда же придут «наши». Только 5 февраля 1943 года наступил долгожданный час освобождения. Советские воины гнали немцев на запад. Тогда же пришли «похоронки» на двух моих прадедушек; бабушка Наташа и дедушка Ваня остались без отцов, долго бедствовали, многое им пришлось пережить!

Осиротевшая семья временно поселилась в колхозной хатенке, без дверей и окон, к тому же приходилось делить ее с колхозными телятами и поросятами. А в 1945-м вдова принялась за строительство своего дома. Вот тогда-то и случилась с моей прабабушкой беда: ее привалило в лесу дубом. Попала она на несколько месяцев в Боброводворскую больницу, а еще через некоторое время в Старооскольской больнице ей сделали операцию, после которой она стала инвалидом. Кем только ни работала она после операции: и сборщиком яиц, и на рынке все должности совмещала – от уборщицы до директора, и в поле работала от зари до темна: пахала на буренке, сеяла и косила ручную, вязала снопы. Но это еще не все испытания, что выпали на долю солдатской вдовы. И паралич ее разбивал, и речь отнималась – все превозмогла. Когда пришла наконец-то спокойная жизнь, моя прабабушка стала много читать. Она была частым посетителем деревенской библиотеки, книги предпочитала читать исторические. Но все это между делом. А дел неуворот: и трудодни надо заработать, и по дому все сделать, и детей надо выучить и накормить. Но как многие русские женщины, все пережила, все вынесла с честью: сын и дочь получили образование и стали достойными людьми. А она так и прожила всю жизнь одна, замуж солдатская вдова больше не вышла... Все эти годы мечтает моя прабабушка Мария Федоровна Хорхордина посадить березку на могиле мужа, но не знает, где покоится без вести пропавший солдат, веселый, озорной Андрюша Хорхордин, сменивший учительские конспекты на солдатскую винтовку.

А еще моя прабабушка написала стихов на целую книгу. Писать стихи она начала уже в преклонном возрасте и читает их без единой запинки. И это при том что в школе она не училась ни единого дня. Все стихи она держит в памяти. А в 1995 году к 50-летию Великой Победы в городе Губкин вышла тоненькая книжица – сборник ее стихотворений «А сердце матери поранено войной...». Стихи записаны с ее слов. В них рассказывается о трудном военном лихолетье, о природе и родной земле, о доброте и милосердии людей военных лет, когда на всех была одна беда и одна Победа. Я очень люблю читать из сборника прабабушкиных стихов вот эти строчки:

*Иду я мимо леса
по опушке
И вижу:
бугорок зарос травой.
Когда-то здесь стояли пушки
И был рубеж передовой.
Тогда была война,
И смерть стояла
с каждым рядом:
И с тем, кто сеял хлеб,
И с тем, кто у станка стоял,*

*И с тем, кто бил врага
под Сталинградом.
Но кончилась война,
Кто жив остался,
тот пришёл домой.
Сравнились все траншеи
на полях,
И дзоты заросли травой,
А материнские сердца
Остались все больными.
Они поранены войной!*

В этих строках все ею пережитое, все ею выстраданное.

Мы очень часто всей семьей ездим по той дороге, навещая нашу прабабушку Марусю. Вот и сегодня, подъезжая к памятнику «Вдова и Мать Солдата», папа останавливает машину, и мы с сестренкой Ксюшей кладем цветы у подножия в знак уважения к тем простым русским женщинам, которые, оставшись в тылу, помогали фронту, стране преодолеть лютого врага. Слава им!

Мне сейчас одиннадцать лет, но я всегда буду помнить, какой ценой завоевана Победа.

Я низко кланяюсь солдатам Великой Отечественной войны, которые с оружием в руках защитили наше счастливое детство. Огромная им благодарность за их Великий Подвиг!

Р. Мерзликин

Мерзликин Р. Сердце, опалённое войной / Р. Мерзликин, правнук М. Хорхординой // Права человека на Белгородчине. – 2012. – №1(ноябрь). – С.66-98.

ПАМЯТНИК – МЕМОРИАЛ «СТРОИТЕЛЯМ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ СТАРЫЙ ОСКОЛ-РЖАВА»

9 июля 2008 года в Старом Осколе открыт памятник-мемориал «Строителям железной дороги Старый Оскол-Ржава». Новый мемориал – еще одна дань памяти тем, кто приближал великую Победу в том страшном лихолетье.

95 километров железнодорожного полотна, так необходимого фронту, были проложены за рекордно короткие сроки – 32 дня. С 19-июля 1943 года по дороге пошли первые эшелоны, доставлявшие войска и технику к Огненной дуге. 25 тысяч женщин и подростков из окрестных сёл и районов, вдвое сократив отпущенный для строительства срок, сделали невозможное. Три из них навсегда застыли в броне на оживленном перекрестке недалеко от железнодорожного вокзала города Старый Оскол из камня, привезенного с Урала, – три женских бронзовых фигуры в момент наивысшего напряжения работы. Композиция выполнена в реалистичной форме. Автор проекта – архитектор М.А. Хромов, скульптор – А.А. Шишков. Оба – известные специалисты из Белгорода. Белгородский скульптор, заслуженный художник России Анатолий Алексеевич Шишков изобразил женщин во время работы по прокладке пути на фоне красных рельс, устремленных в небо. Памятник воплотил в себе величие русской женщины - строителя и созидателя. Женщины изображены с лопатами и кирками в руках. Скульптуры выполнены в металле. Работа над ними заняла у Шишкова несколько месяцев. Позировали для него студентки Белгородского технологического университета. Вначале скульптор слепил фигуры из гипса, затем из медного сплава отлил и сварил сами формы. Памятник внутри полый. Высота фигур – 2,5 м, вес композиции – 3 тонны, вес бетонного основания – 90 тонн.

Из городского бюджета Старого Оскола на обустройство территории около памятника выделено семь миллионов рублей. Уложено 1800 квадратных метров тротуарной плитки, обустроен сквер со скамейками, а фигуры монумента в ночное время подсвечиваются со всех сторон специальными фонарями

Необходимо сказать, что прежде чем установить памятник – мемориал был объявлен конкурсный проект памятника-мемориала «Строителям железной дороги Старый Оскол – Ржава», который вызвал большой интерес. Целью конкурса было выявление наиболее выразительных архитектурно-планировочных и объемно-пространственных решений памятника-мемориала, отвечающего высокому художественному образу, предназначенному ознаменовать память подвига тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны.

Первая денежная премия составляла 50 тысяч рублей. Состав жюри включал представителей заказчика, творческой интеллигенции, специалистов архитектуры и градостроительства Белгорода и Белгородской области. Одержал победу проект, предложенный белгородцами: архитектор – М.А. Хромов, скульптор – А.А. Шишков.

По случаю открытия памятника-мемориала «Строителям железной дороги Старый Оскол-Ржава», состоялся торжественный митинг, на который приехало около двухсот тружениц тыла из 11 районов Белгородской области, прокладывавших этот путь.

На митинге выступил, глава Старооскольского городского округа П.Е. Шишкин, который отметил, что в сердцах нынешнего поколения навсегда останется искренняя гордость за созидателей дороги победы, защитивших и возродивших страну, явивших пример бескорыстного служения на благо Отечества: «Ваш труд бесценен. Доказательством тому является этот памятник, славящий великих тружениц и их трудовой подвиг».

От имени руководства области всех собравшихся приветствовал председатель Белгородской областной Думы А.Я. Зеликов. Он отметил, что этот памятник воплотил в себе идею

о величии русской женщины. На постаменте в бронзе застыли Вера, Надежда и Любовь, которые давали силы жить и бороться в суровые годы войны.

Анатолий Алексеевич Шишков родился в 1946 году селе Чернянка Тамбовской области. Окончил художественно-графический факультет Орловского пединститута и отделение архитектурно-декоративной пластики Харьковского художественно-промышленного института.

А.А. Шишков работает в области монументальной скульптуры, а также в жанрах портрета, рельефа, сюжетных композиций. Анатолий Алексеевич – участник областных, зональных, республиканских, всесоюзных, зарубежных художественных выставок. Его работы находятся в Белгородском художественном музее, а также в частных коллекциях в России и за границей.

Творчество Шишкова хорошо известно не только жителям области, но и далеко за ее пределами. Монументальные произведения скульптора стали визитной карточкой Белогорья: портрет художника С. Косенкова (медь), «Вдове и Матери солдата» (медь), «Ожидание» (бронза), портрет актера М. Щепкина (бронза), мемориал Памяти погибших в Афганистане (медь)...

Составитель Т.Л. Андреева, зав. СИБР

Кравцова Г. Женщинам, приблизившим Победу [Электронный ресурс] / Галина Кравцова. – Режим доступ : <http://zdr-gazeta.ru/index.php?newsid=24993>. – 10.02.2010.

Дорога к Победе: собинформ // Эфир Губкина. – 2008. – 17 июля. – С.3.

ДОРОГА К ПОБЕДЕ

Накануне 65-й годовщины победы в Курской битве в Старом Осколе открылся памятник строителям легендарной железной дороги «Старый Оскол-Ржава».

95 километров железнодорожного полотна, так необходимого фронту, были проложены за рекордно короткие сроки – 32 дня. С 19 июля 1943 года по дороге пошли первые эшелоны, доставлявшие войска и технику к Огненной дуге. 25 тысяч женщин и подростков из окрестных сёл и районов, вдвое сократив отпущенный для строительства срок, сделали невозможное. Три из них навсегда застыли в бронзе на оживленном перекрестке недалеко от железнодорожного вокзала города Старый Оскол. Белгородский скульптор, заслуженный художник России Анатолий Шишков изобразил женщин во время работы по прокладке пути на фоне красных рельс, устремленных в небо. Среди известных работ мастера – памятник Вдове и Матери солдата, расположенный в селе Бобровы Дворы.

Около двухсот тружениц тыла из 11 районов Белгородской области, прокладывавших этот путь, приехали на открытие памятника. Большинству из них было тогда по 15-18 лет. Несмотря на прошедшие годы, события той героической поры до сих пор живы в памяти женщин. В своем выступлении глава Старооскольского городского округа П.Е. Шишкин отметил, что в сердцах нынешнего поколения навсегда останется искренняя гордость за создателей дороги победы, защитивших и возродивших страну, явивших пример бескорыстного служения на благо Отечества: «Ваш труд бесценен. Доказательством тому является этот памятник, славящий великих тружениц и их трудовой подвиг».

От имени руководства области всех собравшихся приветствовал председатель Белгородской областной Думы А.Я. Зеликов. Он отметил, что этот памятник воплотил в себе идею о величии русской женщины. На постаменте в бронзе застыли Вера, Надежда и Любовь, которые давали силы жить и бороться в суровые годы войны.

В завершении тожественной церемонии участники митинга перерезали символическую красную ленточку и открыли монумент. После освящения памятника к его подножию были возложены цветы. Строители железной дороги – «Старый Оскол-Ржава» смогли посмотреть праздничный концерт. Всем им были вручены памятные медали и ценные подарки.

Дорога к Победе: собинформ // Эфир Губкина. – 2008. – 17 июля. – С.3.

ДОРОГА, СТАВШАЯ ЛЕГЕНДОЙ (отрывок)

Девятого июля в Старом Оскале открыт памятник строителям железнодорожной ветки Старый Оскол-Ржава, которую по праву называют дорогой, изменившей ход войны. На церемонии открытия собрались около 200 участников строительства дороги из одиннадцати районов области. Наших ветеранов, участвовавших в строительстве, сопровождали сотрудники управления по социальной политике.

Губкинская делегация, которую возглавлял заместитель главы администрации, начальник управления Пенсионного фонда РФ по Губкину и Губкинскому району В.В. Бородин, была самой многочисленной. В нее вошли 74 человека, а всего в городе и Губкинском районе живут около 700 строителей дороги. Это те люди, чьими руками была выполнена неосуществимая, казалось бы, задача. Тяжелейший труд выпал на долю женщин и подростков. Работать приходилось от зари до зари. Сдирали кожу на пальцах, иногда засыпали прямо на дороге... Но понимали: это нужно Родине.

Праздничный митинг открыл глава местного самоуправления Старооскольского городского округа П.Е. Шишкин, который тепло поздравил строителей дороги. Затем выступил председатель областной Думы А.Я. Зеликов.....

Выступил на митинге и создатель монумента, заслуженный художник РФ, скульптор Д.А. Шишков.

– Хочу с низким поклоном поздравить женщин, участниц строительства. Можно сказать, что они в тылу открыли второй фронт раньше, чем англичане и американцы. Они обеспечили нашу победу, – сказал Анатолий Александрович.

Он выразил благодарность Н.Я. Чуеву, который был инициатором создания этого памятника.

Завершился митинг разрезанием символической ленточки, после чего настоятель Ильинского храма протоиерей отец Василий освятил монумент. Раздался похожий на канонаду грохот салюта, после чего все поехали в ДК «Комсомолец».

Дорога, ставшая легендой // Новое время. – 2008. – 12 июля. – С.1,9

ПАМЯТНИК ГОРНЯКАМ-ПЕРВОПРОХОДЦАМ КОМБИНАТА «КМАРУДА», ПОГИБШИМ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Памятник горнякам – первопроходцам комбината «КМАруда», погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, который был создан по инициативе и при поддержке секретаря парткома комбината Владимира Андреевича Артеменко к 40-летию со дня Великой Победы, а открыт 9 мая 1985 года.

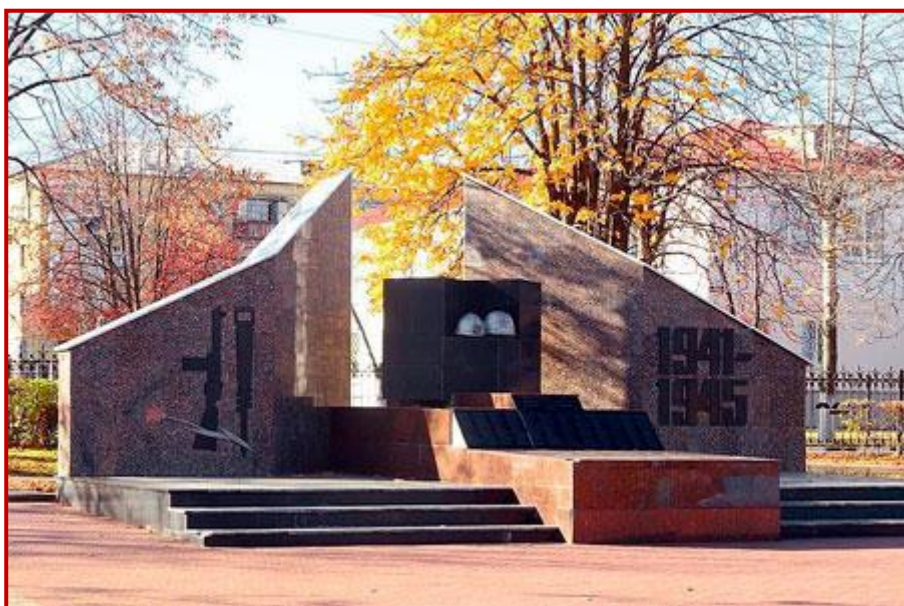
История этого памятника уходит в далекий 1941 год, летом которого многие губкинцы вступили в народное ополчение. Для них девизом стали слова «Кормила меня эта магнитная земля, я и защищать ее должен. На восток не поеду. Готов идти только на запад». Некоторые горняки, уходя на фронт, брали с собой кусок красно-бурой руды, поднятой из шахты, но не отправленной на металлургический завод. Многие не вернулись с полей сражений.

Сейчас мало кто знает, какой огромный труд был проделан для составления этого скорбного списка. Председатель благотворительного фонда «Милосердие» Виталий Васильевич Акинин вспоминает, что идея создать памятник первопроходцам промышленного ос-

воения богатств КМА, погибшим в годы войны, зародилась ещё в 40-50-е годы. Многие ветераны войны тогда ещё были полны сил. Но до практического воплощения идеи ни у кого не доходили руки: почти все силы уходили на восстановление разрушенного хозяйства, строительство промышленных объектов, жилья... Тогда Виталий Васильевич, работавший в ту пору диспетчером комбината, взял лист бумаги и начал записывать тех, кто мог бы рассказать о кмастровцах.

«Я много беседовал с людьми, молодость которых пришла на эту суровую пору, и понимал, что они бесценные свидетели строительства КМА и сражений Великой Отечественной войны, – написал он позднее. – Но постепенно, год от года, их становилось меньше: возраст и подорванное здоровье давали о себе знать. Тогда решил сделать хоть что-то, пока ещё живы непосредственные участники тех событий. Вместе с единомышленниками начал составление списка имён погибших на войне кмастровцев».

Большую часть работы по сбору информации В.В. Акинин проделал в конце 70-х, начале 80-х годов. К сожалению, документально подтвердить достоверность полученной информации не получалось. Но в ходе перекрёстных бесед удавалось отсеять неточности, убедиться в достоверности рассказов очевидцев. Он назвал своих помощников. Среди них: Александра Гавриловна Басурманова, Николай Михайлович Шумейко, Пётр Иустиневич Михайлов, Нина Филипповна Беридзе. По воспоминаниям родственников, друзей кмастровцев удалось найти более 150 имён, но вполне возможно, что еще не все.

Успешному воплощению задумки способствовало то, что губкинцы хорошо друг друга знали. Если говорили, что кто-то может рассказать о том или ином человеке, то, как правило, удавалось получить не только необходимую информацию, но и новые адреса, где можно было продолжить поиск.

На фамилии Ольги Сергеевны Афанасьевой В.В. Акинин остановился особо. Она – единственная женщина, чьё

имя записано на памятнике. Бывшая работница бухгалтерии осталась подпольщицей в тылу врага – передавала сведения партизанскому руководству о расположении и передвижении гитлеровских военных частей. Но её схватили, издевались и в Старом Осколе расстреляли. Акинин лично знал её отца, слышал его рассказы о дочери-партизанке.

Когда материал был собран, В.В. Акинин обратился к секретарю парткома комбината В.А. Артёменко. Владимир Андреевич загорелся идеей создания памятника. Большое содействие в её реализации оказали десятки работников комбината «КМАруда»: инженер отдела снабжения Михаил Львович Кунин, главный механик Анатолий Иванович Иголкин, главный инженер РСЦ Анна Георгиевна Евдокимова, рядовые труженики предприятия.

Авторами памятника стали: заместитель главного архитектора области С.И. Доценко и член Союза художников СССР, скульптор Д.Ф. Горин. Над сооружением памятника работали: бригады ремонтно-строительного цеха: бетонщиков Т.Н. Бабухиной, маляров В.А. Топоровой, плотников Д.К. Евсюкова (В.Ф. Романов, Н.И. Долуденко); маляр И.Д. Куликов,

слесарь И.Д. Букур, мастера В.И. Луняка и А.И. Жуков; фрезеровщики участка по ремонту горно-обогатительного оборудования П.А. Семин и В.Е. Баранков; инженер лаборатории механизации П.К. Стрельцов; рабочие завода «КМАрудоремонт»: литейщики-формовщики А.Н. Блинов и Н.Ф. Лазебный, электросварщик Н.И. Новиков, слесари А.А. Топоров и А.В. Матвеев и др. Памятник выполнен из железобетона, облицован гранитной плиткой. Выполнить облицовку гранитной плиткой помогли болгарские строители.

Памятник имеет оригинальную форму: в центре размещен куб, символизирующий вечность, на вырезанной его части находятся две каски – шахтерская и солдатская. По сторонам куба – изогнутые наподобие знаменитых мраморные стенки, на которых закреплены два барельефа, изображающие мирный труд строителей и их ратные солдатские дела. Впереди ниже куба с касками на шести бронзовых плитах имена 150 человек, погибших на фронтах войны. А ниже надпись «Первопроходцам КМА, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины в 1941-1945 гг. Вы вечно живые в наших сердцах и свершениях».

Губернатор области Е.С. Савченко, посмотрев это сооружение памяти и скорби, отметил, что подобного он нигде не видел.

Выступая на митинге, посвященном открытию памятника, ветеран войны и труда, первый начальник шахты имени академика Губкина Н.М. Шумейко сказал следующее.

«Внимательно читал я скорбный список тех, чьи имена помещены на этих бронзовых плитах. Читал и вспоминал почти каждого. Вот Василий Егорович Жданов – проходчик, замечательный труженик, стахановец. Или целая династия Ходеевых. Они, родные и двоюродные братья, очень много сделали в довоенном коллективе «КМАстроа». Хорошо помню молодого коммуниста, проходчика, а потом горного мастера, депутата райсовета Евгения Скоробогатько, машиниста электростанции Ивана Моисеевича Кострыкина, проходчика Семена Федоровича Старикова. Думаю, что и на фронте они тоже были в первых рядах.

Памятник, который мы сегодня открываем, – скромная дань заслугам наших бывших товарищей, не доживших до Дня Победы. Пусть их трудовые и боевые подвиги будут вечным примером для молодежи, которая продолжает славную эстафету горняков-первопроходцев!»

На митинге выступили также участники войны и парада Победы, бригадир слесарей ОКСа М.Е. Михайлов, бригадир бурильщиков шахты имени Губкина, лауреат премии областной комсомольской организации, молодой коммунист М.Н. Чуриков, учащийся подшефной средней школы №2 пионер Павел Болотских.

Под аплодисменты присутствующих разрезали ленточку и сняли покрывало ветераны войны: М.Е. Михайлов, Н.М. Шумейко и знатный горняк, лауреат Государственной премии, бригадир бурильщиков скважин Ю.А. Чистников. Представители цехов комбината возложили к памятнику венки и цветы. На гранитные плиты легли скромные букеты ветеранов, мужчин и женщин, парней и девушек, детей.

Вытирая слезы, положила алые тюльпаны пожилая женщина, дочь шахтера К.С. Мартынова. «Спасибо коллективу комбината, что и мой папа есть в списках героев», – тихо сказала она. Среди тех, кто пришел на открытие памятника – вдова шахтостроителя Д.Д. Енина, сестра Е.М. Скоробогатько Валентина Михайловна Скоробогатько, всю свою жизнь, проработавшая на комбинате КМАруда. Были родственники и других горняков-воинов.

Памятник горнякам-первопроходцам комбината «КМАруда», погибшим на фронтах Великой Отечественной войны стал частью культурного комплекса горняцкого города. Это о нем и о героях, чьи имена выбиты на гранитных плитах, пишут свои сочинения учащиеся городских школ, это им посвящают свои стихи и прозу местные авторы. Известный в городе поэт, член Союза писателей России Евгений Васильевич Прасолов, чей отец также был шахтером, и не вернулся с полей сражений, написал следующие строки.

...Все полегли – кто – где,
но ныне в сквере,
Где клумбы так тюльпанами цветут,
Свой город сыновьям передоверив,
Они нашли последний свой приют...
На чёрных плитах камня – лабрадора –
Их имена из тех далеких дней...
Но снова слава губкинских шахтеров
Взмывает уж на крыльях Лебедей...

В 1999 году к 55-летию Великой Победы силами работников комбината КМАруда памятник был реконструирован и стал органичной частью Сквера Шахтерской славы – музея под открытым небом.

*Составители: Е.Н. Селезнева, заведующая сектором краеведения,
Е.А. Алексеева, библиотекарь-летописец*

Сквер «Шахтерская слава» имени В.М. Кислова : путеводитель по скверу-музею / МБУК «Централизованная библиотечная система №1» Губкинского городского округа ; отдел методической и библиографической работы ; сост. : Е.Н. Селезнева, Е.А. Алексеева ; ред.-сост. О.Я. Платонова ; отв. за вып. Т.И. Извекова. – Губкин, 2012. – 32 с.

Михайлов В. Никто не забыт и ничто не забыто / В. Михайлов // Горняк. – 1985. – 17 мая.

Кузнецова Р. Героям – горнякам / Р. Кузнецова // Знамя Ильича. – 1985. – 13 мая.

ПАМЯТНЫЙ ЗНАК В ПАМЯТЬ О ГУБКИНЦАХ – УЧАСТНИКАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ВЕРНЫ ОТЧИЗНЕ БЫЛИ ДО КОНЦА

30 сентября в Губкине состоялось знаменательное событие – открытие памятного знака в память о губкинцах - участниках Великой Отечественной войны.

Открытие памятного знака – один из торжественных, моментов большой программы празднования 70-летия Губкина. С другой же стороны, важен сам факт устройства такого мемориала. Это совместная инициатива городского совета ветеранов и актива КПРФ, поддержанная депутатом Государственной Думы С.В. Муравленко, администрацией и Советом депутатов Губкинского городского округа.

На церемонию открытия знака, установленного у стены старого городского кладбища на улице Дзержинского, пришли ветераны войны и труда, студенты и школьники - все, кому небезразлична память о героическом прошлом нашей страны, кто горячо переживает за настоящее и будущее Родины.

Глава администрации городского округа А.А. Кретов в своем выступлении отметил, что чем дальше уходят от нас годы войны, тем острее становится цена Победы, на алтарь которой советский народ принес огромные жертвы. И долг каждого поколения принимать всемерное участие в увековечивании народного подвига. Анатолий Алексеевич напомнил губкинцам, как много делают власти городского округа, сельских администраций, коллективы предприятий и простые губкинцы для того, чтобы обустроить и поддерживать в порядке памятники воинской славы. Он поблагодарил всех, кто принимал участие в сооружении нового памятного знака.

Депутат Госдумы С.В. Муравленко отметил особое значение открытия памятного знака на фоне усиливающейся кампании извращения исторической правды, которая проводится нашими вчерашними союзниками. Слишком дорогую цену заплатил наш народ ради спасения мира от фашизма, ради освобождения Родины и европейских стран от захватчиков, чтобы можно было постепенно забывать о величии подвига народа, о Победе, и отдавать эти святые ценности на поругание недругам. «Хранить память о народном подвиге – это дело нашей чести!» – сказал депутат.

В митинге также принял участие депутат Белгородской областной Думы В.И. Кочанов.

Председатель ветеранской организации Лебединского ГОКа, участник Великой Отечественной войны В.С. Волога сказал о том, что осуществилась давняя и заветная мечта старшего поколения губкинцев об открытии памятного знака. «Пока живы мы, ветераны, будем делать все, чтобы нести святую правду о войне. И нам нужно сделать как можно больше, чтобы эту правдивую историю и священную память продолжали хранить и последующие поколения русского народа».

От имени молодежи на митинге выступил студент Губкинского института МГОУ Александр Скворцов.

Под троекратный оружейный залп А.А. Кретов и С.В. Муравленко сняли покрывало с памятного знака. Затем состоялось возложение цветов, в котором наряду со студентами МГОУ участвовали кадеты школы №13. В почетном карауле стояли курсанты военно-патриотического клуба «Русь».

Теперь Губкин обогатился еще одной достопримечательностью, важной не только для ветеранов, но и для юных губкинцев, чтобы еще больше любить свой город и гордиться им.

В. Москалев

Москалев В. Верны Отчизне были до конца / В. Москалев // Новое время. – 2009. – 6 окт.

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ КОМПОЗИЦИЯ «ТЫЛ – ФРОНТУ»

ВЕЛИЧИЕ НАРОДНОГО ПОДВИГА (торжественное открытие монумента в честь тружеников тыла)

В честь Дня Победы Губкин украсился новой достопримечательностью – монументальной композицией «Тыл – фронту» на улице Лазарева.

Монумент представляет собой стилизованную колонну, увенчанную изображением серпа и молота. У подножия памятника панорамно расположены плиты из черного гранита, на которых обозначены основные вехи трудовых и ратных побед в годы Великой Отечественной войны.

В целом мемориальный комплекс выглядит торжественно и современно. Он удачно вписывается в ландшафт улицы Лазарева. Памятник произвел на губкинцев самое благоприятное впечатление, они считают, что все, кто был причастен к его созданию, заслуживают самых теплых слов благодарности.

В создании монумента принимали участие ветераны комбината «КМАруда», Лебединского ГОКа, участники строительства легендарной дороги «Губкин-Сараевка», родные и близкие тех, кто на фронте и в тылу ковал победу.

Митинг по случаю открытия монумента был многолюдным. Губкинцы всех поколений собрались в сквере, чтобы отдать дань уважения труженикам тыла, ветеранам Великой Отечественной войны. Открыл торжество заместитель главы администрации городского округа И.Н. Черенков. И.Н. Черенков от имени главы администрации вручил Благодарности наиболее отличившимся участникам сооружения памятника. Среди них – О.И. Киреева (ООО «Губкин-отделстрой»).

Он отметил, что губкинцы заботливо относятся к памятникам воинской славы, к могилам защитников Родины. Недавно появился памятный знак на улице Дзержинского, воздвигнут монумент в микрорайоне Лебеди. Столь бережное отношение к героическому наследию нашей Родины во многом заслуга активистов ветеранских организаций.

О том, как возникла идея создания монумента в честь тружеников тыла, рассказал Е.И. Хурчак.

Бывший председатель городского совета ветеранов А.М. Жилинков, секретарь совета М.Т. Коваленко, ветеран комбината «КМАруда» Е.И. Хурчак и их товарищи выступили с инициативой создать монумент труженикам тыла. Эта идея получила одобрение в городской администрации, в трудовых коллективах. Весомый вклад в ее реализацию внесли коллектив Лебединского ГОКа, депутат Госдумы А.В. Скоч, ООО «Губкинотделстрой», предприниматель В.И. Титовский, МУП «Комбинат благоустройства» сделали все возможное, чтобы монумент стал украшением города, чтобы он предстал к Дню Победы во всем своем величии.

От имени главы администрации И.Н. Черенков вручил Благодарности и денежные премии наиболее отличившимся участникам сооружения памятника.

Председатель городского совета ветеранов В.В. Бородин рассказал об усилиях рабочей группы, особо отметив роль Е.И. Хурчака и М.Т. Коваленко. Деятельное участие в этой работе принял глава администрации А.А. Кретов. Было рассмотрено множество проектов. И выбран наиболее отвечающий взыскательным требованиям губкинцев. В этот памятник вложены не только творческая энергия, но и огромное чувство благодарности тем, кто не жалея ни сил, ни самой жизни трудился ради Победы.

На митинге также выступил помощник депутата Госдумы А.В. Скоча – А.Д. Мирошник, зачитавший приветственный адрес по случаю памятного события.

Активный член комиссии по сохранению памяти совета ветеранов Е.И. Хурчак рассказал собравшимся о том, как шла работа по созданию памятника, насколько это был сложный и кропотливый труд, увенчавшийся достойным результатом.

Благочинный Спасо-Преображенского собора протоиерей Евгений Сапсай совершил чин освящения монумента труженикам тыла. Затем состоялось возложение цветов к подножию памятника.

Москалев В.

Москалев В. Величие народного подвига : торжественное открытие монумента в честь тружеников тыла / В. Москалев // Новое время. – 2013. – 16 мая.

ПАМЯТНЫЙ ЗНАК «ТРУЖЕНИКАМ ТЫЛА ВОЕННЫХ ЛЕТ» будет установлен в Губкине по инициативе городского совета ветеранов

«Всё для фронта, всё для победы!» – на этот призыв в годы Великой Отечественной войны откликнулся весь народ. И радость победы с солдатами и командирами по праву разделили и труженики тыла.

В послевоенные годы во многих населенных пунктах страны были воздвигнуты памятники воинам, погибшим на фронте. А про тружеников тыла забыли, хотя вклад их в победу неоценим.

Поэтому комиссия по сохранению памяти ветеранов городского совета ветеранов вышла с инициативой о строительстве в Губкине памятного знака «Труженикам тыла военных лет». Это предложение было одобрено президиумом городского совета ветеранов.

Разработчики, а это представители совета ветеранов и управления архитектуры и градостроительной политики администрации городского округа, учли все нюансы. Мемориальное сооружение будет состоять из металлической колонны диаметром 0,8 метра, высотой 10 метров и пьедестала. По обе стороны колонны – диорама из дуг, облицованных плитами с табличками, на которых высечена информация об основных этапах войны и вкладе тружеников тыла в Великую Победу.

Наиболее удобным местом расположения мемориала ветераны считают ул. Лазарева.

В настоящее время заканчиваются проектные работы, Городской совет ветеранов надеется, что все организации, которые будут участвовать в сооружении мемориала, ответственно отнесутся к такому важному делу, и памятный знак будет открыт к Дню города.

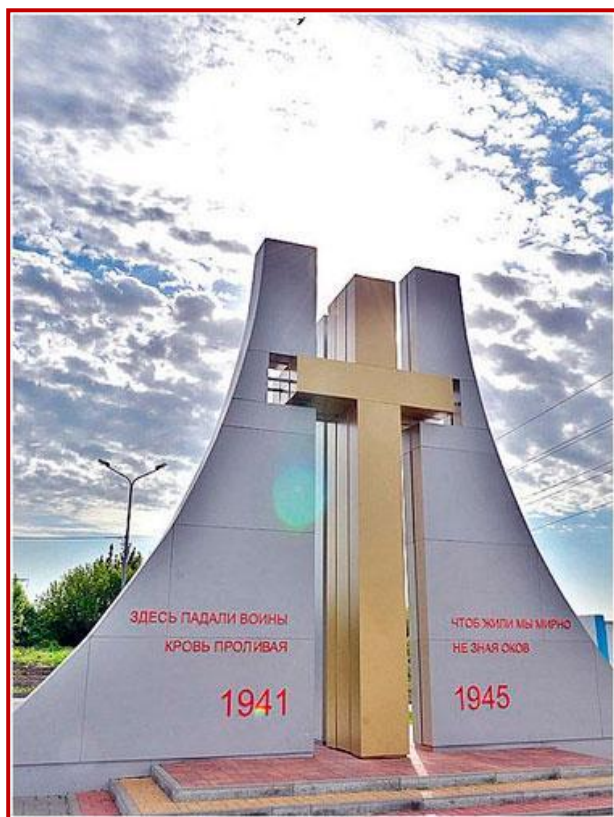
Е. Хурчак, В. Картышев, И. Кандауров, члены городского совета ветеранов

Хурчак Е. Памятный знак «Труженикам тыла военных лет» / Е.Хурчак, В.Картышев, И. Кандауров // Новое время. – 2012. – 14 апр.

ПАМЯТНИК ВОИНАМ, ПОГИБШИМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

**ЗДЕСЬ ПАДАЛИ ВОИНЫ, КРОВЬ ПРОЛИВАЯ,
ЧТОБ ЖИЛИ МЫ МИРНО, НЕ ЗНАЯ ОКОВ**

В День Победы в микрорайоне Лебеди состоялось открытие памятника воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Монумент выполнен в форме креста, символизирующего по православным традициям победу над врагом. Проект разработала архитектор Марина Волобуева. Губкинский поэт Михаил Бурцев стал автором строк, выведенных на памятнике: «Здесь падали воины, кровь проливая, чтоб жили мы мирно, не зная оков».

На торжественной церемонии открытия присутствовали представители органов местного самоуправления, руководители ветеранских и других общественных организаций, участники войны, труженики тыла, солдатские вдовы, юные жители микрорайона Лебеди.

Собравшихся приветствовал председатель Совета депутатов А.П. Гаевой. От имени главы администрации городского округа он вручил Благодарности за высокое качество работ при возведении памятника и денежные премии производителю работ и водителю ООО «Стройвест» Сергею Владимировичу Юмашеву и Юрию Николаевичу Шубину.

Из Лебедянского сельского совета, нынешнего микрорайона Лебеди, на фронт ушли почти 900 жителей, 343 из них остались на полях сражений. Их имена, сообщил А.П. Гаевой, обязательно будут высечены на монументе.

Перед участниками митинга выступили председатель ветеранской организации микрорайона Лебеди В.М. Рожок, старший помощник начальника отделения военного комиссариата

Белгородской области по городу Губкину и Губкинскому району В.Н. Посохов.

Собравшиеся почтили память земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны, минутой молчания. Настоятель храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» отец Григорий провел чин освящения памятника.

Митинг закончился церемонией возложения цветов.

Прилегающая к монументу территория будет благоустроена. Здесь высадят деревья и цветы. Уже работают фонтаны. Нет сомнения в том, что новый памятник станет центром притяжения для жителей микрорайона. А это значит, что герои войны не будут забыты, и память о них будет передаваться от поколения к поколению.

А. Стёпичева

Стёпичева А. Здесь падали воины кровь проливая, чтоб жили мы мирно, не зная оков / А. Стёпичева // Новое время. – 2013. – 16 мая.

В огне Курской битвы : из воспоминаний участников боев / [сост.: З. Н. Алексеев, П. М. Бельдиев, В. М. Еремеев, В. Д. Тишин] . – Курск : Кн. изд-во, 1963. – 391 с.

Дорога мужества и жизни : материалы о героических делах тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны и о добрых делах в мирное время / Губкинский районный совет ветеранов, труда, Вооруж. сил и правоохран. органов Белгор. обл. ; [сост. : Н. Я.Чуев, И. В. Пирожков, Н. В. Полухина] . – Губкин : гор. тип., 2002. – 107 с.

Доманк А. [Особое место в славных делах...] / А. Доманк // Доманк А. Тыл Огненной дуги. – Воронеж, 1989. – Гл.1. – С.53-61. – (Серия «Подвиг на Курской дуге») .

Кабанов П. А. Стальные перегоны. — М. : Воениздат, 1973. – 326 с. : фото.

Никулов А. П. Оскольский край. – Старый Оскол.,1997. – 576 с.

Новоспасский К. Осколянка / К. Новоспасский // Новоспасский К. На прямой наводке. – Воронеж, 1973. – С.70-96.

Москалев А. Дорога мужества / А. Москалев, старший // «Эхо нашей памяти». – Губкин, 1995. – С.135-141.

Потомкам : антология военной прозы и поэзии Белгородчины : Т.1 / сост. В. М. Шаповалова. – Белгород : Издательство Шаповалова, 1995. – 736 с. : ил.

Сквер «Шахтерская слава» имени В. М. Кислова : путеводитель по скверу-музею / МБУК «Централизованная библиотечная система №1» Губкинского городского округа ; отдел методической и библиографической работы ; сост. : Е. Н. Селезнева, Е. А. Алексеева ; ред.-сост. О. Я. Платонова ; отв. за вып. Т. И. Извекова. – Губкин, 2012. – 32 с.

Уходили на фронт эшелоны : [сборник] / под общ. ред. ген.-лейт. техн. войск запаса С. В. Хвощева и ген.-лейт. техн. войск в отставке А. В. Добрякова] . – Москва : Воениздат, 1974. – 288 с. : ил.

Москалев В. Величие народного подвига : торжественное открытие монумента в честь тружеников тыла / В. Москалев // Новое время. – 2013. – 16 мая.

Стёпичева А. Здесь падали воины кровь проливая, чтоб жили мы мирно, не зная оков / А. Стёпичева // Новое время. – 2013. – 16 мая.

Хаботкина Т. Живут во мне воспоминания...: воспоминания / Т. Хаботкина // Новое время. – 2013. – 14 февр.

Мерзликин Р. Сердце, опалённое войной / Р. Мерзликин, правнук М. Хорхординой // Права человека на Белгородчине. – 2012. – №1 (ноябрь). – С.66-98.

Хурчак Е. Памятный знак «Труженикам тыла военных лет» / Е. Хурчак, В. Картышев, И. Кандауров // Новое время. – 2012. – 14 апр.

Москалев В. Верны Отчизне были до конца / В. Москалев // Новое время. – 2009. – 6 окт.

Дорога, ставшая легендой // Новое время. – 2008. – 12 июля. – С.1, 9.

Зиновьева Л. Жаркое лето 41-го года... / Л. Зиновьева // Новое время. – 2008. – 21 июня.

Рожок В. Моздокские девчата / А. Рожок // Новое время. – 2008. – 28 июня.

Галенко С. Этот день все приближали, как могли / С. Галенко // Новое время. – 2007. – 12 мая. : фото.

Жилина Т. Четверо его сыновей // Т. Жилина // Эфир Губкина. – 2006. – 27 апр. - 4 мая (№18). – С.2.

Алтухова И. Молодые подпольщики / И. Алтухова // Горняк. – 2006. – 22 февр.

Жаркова Г. Любви той свет сквозь годы не тускнеет / Г. Жаркова // Новое время. – 2005. – 26 февр. : фото.

Уколова А. Вместо платья нарядного - шинель да сапоги кирзовые : [отрывок] / А.Уколова // Новое время. – 2005. – 7 мая. – С. 11. : фото.

Головков А. И доби́ли – песня в том порука / А. Головков // Новое время. – 2005. – 7 мая.

Морозова Е. В. По шляху этому война прошла... : воспоминания / записала М.Давыдова // Новое время. – 2005. – 21 апр.

Смирнова О. Прости, родная!!! Я погиб. Гранитная память / О. Смирнова // Ваш успех. – Белгород, 2005. – Спец. вып. От благодарных потомков. – С.24-25.

Алтухова И. И было им всего лишь по 17... / И. Алтухова // Рабочая трибуна. – 2004. – 7 мая.

Алтухова И. Мужеству отцов поём мы славу / И. Алтухова // Горняк. – 2004. – 7 февр.

Коренько Ю. С киркой и лопатой, а тоже – солдаты Второй мировой // Белгор. правда. – 2003. – 25 июня. Фото

Хайминова Р. Жили ожиданием Красной Армии / Р. Хайминова // Новое время. – 2003. – 4 февр.

Чурикова А. Цвела черёмуха среди войны / А.Чурикова // Новое время. – 2002. – 21 февр.

Шумейко Н. М. [Оставшиеся на шахте люди...] // Комбинат «КМАРУДА»: «Здесь жизнь каждого остается в истории. – Белгород, 2001. – Гл. Наверстывая упущенное. – С.30.

Овсянникова З. И здесь полыхала земля.../ З.Овсянникова // Рабочая трибуна. – 1999. – 12 февр.

Рудоманов М. Последний бой у посёлка / М. Рудоманов, доцент Губкинского филиала МГОУ, кандидат исторических наук // Новое время. – 1998. – 5 февр.

Жилин В. В боях на Губкинской земле... / В. Жилин // Новое время. – 1997. – 8 мая.

Созвездие Красного Креста : встреча за «круглым столом» в редакции «Нового времени» / беседу вели : А. Уколова, В. Жилин // Новое время. – 1996. – 1 февр. : фото.

Яковлев В. Открыта мемориальная доска на здании бывшего эвакогоспиталя / В Яковлев // Новое время. – 1996. – 8 февр.

Мозговой И. В метельном феврале / И. Мозговой // Новое время. – 1996. – 8 февр.

Тумбарцева Л. Шагнули девочки в войну / Л. Тумбарцева // Новое время. – 1995. – 6 мая.

Москалёв В. Дорога мужества / В.Москалев // Новое время. – 1995. – 4 апр.

Кривошеева К. И. Кто знает имена героев? : воспоминания жительницы с. Лукьяновка / записала Л.Зиновьева // Новое время. – 1995. – 26 янв.

Черникова Т. Были и для нас цветы / Т. Черникова // Новое время. – 1993. – 3 авг.

Бородаева В. Нам дорогу эту позабыть нельзя / В. Бородаева // Новое время. – 1993. – 3 авг.

Огненные вёрсты боевых подруг : материалы встречи за «круглым столом» газеты «Новое время» // Новое время. – 1993. – 23 февр.

Черкесов В. Завещание / В. Черкесов // Смена. – 1987. – 21 июня.

Михайлов В. Никто не забыт и ничто не забыто / В. Михайлов // Горняк. – 1985. – 17 мая.

Кузнецова Р. Героям – горнякам / Р. Кузнецова // Знамя Ильича. – 1985. – 13 мая.

Шаповалов В. Руки матери / В. Шаповалов, член Союза писателей СССР // Белгор. правда. – 1985. – 28 февр.

Кругликова Т. А память священна / Т. Кругликова // Знамя Ильича. – 1978. –12 июля.

Коняев И. В наступлении // Знамя Ильича. – 1978. – 3 февр. – С.4.

Купалов Ю. Вдова солдата / Ю. Купалов // Знамя Ильича. – 1975. – 3 июня.

Жиленкова Т. Храните память / Т. Жиленкова // Знамя Ильича. – 1975. – 29 апр.

Свешников О. Не склонили головы / О. Свешников // Ленинский путь. – 1975. – 9 мая.

Бессонова В. Есть женщины в русских селеньях / В. Бессонова, председатель Бого-
словского сельсовета // Ленинский путь. – 1975. – 12 апр.

Лукоянов Г. В суровые годы // Ленинский путь. – 1970. – №72,73,74.

Захарова Л. Таня из Чанкино / Л. Захарова // Ленинский путь. – 1969. – 25 окт.

Мацнев С. Они пали смертью храбрых // Ленинский путь. – 1968. – 8 мая.

Лукоянов Г. Червоновка. 22 года спустя... / Г. Лукоянов // Ленинский путь. – 1965.
– 7 марта.

Кравцова Г. Женщинам, приблизившим Победу [Электронный ресурс] / Галина
Кравцова. – Режим доступ : <http://zdr-gazeta.ru/index.php?newsid=24993>. – 10.02.2010.

Овеяна славой земля...

пресс-клиппинг

Ответственный за выпуск:
Т.И. Извекова

Составитель:
Т.Л. Андреева

Компьютерный дизайн:
Л.В. Лыкова

Компьютерная верстка:
Т. В. Хабибулин

309181, г. Губкин, ул. Мира, 22
МБУК «Централизованная библиотечная система №1»
Тел.: 2-20-51, 2-40-96
e-mail: gubkniga@yandex. ru

Подписано в печать 29.12.2013
Заказ №072/13 Тираж 100 экз.
Формат 60х90 1/8. Гарнитура «Times Roman». Усл. печ. л. 11,75
Отпечатано ООО «Ассистент плюс»
ИНН/КПП 3128091751/312801001 ОГРН 1133128000598
309512 Белгородская обл., г. Старый Оскол, м-н Жукова, д. 45
Тел. (4725) 45-20-61, 8-903-884-29-94
E-mail: assistant-plus@yandex.ru

